

ЖЕСТОКИЕ
ЗЕМЛИ

ИСПОРЧЕННЫЕ
СКАЗАНИЯ

БРЕМЯ КРОВИ

Ксен
КРАС

Ксен Крас
Испорченные сказания.
Том 1. Бремя крови
Серия «Жестокие земли»
Серия «Испорченные
сказания», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65019191

Ксен Крас. Испорченные сказания. Том 1. Бремя крови: Эксмо; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-119262-4

Аннотация

Король умер, оставив одиннадцатилетнего сына, и это не тот случай, когда молодой правитель исправит ошибки отца.

Страх, сдерживающий озлобленных лордов, ушел вместе с королем. Законы обернулись против народа, их предпосылки были искажены и забыты.

В королевстве вспыхивают бунты. Хаос на улицах прикрывает возродившийся культ, его последователи жаждут вернуть к жизни то, что «не должно возвращаться».

В потомках первых правителей пробуждается дар, который погрузит мир в кровопролитную войну.

А причиной всему стала лишь одна ошибка прошлого.

Содержание

Пролог	7
Рирз	12
Гийер	28
Рорри	46
Ниллс	60
Клейс	71
Экрод	99
Рирз	117
Вихт	143
Рорри	155
Велес	166
Клейс	176
Кайрус	189
Рирз	198
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Ксен Крас

Испорченные сказания.

Том 1. Бремя крови

© Крас К., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память

ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

Король ждал.

Коронованный всего пять дней назад Фалин из Великой Династии Старской, бывший некогда четвёртым в очереди на престол, дал слово брату покончить с Культom Первых, и теперь его победа была близка.

Долгие десятилетия подданные Его Величества боролись с еретиками, многие погибли, защищая истинную веру и оберегая людей от неверного пути. Последний из безумцев был пойман три цикла назад и отдан палачам для допроса.

Дверь в Большой зал открылась, и слуга возвестил о прибытии палача.

– Ларс, – король поднялся с трона и сошёл по ступеням вниз, – с хорошими ли ты новостями?

– Ваше Величество, – мужчина преклонил колени, – он желает говорить лишь с вами.

– Что ж, пусть его приведут.

Последний предводитель Кulta, мужчина безродный, но статный, даже сейчас держался так, словно на его плечах лежал груз ответственности за весь мир, но эта тяжкая ноша была лишь в радость ему.

– Ты хотел говорить со мной, и я внял твоей просьбе. Говори.

– Ваше Величество! – Мужчина рухнул вниз для поклона.

Подняться ему помогли стражники. – Вы совершаете ошибку. Вы приняли меня не за того человека – я не принадлежу к Культуре Первых, а лишь такой же их враг, как и вы.

Король молчал.

– Моя семья, мой Орден, уже много столетий борется против идеи о возрождении Первых и поддерживает баланс в Ферстленде. Я последний представитель моего Ордена, и, поскольку я не успел провести ритуал посвящения, некому занять моё место. С того самого дня, как моя душа покинет тело, всё в привычном вам мире изменится, вернётся то, что мы сдерживали всеми силами. Мои друзья и близкие положили свои жизни, чтобы все люди могли жить как должно и не бояться.

– О каком Ордене ты говоришь?

– Орден Тринадцати, Ваше Величество. Силы потомков Первых затуманивали им разум, они несли лишь боль и страдания, непрекращающиеся войны и сотни тысяч смертей простых людей. Но их жажду крови ничто не могло усмирить. И тогда они создали нас – Орден Тринадцати – и объяснили, что делать. Мы призваны сдерживать наследие Первых, чтобы всё не вернулось вновь. Древние писания, что имеются у нас, помогали всем поколениям, они переписывались из раза в раз – Орден должен продолжать свою жизнь, должен оберегать народ, а для этого необходимо заставить людей поверить в нечто такое, что не принесёт вреда.

Фалин Старской не понимал, почему этот культист от-

личается от других своих братьев. Он говорил удивительно безумные слова, безоговорочно веруя в сказанное, однако при этом казался самым обычным человеком. Бог мучений не коснулся его души и разума, мужчина излагал мысли связно и степенно.

– Орден Тринадцати, Культ Первых – ваши названия разнятся, но вы говорите о Первых, давно сгинувших, если они вообще были, и о великой цели. Вы убиваете людей ради неё, возглавляете бунты и сеете сомнения в душах верующих в Богов. Вы – яд королевства. И в вас должен поверить мой народ?

– Нет-нет, мы не желали, чтобы о нас знали. Культ Первых является нашим главным врагом, как и вашим. Мы вовсе не желали раскрываться людям – нам это не требуется. Первые из нашего Ордена сделали всё, чтобы люди поверили в несуществующую высшую силу – в Тринадцать Богов.

– По-вашему, Боги не существуют? Это слова еретика, и они грозят вам казнью.

– Пусть так, Ваше Величество. Боги лишь выдумка Ордена, лучшая из всех исполненных. Люди оправдывали Богами все чудеса, что случались, то, чему не могли найти другого, более достойного оправдания. И это дало нам время – бесценное время, необходимое для ритуалов, что мы повторяем каждый год во всех местах, отмеченных первыми из нашего Ордена. С каждым новым проведением ритуала те силы, что великие рода унаследовали от прародителей – Первых, –

те, что способны уничтожить всё живое, уходили всё глубже в землю. Дар стал проявляться всё реже и реже и являлся лишь жалким отголоском прошлого могущества. Вера в Богов захватила внимание всего человечества, и вместо попыток разобраться в чудесах люди начали искать им оправдание в божественной воле, в проклятиях и благословениях.

– Твои слова – речь безумца.

– Для вас, но не для меня. Я лишь хочу объяснить вам, что Орден и Культ Первых – давние враги и я никогда не желал причинять вред кому-либо.

– Я выслушал тебя. Надеюсь, в твоих словах была хоть доля правды и ты на деле последний из своего Ордена. За твои слова и разведение смуты тебя ожидает казнь. Как и другие еретики, ты отправишься на костёр.

– Ваше Величество, молю вас лишь об одном – позвольте мне провести обряд посвящения!

– Нет.

Стража подняла безумца и повела прочь. Спокойный, достойно продержавшийся в течение всего разговора с королём, пленник потерял самообладание – он вертелся, как змей, в попытках поймать взгляд Фалина.

– Мир погрузится в хаос, Ваше Величество! Если не продолжать наше дело, Ферстленд будет уничтожен, привычный уклад нарушится и силы, что надёжно сокрыты в земле, вновь пробудятся!

Король оставался непреклонным. Он смотрел, как куль-

тиста уводят, и отдал приказ об утренней казни.

Его Величеству и представителям королевской семьи не полагалось находиться на площади при проведении казней, телесных наказаний, появляться в тюрьмах и присутствовать на обряде погребения – представители высшей власти не должны показывать, что их можно осудить, заточить и тем более демонстрировать свою человеческую смертность поданным.

Из окна король Фалин Старской наблюдал, как безумца привязывают к столбу, как палач поджигает сено, он слышал крик. Последний из Ордена не мог его видеть, но будто чувствовал, где он находится, и смотрел на короля до тех пор, пока боль не поглотила его полностью.

Стены и пол задрожали, это сопровождалось гулом, который, казалось, проникал в разум и душу короля. Фалин впился пальцами в подоконник, чтобы не упасть, и выглянул на улицу. Землетрясение поразило всех – люди с криком разбегались, прислуга бросилась прочь из замка, а гул становился всё более невыносимым, и в какой-то момент король испугался, что его голова разлетится на куски, словно брошенный на пол переспелый фрукт.

Всё прекратилось в один миг, гул исчез, будто его и не было. Люди поднимались на ноги, озирались, рассчитывая увидеть повреждения домов, но их не оказалось.

Костёр ещё горел.

Рирз

Море штормило все десять дней плавания, и лишь теперь, когда корабль вошёл в небольшую бухту, путешествующие нашли в себе храбрость выбраться на палубу. Молитвы Богам всё ещё звучали то тут, то там, но стали заметно тише. Лишь отдельные люди шептали слова благодарности перед тем, как садиться в лодку, что должна была доставить их до берега.

На месте, где должен будет воздвигать башни к небу новый замок Династии Холдбист, сейчас были только холмы, деревья, камни и высокая трава. Эти земли, весь этот материк начали исследовать и заселять всего четыре поколения назад. Раньше междоусобные войны, пиры и иные способы проведения досуга мешали лордам смотреть дальше границ своих владений – так говорили.

Рирз был уверен в другом – лорды не нуждались в новых землях, пока смертность среди них не начала стремительно падать. Веками из четырёх детей выживало лишь двое, а обзавестись своими детьми, здоровыми и способными дать жизнь следующему поколению, как правило, получалось лишь у одного. Но всё изменилось.

Отец и дед нынешнего короля тратили немало денег на лекарей и их обучение, они разрешили многие споры, начали контролировать все стычки Династий и Ветвей. И лордам

стало скучно. Когда запрещено убивать своих соседей, приходится или смириться, или искать себе новые способы развлеченья, в том числе и проливая кровь.

Знать отправилась искать то, что удовлетворит всем их требованиям. Новые дикие земли были населены многочисленными, совершенно раздробленными племенами, не имевшими единого правителя, хорошего оружия и доспехов, не строившими крепкие стены. Их вотчина оказалась плодородна, на ней обнаружили золотые прииски, а сами жители, на радость захватчикам, были куда выносливее крестьян Ферстленда и представляли собой хорошую рабочую силу.

Рирз наблюдал с безопасного расстояния, как к берегу причаливает первая лодка. Он не стремился идти впереди, прежде него отправлялись разведчики. Опасные земли всегда встречали захватчиков враждебно, местные жители всеми силами боролись за свою свободу. Некоторые из Великих Династий уже прошли весь путь – от первых высадок до обустройства лагеря и даже возведения стен, и теперь разосланные всем письма с предостережениями и их опыт помогали остальным не повторять ошибок. В этом деле у лордов не было вражды – огромные просторы сулили приумножение богатств каждому роду, а младшим из семей или незаконнорождённым – получение в свои руки власти и возможности добиться почёта и оставить своё имя в истории.

Вторая и третья лодки причалили почти одновременно. Первый отряд ждал подкрепления, прежде чем отправляться

на разведку. Каменисто-песчаный берег встретил первых захватчиков с севера удивительным радушием: насколько мог судить Рирз, наблюдая с палубы корабля, никого крупнее крабов вблизи кромки прибоя не наблюдалось. В высокой же и густой поросли, верхние части которой отличались по цвету, могла таиться опасность. Только когда разведчики подошли ближе к траве, бастард понял, что прогадал с высотой – большинству заросли доставали до груди.

Мучительные минуты ожидания тянулись. Люди бродили по траве, раздвигали её руками, лучники стояли у самой кромки воды, готовые стрелять в первого появившегося врага. Арбалетчики, как и было положено, расположились несколько ближе. Их оружие уже было полностью готово к бою. Со своего места Рирз не мог разглядеть их лиц, но предполагал, что они более чем напряжённые.

Юноша привалился к борту, впился в него руками и начал напряжённо вглядываться. Наконец, трава снова зашевелилась, лучники единым и хорошо отточенным движением натянули тетиву, несколько тяжеловооружённых воинов в доспехах отступили на пару шагов, чтобы не быть застигнутыми врасплох... Из зарослей появились лишь те же самые северяне, и никого более. Рирз считал: один, два, три, четыре... На десятом он оставил это занятие. Ничего с его людьми не произошло, засады не было, и теперь он мог отправляться лично – командир войска должен его возглавлять, что на войне, что в походе. За дни, проведённые в мо-

ре, непривычный к этому, хоть и стойко выдержавший всё юноша устал и желал поскорее добраться до суши. Конечно, он бы с большим удовольствием предпочёл оставаться дома, за безопасностью стен, а не рисковать шкурой каждый день.

На берегу всё по-прежнему было тихо.

Рирз понимал, почему здесь именно он. Для его отца – лорда Рогора Холдбиста, правителя Великой Династии, человека жёсткого, амбициозного и хитрого, – это было наилучшим решением. Одним махом он продемонстрировал свой род с наилучшей стороны – его рука теперь тоже приложена к освоению земель, и, что важнее, он убрал с глаз долой вечное напоминание о своих человеческих слабостях – бастарда.

Юноша пошёл умом и жаждой добиться большего в своего отца. Да, пока многочисленное семейство живёт и процветает, ему, незаконнорождённому, не достанется ничего, кроме учителей, меча, доспехов и хорошей кобылы, да и то лишь по доброй воле щедрого лорда. Отец видел его насквозь, читал как открытую книгу и, казалось, знал всё, о чём Рирз мечтал.

Рогор любил своих детей, и стоило бастарду начать сблизиться с наследником Династии Ротром, как лорд Холдбист нашёл способ разорвать братскую дружбу и отгородить первенца от плохого влияния, а свою ошибку молодости и последствие глупой страсти к служанке – от возможности медленно уничтожить всех конкурентов.

– Милорд, вам помочь?

– Нет, не стоит.

Лодка причалила к каменистому берегу, даже среди валунов росли высокие кусты, а между мелкими камушками то там, то тут торчали зелёные островки свежей и сочной травы. Казавшиеся издалека обычными зарослями травяные джунгли теперь выглядели ещё более пугающе. Настоящее зелёное море. Желтоватые шишечки с семенами, образовавшиеся на концах травы и раскачивающиеся на ветру, были похожи на морскую пену. Заросли волновались, гнулись, выпрямлялись и шелестели нижними подсохшими листьями. Позади слышался плеск волн о камни, но он не заглушал шелест, а лишь дополнял его. Место высадки походило на небольшой островок, с которого некуда было отступить. Беспокойство проникало в душу.

Гребцы пересели, и все лодки дружно отправились обратно к кораблю, чтобы доставить следующую часть войска. Северный бастард хмурился, наблюдая за тем, как они отдаляются, – надо было настоять и приказать одной дежурить здесь. Кто знает, что на самом деле может быть спрятано в траве? Может, враг затаился и потому его не нашли?

Рирз не мог прослыть трусом и потому не стал настаивать. В конце концов, ему пора было учиться доверять своим подданным и не искать опасность под каждым камнем. Может быть, хищники и вовсе не водятся в этой части, предпочитая леса камням, а дикари испугались приближающихся ко-

раблей? Юноша сомневался, что местные жители в самом деле умеют грамотно ловить рыбу или лакомятся крабами, которых оказалось в избытке. Несколько уже вовсю изучали стоящего на одном месте лорда, передвигали своими тонкими ножками, двигаясь вдоль ботинка, и щёлкали толстыми клешнями. По крайней мере, в ближайшие дни голодать им не придётся. На севере Рирзу не приходилось пробовать подобную пищу, но он много слышал об изысканном вкусе этого мяса от братьев-лордов, когда те возвращались с праздников на юге.

– Милорд, думаю, что нам стоит дождаться, пока придут ещё люди.

Мужской голос, что отвлёк его, принадлежал Герту Невозмутимому – долгие годы тот служил Рогору Холдбисту верой и правдой, но в качестве благодарности под старость лет был сослан подальше. Будущий кастелян замка, скорее всего, не сумеет дожить до вступления в должность.

– Я ещё не лорд. – Рирз выбрался на берег, где уже находилась часть выделенных ему людей, а лодка, как и несколько других, отправилась обратно к кораблям.

– В Ферстленде – да, но не здесь.

Герт поддерживал Рирза все годы, его жена прекрасно готовила, а его дети, выбравшие путь воинов, в детстве обучали бастарда управляться с оружием.

– Я рад, что ты здесь, Герт. Это прозвучало эгоистично, понимаю. Мне тоже жаль, что твоя семья осталась в Фиенд-

холле.

– Немного эгоистично, да. Я знаю, кто передал тебе по наследству эгоизм. Рирз, не забывай: пусть твоя мать не была женщиной знатного происхождения, но ты в первую очередь сын своего отца – хочет того лорд Холдбист или нет. Я понимаю, всё это, – кастелян кивнул в сторону серо-зелёного пейзажа, – не то, чего бы ты желал, но здесь ты можешь устанавливать свои правила. Не стоит горевать. Тем более о том, что моя семья сейчас не здесь, – я рад, что мне не придётся бояться за них каждый день.

– Меня печалит лишь одно – здесь нет ни одного борделя. Я подумываю это исправить – не понимаю, почему все начинают с обустройства лагеря и строительства замка, если есть вещи поважнее.

– Как пожелаешь. В письме лорду Холдбисту, среди прочего необходимого, я укажу и бордель. Или тебя удовлетворит какая-нибудь леди из Ветви?

– Скорее из Малой Ветви. Та, чья самооценка не позволит ей отказать мне, пожалуй.

Трава снова зашевелилась. Рирз выхватил оружие, будущий кастелян достал свой клинок и попытался встать перед бастардом, чтобы в случае чего защитить его. Подавить желание назвать старика глупцом было нелегко.

Когда лучники уже готовились выпустить первые стрелы, из зарослей выбрался северянин. Воин яростно размахивал дубиной, надеясь таким образом покончить с ненавистной

травой. Мужчина громко и со вкусом ругался, вспоминая всех своих предков, которые решили остаться на службе у Холдбистов и были повинны в том, что теперь он должен был страдать в Новых Землях. Когда же незадачливый вояка споткнулся об особенно выступающий камень и с размаху опустился одним коленом на твёрдый берег, его ругательства на время переросли в подвывания.

– Тише ты! – Вооружённый хорошо сделанным цепом воин в тяжёлых доспехах подал руку своему товарищу. Рирз не успел запомнить имена всех, но этого бритоголового, презирающего шлемы, кажется, звали Боф. – Нам внимание пока не нужно.

Неуклюжий предпочёл вместо благодарности за помощь вступить в перепалку. Бастард вздохнул и снова обернулся к лодкам. Они почти добрались до корабля – одна немного отстала. Вдалеке виднелось ещё одно судно, а за ним – третье. Лорд Холдбист отправил куда больше людей, чем на самом деле хотел, и это давало надежду, что хоть кто-то переживёт переселение в Новые Земли. К сожалению Рирза, с таким малым количеством рабочих, способных возводить замок, строительство займёт с полсотни лет.

Для того чтобы переправить всех людей, материалы для строительства, оружие, инструменты и провизию, отец выделил целых десять кораблей. Щедро. Рирз думал, что Холдбист соизволит отдать разве что три, может, пять. Вероятно, репутация лорду была важнее, чем желание отсрочить воз-

вращение сына. И всё же, прежде чем у Рирза будет всё необходимое, пройдёт не один цикл. Одна корольера могла перевезти около пятидесяти-шестидесяти человек, несколько лошадей, небольшой запас провизии для морского путешествия и на первые дни пребывания в Новых Землях, минимальный набор инструментов для кузнецов и каменщиков, оружие и доспехи для воинов и ограниченный запас трав и всего необходимого для лекарей.

Путешествие в одну сторону, при попутном ветре и хорошей погоде, составило чуть меньше одного цикла – десять дней. Если удача не отвернётся от них, то за четыре цикла, то есть пятьдесят два дня, у него и его людей будет минимум, что обеспечит плодотворную работу. Рирз не верил в такую удачу.

Рогор Холдбист планировал позже, когда пройдёт первое обустройство, отправить остальные семьи подданных Рирза, а также тех, кто изъявит желание поступить на службу к его отпрыску. Но прежде необходимо было решить вопрос с пропитанием и безопасностью – в такой траве, на чужой земле, непривычной и незнакомой, их легко перебьют по одному, сколько бы воинов ни прибыло. Бастард вспомнил, что они проплывали мимо очень выгодного горного возвышения, всего в паре миль от места высадки.

– Герт, – Рирз с неудовольствием отметил, что желающему защитить нового правителя мужчине трава достаёт лишь до груди, в то время как у него самого над зарослями может

выглядывать одна голова, – я не обесцениваю твой опыт, но твои обязанности – не защищать меня, а помогать советом. Может быть, тебе следовало пока остаться на корабле?

– И что бы я там делал? Стоял на палубе как трус и просил благословения для каждой лодки? – кастелян покачал головой. – За свои годы я уже изрядно поднадоел своими просьбами Богам.

– Ты мог бы послушать увлекательные истории Айдина. Мне кажется, у него в запасе ещё на пару таких приключений смело насобираться может.

– Он до смерти надоел мне. – Седеющий мужчина, крепкий и высокий, превосходивший ростом своего лорда, говорил громко, чётко, словно отдавая приказы, но при этом не повышая тона и уж точно не пытаясь распугать зверьё в округе. Рирзу следовало поучиться командовать так же. – Земля б его поглотила!

– Это было бы некстати, он опытнее любого из лекарей.

– И болтливее! Не затыкался всю дорогу... Он не сможет объяснять, как и что делать, если сотрёт себе язык.

– Я уверен, у него есть специальное снадобье на такой случай. Что ж, мы здесь.

– Нас запомнят, Рирз, как людей, что в начале пятьсот семидесятого года Эпохи Королей прибыли осваивать территорию и возводить новый величественный замок для потомков.

– Или как тех, кто погиб в пятьсот семидесятый год Эпохи

королей. Думаю, в первую очередь мы должны найти удобное место для лагеря рядом с источником воды. И сжечь эту ненавистную траву!

– Мне кажется, что мы отправляли больше людей, кого-то не достаёт? – Герт Невозмутимый оправдывал своё прозвище и не поддавался панике. Он, вероятно, никогда не замечал неудобств, а за всё плавание бастард не слышал от него ни единого возражения или высказывания недовольства своей участью. Лишь один раз он пожалел, что не успел починить стол дома, в Фиендхолле, и понадеялся, что жених его дочери поможет оставшейся в одиночестве жене кастеляна.

– Я не считал, – признался бастард, – но мне кажется, все в сборе. Скоро к нам придут ещё люди. Лодки уже у кораблей. Надо бы гребцов сменить?

– Сменят, не дураки. Отправить людей на разведку ещё раз?

– Да, – вздохнул будущий лорд. – Да, пожалуй.

Герт отдавал распоряжения вместо него и хорошо справлялся. Рирз так и не убрал меч и теперь мог найти ему достойное применение. Рано или поздно им придётся прокладывать путь в сторону будущего лагеря, так почему бы не начать это делать прямо сейчас? Он не хотел тупить оружие об толстые стебли травы, но бездействие вместе с непрекращающимся нарастать беспокойством утомляли его – он был уверен, что всё не может быть так просто.

Увлечшийся занятием, приставшим более крестьянину,

сын лорда Холдбиста не сразу заметил, как трава снова зашевелилась. Воин с окровавленным топором в руках вышагнул из зарослей. На его поясе в ножнах не было меча, он успел его где-то потерять. Рирз не успел возмутиться оплошностью, как мужчина упал перед ним на колени. Несколько грубо сделанных дротиков с ярко-жёлтым оперением торчали в задней части шеи.

Никто не успел поднять тревогу и понять, что происходит, как из травы начали лететь стрелы. Простенькие, с деревянными наконечниками, они разбивались о жёсткие доспехи с металлическими пластинами, отскакивали от шлемов, не причиняли вреда кольчужным перчаткам. Боф, единственный, кто предпочёл обходиться без шлема, грозно закричав что-то нечленораздельное, бросился на кусты, размахивая дубиной. Он не добежал всего пары шагов – в незащищенное лицо и часть шеи вошло сразу с полдюжину стрел и столько же ярких дротиков.

Лучники и арбалетчики рассредоточились так, чтобы покрывать всю ту зону, откуда в них стреляют. После нескольких их выстрелов слышались тихие стоны – снаряды находили цель. Невыгодная позиция мешала воинам, они не знали, куда наступать, не ориентировались в траве и зачастую даже не успевали до неё добраться. Когда четвёртый человек, защищая отступающего милорда, упал, Рирз тихо выругался. Он ещё не участвовал в настоящих сражениях, а то, что называлось турнирами, подразумевало, что противника

хорошо видно.

– Отступаем! – закричал юноша. Вариантов для отступления было немного, берег тянулся на мили в любую из сторон. Когда юноша пытался посмотреть, где же запропастились проклятые лодки с подкреплением, ему на глаза попались несколько здоровенных валунов почти в человеческий рост в сотне шагов от него. – К камням!

Не все люди услышали его и послушались, но большая часть всё же последовала к валунам. Герт отчеканил его приказ ещё дважды, и его командный голос сумел достичь цели.

Небольшое укрытие помогало скрыться от метательных снарядов и вынудило дикарей покинуть свои насиженные места. Семь человек, одетых в кожи и шкуры, с непонятной обувью, а то и босыми ногами, тряся в воздухе деревянными копьями и топорами из камня, понеслись в сторону валунов. Им хватило ума рассредоточиться и нападать со всех сторон разом, но этого было недостаточно для победы. Бравые северные воины, облачённые в железо, обученные действовать заодно, уничтожили первую волну дикарей в считанные секунды.

Вторая попытка аборигенов, на этот раз состоящих из более разумных и готовых тратить время на то, чтобы подкрадываться, а не нестись сломя голову, была уничтожена ещё быстрее – тяжёлые арбалетные болты прекрасно пробивали шкуры, кожу и плоть. Пока стрелки перезаряжали своё оружие, лучники продолжали их дело.

Лодки с новыми гребцами, которые старались изо всех сил, ещё не успели прибыть на помощь, как всё сражение вдруг закончилось. Трава тихо шевелилась на ветру, ни один дротик более не вылетал из неё. Отряды из храбрецов-разведчиков, которых Герт, продолжавший вместе с Рирзом сидеть за камнями, тихо поносил за некомпетентность, слепоту и тугодумие, вновь прочесали заросли. В этот раз бастард пересчитывал их. Они обшаривали каждый куст, но врагов так и не обнаружили.

– Может, мы всех перебили? – поинтересовался один из арбалетчиков. – Их уже который год бьют, не размножаются же они, как кролики?

– Почём нам знать, как они размножаются? – Герт положил руку на плечо Рирза, когда тот решил вынырнуть и посмотреть, что да как, и настойчиво нажал. Он не хотел, чтобы будущий правитель рисковал, но не понимал, что, только возглавляя народ, тот сумеет добиться признания и послушания. – Может, за всё это время они только и делали, что рожали и растили детей? Мы не знаем и сколько их было. Милорд, не стоит...

– Они ушли, ты же и сам это видишь, – бастард выпрямился. На всякий случай он натянул на голову кольчужный капюшон. Он не любил носить шлемы, как и Боф, – его металлический, искусно сделанный и внешне привлекательный, а по удобству похожий на ведро с прорезями головной убор остался на корабле. Это было опрометчиво. – Я думаю, в

ближайшие пару часов мы можем быть спокойны. А может, и дней.

– Почему ты так в этом уверен? Они додумались напасть на нас, когда лодки далеко, и у нас не было пути отступления. Они додумались стрелять по нам из травы, а до этого сидели так тихо, что их никто не обнаружил. Кроме Гуара, но тот поздно вато нас предупредил.

– Своба всё ещё нет. Наверное, дикари убили его, – оповестил лорда арбалетчик. Своб был его родственником – то ли кузеном, то ли кем-то более дальним.

– Додумались. Они не первый раз сталкиваются с такими, как мы, наверное, они заметили наши корабли. Сейчас мы расправились с полутора десятком их бойцов в ближнем бою за минуту. Больше десятка убили наши стрелки, хотя у врагов было преимущество – они успели найти себе укрытие и выжидали. Скольких из наших они убили всеми своими силами? Пятерых?

– Со Свобом шестерых, – не унимался стрелок. – Похоронить бы его как полагается... Найти и похоронить.

– Мы так и сделаем, как только к нам прибудет подкрепление, – сказал Рирз. Он наблюдал, как от остальных кораблей, бросивших якорь рядом с первым, начали отплывать лодки. Бухта заполнилась ими, и каждая везла на подмогу людей. – Скорее всего, они станут за нами наблюдать и ждать удачного времени.

– Например, ночи, – поддержал его мысль Герт.

– Да, например. А значит, нам следует успеть до этого подыскать себе более подходящее место на возвышенности и ждать нападения. Выставим охрану, подготовимся к отступлению, если что. Оставим пока всех женщин, врачей и тех, кто не умеет сражаться, на кораблях.

– Мы выйдем из графика, милорд, – напомнил будущий кастелян. – Дольше двух дней мы продержат их не сможем.

– Значит, нам надо успеть за эти два дня подготовить лагерь. Первая группа отправится сразу же, как причалят лодки.

Гийер

В день, когда Его Величество Гийер Старской впервые почувствовал себя неважно, шла королевская охота. Монарх не любил, когда люди поддавались ему, и всегда громко высказывал своё уважение победителям. Пожалуй, чересчур яро, но лишь затем, чтобы продемонстрировать – он не желает выигрывать нечестно.

Гийер ещё в юности прославился как лучший стрелок королевства – тогда он твёрдо знал, что когда-нибудь займёт престол после отца, и надеялся перед этим повидать мир. Власть не столько давала силы и привилегии, как говорил его предок, сколько привязывала к месту. А прежде, чем он мог получить разрешение на веселую жизнь, отец обязал его научиться защищать себя и обзавестись всеми навыками, необходимыми для выживания.

В тот день стрелок промахнулся, и, пусть он уже перешагнул черту молодости, это было невероятным событием. Гийер не просто не попал в пригнанного загонщиками оленя, но выстрелил куда-то в сторону и едва не ранил пса из собственной своры. Он помнил, как целился, как натягивал тетиву, как смотрел на рогатого, как после в глазах вдруг потемнело, мир закружился и пальцы стали слабыми, чужими и непослушными. Король хотел убрать руку от уха, но вместо этого случайно отпустил стрелу и начал заваливаться на бок.

Что происходило после этого, королю уже рассказывали. Ему поведали, как подоспел его верный подданный, хороший друг и советник Клейс Форест. Он был первым, кто поддержал короля и не позволил ему упасть. Затем подоспели гостившие в то время лорд Брейв Бладсворд и лорд Тормер Дримленс, привезший с собой единственного сына Рорри. Гийеру казалось, что он даже слышал вскрик ребёнка, прежде чем мир полностью погрузился во тьму.

Теперь темнота окружала его постоянно. Когда-то он её не любил, но, по иронии судьбы, только она была способна помочь ему. Яркий солнечный свет причинял боль, и из-за этого шторы были всё время плотно задёрнуты. В последние дни король даже не вставал с кровати, болезнь совсем его истощила.

Случай на охоте был первым тревожным звонком, однако в то время никто, кроме друга Фореста, не придавал этому большого значения. Врачи твердили про переутомление, лорды предполагали, что король мог перегреться или что-то не то съесть, а уж учитывая пир за два дня до охоты, ни у кого не было сомнений, что обморок – закономерное явление. Пожалуй, люди и сам король тут же позабыли бы об этом, будь приступ единичным.

Через три цикла Гийер уже оправился, получил одобрение от лекарей жить привычной жизнью и вернулся к исполнению своих обязанностей. Окрылённый правитель издал указ о проведении рыцарского турнира в честь своего выздоров-

ления и призывал всех лордов явиться на праздник. Королевский отпрыск, принц Аурон, должен был впервые выступить перед зрителями, и Гийер хотел, чтобы ребёнку рукоплескала вся знать.

Превосходный пир, на который успели прибыть почти все лорды, состоялся почти через семь циклов после приступа. Лишь сам Гийер знал, что слабость никуда не делась, а лишь предпочитала не проявлять себя. Мужчина, в свою очередь, решил не говорить о ней даже врачам. Переутомление было хорошим оправданием состояния, а потемнения в глазах, которые теперь могли застигнуть врасплох почти в любом месте – во время приёма просителей, на пиру, на охоте, в покоях во время умывания или пока король шёл по коридорам или спускался по лестницам, – было не столь сильными, как в первый раз. Всего на несколько секунд Гийеру приходилось зажмуриваться – он даже научился не покачиваться при этом.

Переломный момент случился через два дня после большого застолья, во время турнира. Два лекаря, которые всё это время были приставлены к королю, и мало того, что следили за ним денно и ночью, но и вдобавок заставляли своих помощников следовать за Его Величеством даже в уборную, убедили его, что продемонстрировать свою мощь, пусть и немного поугасшую с возрастом и из-за сидячего образа жизни, было бы совсем неплохо. Его телу нужна была встряска – утверждали врачеватели, и король был с ними согласен.

Он хотел послужить примером для сына и вспомнить былое.

Королевские доспехи были ему всё ещё впору, быть может, их пришлось лишь немного расширить на поясе. Что было тому виной – пиры, возраст или последние три цикла без движения при неплохом аппетите, сказать было сложно.

– Его Величество Гийер Старской! – продекламировал герольд в тот последний раз, когда король вышел на ристалище. Монарху подали шлем и копьё с наконечником, который для сражений знати делали специально в виде двух деревянных кругов с проложенными между ними слоями травы и кожи. Перехватив оружие поудобнее, Гийер почувствовал недомогание. Он выпил слишком много вина, прежде чем решил вспомнить молодость, и надеялся, что это не помешает.

От внезапного звона в ушах Гийер даже не услышал, кому предстояло быть его противником. Он начал задыхаться в тёмном доспехе, ему казалось, что шлем сдавливает голову. Упрямо направив коня вперёд, на место, с которого он должен был взять разбег, король почувствовал, как силы снова покидают его. Уже довольно поздно, когда протрубили начало поединка, Его Величество понял, что руки больше не могут удержать копьё. Его конь занервничал, почувствовав страх всадника, на миг подумавшего, что он умирает.

В этот раз позорное падение и то, как правителя вынуждены были выуживать из доспехов и нести в покои, чтобы там снова отпаивать, видели все лорды. Через день Гийер уже

смог вставать с постели и даже поучаствовал ещё в нескольких пирах, но он чувствовал на себе пристальные взгляды, полные сомнений в способности Старская продолжать правление. В этот раз, чтобы набраться сил и на самом деле вылечиться, Гийеру потребовалось намного больше времени.

Всё ложе, мебель и даже стены покоев, в которых лежал Его Величество, впитали в себя запахи жира, масел и трав от десятков лечебных настоев, компрессов и мазей. И всё то время, пока не мог встать король, советник Форест вёл дела. Никто не назначал его, Гийер не подписывал никаких бумаг, но этого и не требовалось.

Весь простой люд и вся знать понимали, что управление перейдёт к другу правителя Ферстленда в любом подобном случае. Когда Гийер проводил время с сыном или уезжал по приглашению на свадьбу, Форест садился на трон и командовал. Кто-то говорил, что Клейс – всего лишь марионетка в руках короля. В чём-то злые языки были правы – король любил брата своей погибшей жены как собственного, и младший из Форестов платил ему взаимностью. Даже женить Клейса, отослав в собственный замок, стоило королю большого труда.

Его Величество тогда совершил глупость, в чём он убедился, осознав, что готовый на всё ради королевства и правителя Форест был способен в одиночку следить за тем, для чего королю требовался целый отряд помощников.

Долгие дни в провонявших лекарствами покоях не вылечили

правителя – ему становилось то лучше, то хуже, но с каждым разом возвращающиеся обмороки становились длиннее, а периоды просветления – короче.

За вторым приступом последовал третий, затем четвёртый, пятый... Сложно было поверить, что совсем недавно король разъезжал по своим владениям, принимал у себя гостей, устраивал пиры, развлекал себя и своего близкого друга и советника охотой, устраивал праздники, решал вопросы с землями Династии Дримленс и чувствовал себя полным сил.

Былую мощь Гийер уж и не надеялся вернуть. Сначала он отменил дальние поездки – дорога в седле стала утомлять его. Со временем правитель стал отказываться от охоты и турниров, от пиров и многочисленных гостей.

Когда монарх ослаб настолько, что приступы стали уже привычным делом, а руки потеряли способность держать даже кубок, до помощника дошли слухи обо всём этом. Король сам же этому поспособствовал, не желая выказывать слабость напрямую – и Форест вернулся, едва не забыв взять в столицу жену. Король благодарил за это всех Богов, а должен был скорее молить о выздоровлении.

Гийер познакомился со своим советником очень давно – на свадьбе. Аалия, королева Ферстленда и сердца правителя, была старшей сестрой Клейса, которого любила, пожалуй, материнской любовью. Мальчишка был смышленным и весёлым, он, хоть и прожил на этом свете всего семь лет, казалось, понимает, что его участь – стать вассалом брата и

взять в жёны леди, на которую ему укажут. Гийер помнил рассказы отца, Фалина, получившего прозвище Добрый – он был четвёртым в очереди на престол, но пережил всех братьев и стал королём. Фалин рассказывал, что в детстве не знал, чем хотел заняться, потому что его семье всё время было не до него. Та же участь постигла и маленького Фореста, но если отец короля предпочитал набираться мудрости из книг и трактатов, то Клейс рос бойким, шустрым и чрезмерно хитрым мальчиком.

Чтобы привить брату Аалии хоть какие-то стремления, после уговоров жены Гийер решил сделать младшему Форесту подарок и вселить в ребёнка веру, что у него всё обязательно получится, сложится наилучшим образом, если приложить усилия. Мальчику нужна была цель и небольшой толчок в нужном направлении. Кто ж знал, к чему это приведёт?

Младший из Форестов в самом деле задумался. И решил, что хочет прославиться во что бы то ни стало. Правитель Ферстленда надеялся, что их редкие беседы убедят Клейса взяться за ум, но совсем не ожидал, что спустя годы этот молодой человек стает лучшим из его советников, начнёт развивать королевство и вносить разумные и новаторские предложения.

После похорон королевы Аалии Старской правитель не захотел оставаться один. Может быть, жестоко было играть на братской любви, но именно её использовал Гийер, чтобы убедить лорда остаться при дворе. Доверенный человек,

преданный как собака в память о сестре и в благодарность за поддержку в прошлом – такой помощник нужен любому королю. И Гийер поддался искушению использовать доверчивого Фореста.

В какой-то момент король перестал покидать замок, а после и вовсе начал выходить за пределы покоев только при поддержке Клейса. Гийер знал, что умирает. Он понял это давно, и, сколько бы лекарей ни пригонял его советник, это ничего не могло изменить. Чуть более чем за год до этого, когда он впервые потерял сознание на час, а то и больше, он всё осознал. Король сумел мужественно признать, что его смерть неизбежна. Оставляя управлять землями своего сына, ещё мальчишку, которому на тот момент едва пошёл десятый год, да ещё и без поддержки, означало дать повод Династиям начать борьбу за трон. Достойных стать помощниками Ауруну Старскаю, тех, кто фактически будет управлять королевством, было много. Но мало тех, в ком король мог быть уверен целиком и полностью, тех, кто, когда придёт время, наденет на голову его сына корону, провозгласит его королём и будет рядом, сколько потребуется.

Он знал – ни у одного короля до него не было такого друга, в котором нельзя было бы усомниться хоть на минуту. А у него был Клейс. Даже отец Его Величества, Фалин Добрый, никому не мог доверять полностью. А уж он успел стать самым известным правителем последних сотен лет.

Фалин Старскай был удивительным человеком – его и лю-

били, и считали умалишенным и душевнобольным, и осуждали, и, возможно, кто-то даже его ненавидел. Однако больше всё же любили.

Добрый король не должен был занимать престол, однако, достигнув двадцати трёх лет, Фалин, на тот момент заядлый путешественник, верный вассал старших членов семьи и покоритель Новых Земель, узнал, что теперь ему предстоит управлять Ферстлендом. Гийер понимал – его отец успел увидеть многое, пока путешествовал. В детстве он часто слышал рассказы о том, как его отец, влекомый неизведанной далью, хотел увидеть больше, посмотреть мир, но был вынужден сидеть на троне. Гийер к своей участи относился более спокойно, неизведанное не манило его. Он знал, многие интересные вещи могут быть ещё и очень опасными.

Насмотревшись на жизнь простолюдинов и только пройдя коронацию и все необходимые процедуры, Фалин стал оказывать помощь людям. Первые его указы закрепили право крестьян подавать жалобы на лордов. Затем Фалин издал ещё один указ, обязывающий землевладельцев оставлять своим людям часть доходов с земель, достаточную для прокорма всей семьи крестьянина или ремесленника в течение года, а также позволяющую людям продолжать их дело, будь то засев полей или содержание орудий труда.

Добрый понимал, его слова не возымеют силы, если не будет контроля. Фалин собрал отряды из Серых рыцарей и своих доверенных лиц и назначил им круглый год разъезжать

по всем землям, проверяя, насколько выполняются приказы правителя.

Более трёх десятков лет назад Фалин Добрый приравнял к мудрецам тех, кого считали обманщиками и шарлатанами. Занимающихся тёмной магией, алхимиков, любителей создавать непонятные людям вещи, всех, кого считали колдунами и ведьмами, он назвал изобретателями и учёными и издал указ, что теперь они могут учиться в Гильдии Мудрости наравне с лекарями, разумеется, за счёт пожертвований. Тогда это вызвало настоящее разделение людей на два враждующих лагеря, даже между членами одной Династии происходили ссоры. Все бунты Фалин Старской подавлял – где-то силой, где-то словом, а где-то и монетой. Гийер гордился умным и целеустремлённым отцом.

Спустя всего год, когда население королевства ещё не успело успокоиться, отец Гийера заявил, что почти закончена подготовка и достройка старого замка на острове Фейт и он открывает там лазарет для душевнобольных. Это заявление вызвало серию новых волнений и осуждений, Фалин Добрый решал в этот раз всё долгими и нудными проповедями от глашатаев, разъезжающих по всем краям. В речах этих говорилось, что умалишенные не прокляты Богом мучений, а лишь больны, почти как тяжело раненные на поле боя войны.

А после пришлось взяться за оружие, чтобы убедить всех в словах, что пробовали втолковывать глашатаи.

Ещё одним решительным шагом в новую жизнь стало разрешение лекарям не только облегчать страдания душевнобольных, но и изучать их, писать трактаты для своих коллег. Кроме того, все обучающиеся лекарскому делу стали иметь законное право изучать тела. Раньше это могли делать лишь опытные лекари, Гроссмейстеры и их доверенные помощники.

Гийер знал, что и сейчас есть недовольные, даже спустя столько лет. Он знал, что первые годы были самыми тяжёлыми, но Фалин Добрый не сдался. Он понимал – Добрый король старался ради будущего. И Гийер преклонялся перед своим отцом.

Сам умирающий правитель, хоть и шёл по стопам предка, понимал его мотивы и стремился сделать жизнь ещё лучше, тем не менее не был таким любезным с друзьями, настолько же щедрым с подданными и удивительно всепрощающим с врагами. Гийер заслужил куда менее славное в глазах народа, но более правильное прозвище. Он стремился именно к этому. Его прозвали Справедливым королём.

Сейчас, когда мир терял очертания и мужчина мог видеть только то, что было внутри него, он проживал свою жизнь заново. Да, он на самом деле сделал слишком мало. Он боялся, что не войдёт в историю, как его отец, его запишут, как справедливого короля, который не привнёс ничего нового, и вскоре позабудут.

Король смотрел в прошлое и понимал – он лишь испол-

нитель.

Он не решил ни одного серьёзного конфликта – всё решилось до него, он не сделал никакого прорыва, не издал ни одного закона, что повлияло бы на жизни его подданных. Гийер Старской не запомнится с хорошей стороны, а с плохой... Он не позволял себе ничего, что показало бы его не в том свете. Он – сын великого Фалина Доброго, и никто более.

Может быть, всё пронеслось, как один миг, а может, он пролежал несколько часов – Гийер давно перестал следить за временем. Сейчас его было слишком мало, и оно бежало, бежало, бежало. Никто не способен был его остановить и вернуть.

Лежавший в своей постели – измождённый, исхудавший, едва способный шевелиться, – Гийер понимал это особенно хорошо. Его время, его часы, минуты, которые были отведены лично ему, неумолимо утекали. Страх стал неизменной составляющей жизни короля, от него было не избавиться. Одиночество утомляло, и лишь будущий регент находил способы поддержать умирающего. Король привык, что стоило ему открыть глаза, как он мог лицезреть встревоженное лицо друга. Поначалу он предпочитал переживать всё в одиночестве, но сейчас страх не покидал Его Величество. Сколько бы жрецы ни рассказывали про лучший мир, переступить черту, не зная, что там на самом деле, было страшно.

Гийер открыл глаза. Его зрение испортилось от болезни, но не настолько, чтобы не понять – Клейса рядом не было.

Наверное, он проснулся слишком рано. Его Величество давно убедился, что советника, друга и защитника лучше ему было не сыскать. Более того, оказалось, что Династия Форестов вырастила ещё и безупречного слугу, помощника для тяжелобольных.

Правитель смог признаться самому себе в этом – да и какая разница, если смерть уже близко?

Лорд Форест взвалил на себя непосильную для любого другого человека ношу, не рассчитывая ни на какие благодарности и почести, лишь потому, что хотел помочь. Чем хуже становилось правителю, тем больше работы делал Клейс. Как он успевал найти время на всё? На всё, кроме своей жены.

– Почему ты избегаешь леди Гилар, Клейс? – спросил король. Кажется, это было около полугода назад, а может, и трёх сезонов – последний год слился в одно бесконечное угасание. Гийер твёрдо знал, что тогда он ещё самостоятельно ходил, пусть и быстро уставал.

– Она непривлекательна, и у меня нет времени на её капризы – осень скоро, пора отправлять помощь крестьянам, собирать урожай и...

– Разумеется, ты весь в делах. Возьми себе помощника, а лучше нескольких.

– Я считаю, что сделаю всё сам куда лучше. И не придётся переделывать.

– И всё же вернёмся к леди Гилар. Ветвь Айсрок все-

гда показывала себя с лучшей стороны. Твоя жена весьма недурна собой, воспитана, по достоинству ценит оказанную ей честь стать гордостью рода и связать себя с Династией.

– Я младший в нашем роду.

– Ты лорд Великой Династии, Клейс. Ты – Форест. Твоя леди-жена тебя уважает и понимает, что ты занят. Но я видел, как ты разбирался с множеством писем – неужели они лучше, чем леди Гилар?

– Она жаловалась тебе? Не понимаю, чего ей не хватает, – здесь происходит больше интересного, чем в её собственном доме, и уж тем более в замке, что нам подарил Райан. Я не хочу удовлетворять все её капризы. Мы можем сменить тему?

– Райан... Тебе не по нраву, что тебя заставил жениться твой старший брат, и это единственная её вина?

– Я знаю, что могу сам отвечать за свой выбор и решать, что делать. Ты это заметил, когда мне было семь, а он не замечает и теперь, хотя мне пошёл двадцать пятый год!

Форест всегда шёл против всех. Его излюбленное с детства развлечение – противостоят мнению большинства, особенно если среди этого большинства был Райан Форест, старший брат Клейса. Гийер слышал историю про то, как правитель Династии, когда они оба были младше, смеялся над самым низким и щуплым из их семьи. Сам Райан походил ростом и телом на Бладсвордов – сильный, возвышающийся почти на голову над другими лордами, покрытый гу-

стыми волосами, наверное, во всех местах, а теперь ещё и с бородой. Клейс на его фоне смотрелся ребёнком даже тогда, когда они оба выросли.

Лорд Форест тихо отворил дверь, король понял, что друг боялся разбудить его.

– Клейс... – его собственный голос, мелодичный и про-никновенный до болезни, сейчас был тихим, хрипловатым и дрожал. Он не хотел верить, что этот голос слабого и умирающего человека принадлежит ему, но увы.

– Ваше Величество!

Клейс, как всегда, учтив и взволнован.

– Подойди.

Силуэт двинулся к нему, стал чётче, у него появились де-тали и лицо.

– Ваше самочувствие?... Вам лучше?

Изо дня в день он задаёт этот вопрос и знает на него от-вет. Каждый день, а уж в последние пару циклов и подавно, грозил стать последним.

– Ты сам знаешь. Ты снова за своё. – Приходилось делать паузы между словами, иначе короля начинал терзать кашель и ему не хватало воздуха. – Я в первую очередь твой друг. У меня есть имя.

– Гийер.

В помещении стало тихо.

Гийер не знал, с чего начать этот разговор, – он хотел успеть очень многое, но осталось недостаточно времени.

– Гийер. – Клейс нарушил тишину. Он горевал, однако выполнение своих обязанностей было для него куда важнее. – Приказать подать вам завтрак?

– Не стоит, сомневаюсь, что смогу проглотить хотя бы кусок. Лучше помоги мне сесть. И сядь рядом. Нам есть что обсудить. Садись, Клейс. Хорошо, – он попытался улыбнуться, когда советник сел на край кровати, – Расскажи мне, что с лордом Династии Дримленс.

– Ваши люди уже отправили весточку, что добрались до его земель восемь дней назад, и сейчас вместе с лордом Рорри Дримленсом они направляются в замок.

– Сколько человек его сопровождают?

– Кроме его слуг и советника, с которым мальчик не пожелал расставаться, немногим больше шести десятков. В тех землях мало разбойников, но даже если и найдутся, то предпочтут обойти отряд стороной.

– Ты должен будешь присматривать за маленьким лордом Дримленс.

– Гийер, я уверен, что лекари смогут...

– Довольно, – эти слова он слышал уже очень много раз. – Клейс, прошу, хватит об этом.

Лорд Форест нахмурился так, будто это он лежал прикованный к кровати и надеялся продлить свою жизнь ещё на день-другой.

– Почему этот мальчишка нужен вам?

– Нам, – поправил его король. – Он наследник земель сво-

его рода. Да, после той старой истории с моим отцом и братьями Вердом и Дароном Дримленс часть их земель перешла под моё управление и была роздана другим Династиям. Однако эти земли не стали отбирать у них навсегда, уверен, ещё мой отец хотел вернуть их настоящим хозяевам, и я хотел, но делать это придётся тебе. Наследство лорда Рорри занимает очень выгодную позицию, земли плодородны, и золотые прииски у них в достатке. Этот мальчик...

Правитель говорил долго, и кашель одолел его. Несколько минут он приходил в себя, маленькими глотками пил из поднесённой ко рту чаши и снова кашлял.

– Если мальчика убьют, то за земли начнётся война. Ты не хочешь войны между Династиями.

– Ни один король не избавит свои земли от кровопролитий. Клейс, ты слишком молод и не знаешь, какими жестокими могут быть войны. Ты не видел. Я хочу верить, что ты не увидишь ни одну настоящую войну.

– Я прослежу, чтобы лорда Дримленса разместили в замке, и отправлю управлять землями хороших и знающих людей. До тех пор, пока Рорри не повзрослеет и не сможет управлять своей Династией самостоятельно.

– Я рад. Друг мой... – Король понизил голос – так ему казалось. Он говорил по-прежнему тихо, но теперь, чтобы изменить звучание, ему пришлось приложить нечеловеческие усилия.

Советник склонился ниже.

– Наша тайна... Я верю, ты сможешь. Присматривай за «моим сыном», пока не придёт срок. Он должен знать всё, прежде чем... прежде...

– Я понял. Я всё сделаю, Гийер.

– И помни, ездить к нашим друзьям очень часто опасно – по пути можно встретить недругов.

Король перестал чувствовать свои руки – сначала отнялись пальцы, теперь он не мог и вовсе пошевелить ими. У него почти нет времени.

– Ты регент, мой друг. Пока Аурон не наберётся опыта, правь. Так, как считаешь правильным. Я знаю, ты со всем справишься. Не покидай его, ни сейчас, ни когда-либо после. Я знаю, что ты способен привести моего сына и все наши земли к величию. Дай мне слово.

– Я клянусь.

Рорри

Мальчик не понимал, зачем ему покидать свой дом. Замок, в котором он жил все эти годы, был хорошим. Когда его отец погиб, по нему Рорри очень скучал, ему стали помогать добрые советники и друзья его родителей. Рорри узнал, что теперь он единственный наследник очень хороших земель великой Династии Дримленс. Все государственные дела за него пока решал Его Величество и советники, а юного правителя заставляли много учиться. Это занятие казалось ему скучным. Пока отец, лорд Тормер, был жив, он брал Дримленса-младшего с собой на охоту. И они вместе ездили в гости к друзьям отца и другим лордам. А два года назад они даже побывали у Династии Вайткроу в их очень красивом замке на пиру. Рорри там танцевал, танцы ему всегда нравились, а учителя танцев хвалили его.

Его хвалили и рыцари, дети всех лордов учились у них – такова традиция, как объяснил ему отец. Рыцари всегда считались лучшими бойцами. Их нельзя приравнять к обычным воинам или стражникам, каждый рыцарь всю жизнь совершенствовался, с самого детства и до смерти. Лорд-правитель Дримленс в своё время говорил, что один рыцарь стоит десяти хороших воинов, сотни молодых бойцов и тысячи простых крестьян, которым только дали в руки мечи. Советник Уоррк всегда смеялся над этими словами, считал, что

отец любит приукрашать. Но Рорри тогда верил лорду.

Уже многие десятилетия рыцарей уважали и ценили, сиры отдавали свою жизнь службе и не могли иметь семей и своих детей. Их жизнь не была лёгкой, некоторые предпочитали путь странствующих рыцарей, что служили то одному лорду, то другому, – их нередко нанимали бедные Малые Ветви, если не получали от короля других учителей. Большая часть выбирала своего правителя и приносила ему клятву верности, хотя в первую очередь они служили королю. Братство чтило свою репутацию, рыцарская клятва была нерушима. У этих людей могли быть друзья, никто не мог запретить им любить и ненавидеть, но главное место в их жизни занимал их правитель. Может быть, именно из-за отсутствия собственной семьи они привязывались к маленьким лордам и порой отказывались покидать дом, даже по королевскому призыву.

Подул сильный ветер, и Рорри поежился. Они оставили в Профисайфелле много тех, к кому привык маленький лорд. Ему было всего двенадцать, и последние полтора года он не покидал пределов столицы. Рорри нравилось в замке и в окружавшем его городе – развлечений хватало, приятелей тоже, а все продавцы всегда встречали правителя улыбками и дарили подарки. Он не хотел ехать ни к какому королю и жить в гостях.

– Дядюшка Уоррк, я хочу домой. Ты говорил, здесь опасно, меня могут убить, а дома меня защитят.

Советник улыбнулся. Он всегда ему улыбается, Рорри любил Уоррка и знал его с самого детства – старик служил ещё лорду Тормеру.

– Посмотри, как много рыцарей с нами едет! Лорд Дримленс, не бойся. Мы быстро доберёмся до земель Старскаев, а там на нас никто не посмеет напасть.

– Зачем мы поехали? – капризно протянул мальчик. – Я хочу домой. Там тепло, и там мои друзья.

– Дети кухарок, псаря и служанок? Это недостойная компания для лорда.

– Они мои друзья! Я не хочу никуда ехать. Давай вернёмся домой, дядюшка Уоррк?

– Его Величество Гийер Справедливый Старской хочет с тобой повидаться, милорд.

– Так пусть приедет сам к нам! У нас есть комнаты, чтобы разместить и его, и его охрану, и...

– Рорри! Ты уже взрослый юноша, веди себя соответственно.

– Я лорд. Я хочу делать то, что я хочу. А я хочу домой!

– Подожди ещё года четыре, и будешь сам решать, куда тебе ехать. Я знаю тебя, ты умный юноша, ты должен понимать – тебя позвал к себе пожить сам король!

– Я уступлю его величеству свои покои и место за столом...

Советник устало вздохнул. Юный лорд слышал, как Уоррк говорил, что совершил ошибку – нельзя было ограждать

Рорри от общества других лордов. Земли Дримленс имели удачное расположение, у них было несколько крупных портов, и сейчас, после того как освоение Новых Земель оказалось прибыльным, выход к морю мог принести немало дохода.

А однажды Дримленс подслушал разговор советника с рыцарем, в котором Уоррк признался, что боится.

Он говорил тогда, что лорд Тормер Дримленс запомнился хорошим человеком, да, он любил приукрашать, его нельзя было назвать мудрецом или интересным собеседником. Он не устраивал войн, не отвоёвывал королевские земли, которые ранее принадлежали его Династии, и не ссорился с другими лордами.

Отец Рорри любил охоту, вкусную еду, оружие и рыцарские турниры. Мужчина среднего роста, самого среднего телосложения, правда, с течением лет он стал меньше разъезжать, больше есть и заимел внушительный живот. Светловолосый Уоррк признался, что они всегда казались сероватыми, серые глаза и лицо, которое совершенно не запоминалось с первого, да и со второго раза тоже.

Тормер Дримленс если и изменял жене, то делал это редко и тихо, он не развлекался со служанками, не напивался до смерти, не любил заключать споры. Он не тратил деньги бездумно, но и не оплакивал каждую монету, он не искал новых источников увеличить богатство своей Династии. Лорд Тормер не избивал крестьян, не отбирал у них последнее, но

и не вмешивался в их жизнь, он не помогал им и не мешал.

Тормер Дримленс был самым средним человеком. С каждым лордом жизнь людей менялась или в лучшую, или в худшую сторону, за лордом закреплялось прозвище, порой очень обидное, бывало, что чрезмерно хорошее. Про Тормера не говорили. Годы его правления были хороши тем, что он совершенно никуда не лез и был замечен лишь тем, кто кормил его, одевал и менял постель.

И всё же Уоррк высказал предположение, что его лорда убили из-за земель. Человека, который никому не мешал и, вероятно, с лёгкостью заключил бы союз через сына и тем самым наладил отношения с любимым, кто пожелал, убили. Старик, полюбивший отпрыска своего правителя как собственного, боялся, что Рорри постигнет та же участь. Он оградил мальчика от всего и не позволял покидать Профисайфелла.

Теперь он жалел, ведь ребёнку требовалось общение. Слуги – это хорошо, советники и лекари, безусловно, полезны, но ни с кем из них не поиграть в рыцарей. Никто из них не согласится устраивать шалости или воровать с кухни вкусности. И никто из них не разделит мнение, какие взрослые – непонимающие люди.

Подслушанный разговор напугал наследника земель, а советник сказал ему, что лорд напоминает свою мать, леди Брун Дримленс, из Ветви Айсрок, тётю нынешней жены королевского советника Клейса Фореста.

Про леди говорили много хорошего, она была приветлива,

её спокойствию могли только завидовать, к тому же она была весьма хороша собой – светловолосая, статная, она всегда держалась достойно, её движения были плавными, а в танцах ей не было равных. Леди-жена Тормера всё делала с душой, искренне и потому производила приятное впечатление.

Уоррк поделился, что более всего ему запомнилось желание леди быть если не любовницей, то другом своему лорду-мужу. Она посещала с ним все приёмы и балы и, в отличие от Тормера, умела покорять гостей своими манерами, образованностью и талантами. Брун Дримленс научилась разбираться в оружии и охоте, однажды, много лет назад, когда лорды собрались на землях Старскаев, чтобы отправиться на охоту, и леди Брун решила сопровождать мужа, сам Справедливый король отметил её успехи.

Леди Брун была старшей из сестёр, а замуж вышла последней. Никто и не надеялся, что лорд Тормер между двумя леди, достигшим лишь четырнадцати лет, и леди из Ветви Айсрок, которой стукнуло девятнадцать, выберет старую деву.

Благодарная леди старалась наладить отношения в браке, и ей это удавалось, а через полтора года после свадьбы родился здоровый и крепкий Рорри. После рождения сына лорд и леди Дримленс ожидали пополнения ещё четырежды, но дети либо рождались мёртвыми, либо не переживали и первой недели, и пара сдалась.

Рорри рассказывали, что после этого отношения могут испортиться, но его родители нашли в себе силы принять свою

судьбу, и, хоть лорд Дримленс теперь не посещал спальни своей супруги, всё остальное осталось неизменным. Мать и отец наследника, как в романтических сказках, что леди Брун читала в детстве Рорри, умерли в один день, и Уоррк заметил мальчику семью.

Старик всё твердил, что зря лишил своего воспитанника возможности общаться с равными ему. Советник считал друзей юного лорда необразованными, говорил, что их вера в множество примет, видения и сказки глупа. И ему не нравилось, когда Рорри отдавал приказы родителям своих друзей, а его хитрые приятели подыгрывали лорду.

– Дядюшка Уоррк, – протянул мальчик, – мы можем сказать, что мне поплохело. Или что ты чувствуешь себя неважно...

– Рорри! Не шути с такими вещами.

– А что? Ты ведь уже немолодой. – Наследник был уверен, что говорит всё верно. И совсем не понимал, что честные слова могут кого-то расстроить.

Уоррк благоразумно пропустил оскорбление мимо ушей.

– Тебе не три года, маленький лорд. На такие приглашения можно отвечать только согласием. Да, жизнь в замке будет для тебя сложной – лорд Аурон Старской не станет подчиняться твоим капризам, тебе придётся научиться считаться с его мнением. Я надеюсь, ты многое освоишь.

– Тогда можно хотя бы позвать к нему и моих друзей? Мне не хочется дружить с этим Ауроном. Давай вернёмся за ни-

ми!

– Им не место при королевском дворе. Принц Аурон твоего возраста, вы сможете играть с ним. Уверен, там есть и другие дети и ты найдёшь себе новых друзей.

– Я не хочу новых! И я хочу обратно. Разворачиваемся!

Уоррк дёрнул поводья и остановился. Хмурое лицо советника не выражало ничего хорошего.

Рорри понимал, что ходит по краю. Уоррк был его наставником, но в последние циклы вместо почти полной вседозволенности он стал грубым и принялся воспитывать его. Зачем? Рорри в состоянии о себе позаботиться. Он лорд! Он всё сможет и сам! И всё он понимает. Неужели дядюшка Уоррк стал настолько стар? Квон, хороший друг наследника Дримленса, которого лорд называл своим будущим советником, сын конюха, всегда говорил, что, старея, взрослые становятся ворчливее.

Рорри остановил своего серого жеребца и взглянул на советника. Молодой лорд Дримленс редко смотрел на него и теперь был удивлён.

Конечно, он помнил, как выглядит друг его отца, он видел его много раз, но только сейчас Рорри понял, что Уоррк очень постарел – его волосы ещё больше поседели, его щёки стали впалыми, из-за чего его нос стал казаться больше и крючковатее, складка на лбу, что раньше появлялась, когда советник был недоволен, уже никуда не уходила, а и без того худое тело, казалось, высохло.

Уоррк был старше Тормера Дримленса, но Рорри поразился, как человек может измениться всего за пару лет. Только сейчас он понял, что ёрзает старик в седле вовсе не потому, что ему скучно, а чтобы найти положение поудобнее. Юный лорд подумал, а не болит ли у дядюшки Уоррка что-нибудь?

– Маленький лорд, я привык к твоим капризам. Иногда ты не понимаешь с первого раза то, что я хочу втолковать тебе, однако сейчас... Сейчас твоё поведение переходит грань дозволенного. Надеюсь, у тебя есть достойное объяснение?

Мальчишка кивнул. Его лицо было серьёзным, и Уоррк решил сменить гнев на милость.

– Рорри, мой мальчик. – от ласкового голоса лорду стало грустно – так Уоррк говорил с ним раньше, в детстве, чаще всего после того, как отец надолго увозил наследника из дома, а советник оставался править вместо Тормера. Рорри однажды спросил у отца, были ли у Уоррка дети. Лорд Дримленс сказал, что они и сейчас есть, но живут они далеко, а отца своего знать не хотят. Мальчик не смог узнать, что произошло тогда. – Расскажи мне, что случилось. Ты ведь знаешь, смысл моей жизни – служба вашему роду, я могу помочь и делом, и словом.

Довериться ли советнику? Он взрослый, он может и не понять. Но сейчас рядом нет Квона, он всегда знал, как понимать видения и отогнать беду.

– Когда мы отдыхали... Когда мы отдыхали, я уснул. И

мне приснился плохой сон. Очень плохой!

Дядюшка молчал, позволяя Рорри закончить.

– Мне приснилось, что я смотрю на пламя, а там я вижу, как кусочки огня отрываются от пламени, складываются в тела тех, кто едет с нами, они кричат, а затем их головы падают на землю... И твоя тоже! Я видел, как всем отрубил головы. Я видел это! – Избалованный наследник не отличался храбростью, а тут и вовсе заплакал.

Уоррк подъехал ближе и погладил его по голове. Трусоватый наследник был и без того впечатлительным, а уж после смерти родителей обрёл веру в то, что умеет видеть будущее. Больше трёх циклов он обвинял себя в том, что ничего не сделал и всё время плакал, когда его мать и отец погибли. Тогда Уоррк помог ему, лорд отвлёкся, но теперь видения пришли вновь.

– Кому отрубят голову? – к ним присоединился рыцарь, присланный королём. Сир Радл Ловкий, привлекательный светловолосый мужчина, умел сражаться любым оружием, но его излюбленным был лук. Он отличался от других рыцарей, предпочитающих мечи, булавы или хотя бы копья, и не просто так считался превосходным стрелком. Сир Радл успел научить лорда Дримленса некоторым полезным хитростям с момента их знакомства.

– Всем, – робко повторил Рорри. Рыцарь его учил, но казался странным, наверное, из-за своей излишней приветливости.

– Почему вы решили так, милорд?

– Мне приснилось. Так было в моём сне – всем вам отрубили головы.

Улыбка озарила открытое и красивое лицо сира Радла.

– Милорд, вас провожают лучшие воины Его Величества, – он обвёл рукой большую часть сопровождающих, – и лучшие, – он без скромности указал на себя и своих братьев по оружию, – из рыцарей. Трое из них, в том числе и я, – мужчина отвесил шуточный поклон, – принадлежат к Серому Братству. С нами вам ничто не угрожает.

Теперь уже заулыбался маленький лорд, ему стало чуть спокойнее. Король и правда прислал людей для его охраны, лучших из лучших. И всё же сон не отпускал его.

– А если мы встретим плохих людей? – лорд считал плохими всех, кто мог причинить ему хоть какой-то вред. А запуганный историями о желающих его убить и долгими рассказами про разбойников, что убивают и грабят лордов, которые ему вещал Уоррк после погребения отца, он считал, что за пределами его замка плохие люди практически всё. И все они жаждали убивать и грабить исключительно его.

– Милорд, никто не навредит вам. Три Серых рыцаря, десять лучших сиров Его Величества и шесть десятков воинов – сопровождение, достойное короля во время бунта.

Их ряды пополняли ещё и слуги, но рыцарь не счёл нужным вспоминать о них. Эти люди помогали в походе, взяв на себя обязанности по приготовлению пищи и обустройству

лагеря, но наследник верил, что при необоримости они тоже станут сражаться за него.

Уже смеркалось.

Уоррк устал от седла и хотел поскорее вытянуться, столь продолжительные переходы в его почтенном возрасте были вредны для здоровья. Его самочувствие оставляло желать лучшего, и наконец сир Радл, назначенный королём на роль командующего, услышал капризное требование замёрзшего от промозглого ветра маленького лорда устроить привал и поесть.

Сир пытался объяснить, что место они выбрали крайне невыгодное, но в данный момент Уоррк с радостью поддержал своего правителя.

Устроившись в низине, где ветер хотя бы не был столь сильным, лорда накормили и отпустили спать.

Разбудили лорда Дримленса крики, шум и двое рыцарей, что насильно потащили его прочь от лагеря. Его сопровождали ещё трое сиров и с десятков воинов. Он не сразу понял, что происходит, – две повозки горели, он слышал, как с одной из сторон свистят стрелы, а лязг мечей, казалось, звучал всюду.

– Что? Уоррк! Где Уоррк? Что случилось?

– На нас напали, милорд! – Этого рыцаря, кажется, звали Милтен. Он и ещё один, чьего имени Рорри не помнил, практически несли наследника – тот даже не успевал перебирать ногами.

– Дядюшка Уоррк! Мы должны найти его. Помочь ему!

– У нас приказ доставить живым и невредимым только вас.

– Но Уоррк...

Он был в ужасе.

Повсюду дрались люди, он натолкнулся на мертвеца – на земле лежало разрубленное тело его лучшей кухарки. Эти страшные люди убивали даже женщин!

На пути, словно из ниоткуда, возникли мужчины в доспехах из варёной кожи. В свете факелов и горящих телег, где находилось имущество Рорри, он успел разглядеть несколько стальных пластин на нагрудниках нападавших и герб на груди одного из них – две кисти, что держали горящие скрещённые факелы. Герб Династии Флейм.

Очень много лет, а по меркам мальчишки, вечность тому назад, Флеймы и Глейгримы хотели получить кусок земель Династии Дримленс. Ещё раньше Дримленсы отобрали земли у этих двух Династий.

Сир Милтен и второй рыцарь, не раздумывая, свернули, к ним на помощь поспешили их братья по оружию, отвлекая врагов на себя, а Рорри потащили дальше. Маленький лорд тихо хныкал. Он повернулся, то ли от любопытства, то ли от страха, он и сам не знал зачем – и увидел, как одного из молодых мужчин, что ещё днём ехал с ним вместе, проткнули мечом.

Лорду Дримленсу поплохело, его вывернуло, но рыцари

не остановились ни на секунду.

Рорри потерял счёт времени, он не следил за тем, куда они убегают. Мёртвые тела были повсюду, всюду сражались, и он даже не мог понять, на чьей стороне был тот, кто теперь лежал на земле.

Его маленький отряд взобрался на холм, сир Милтен решил, куда им идти дальше. К ним присоединился ещё один рыцарь, кажется, друг сира Радла из Серого братства.

Рорри решил посмотреть назад.

Весь лагерь полыхал. Маленький лорд в ужасе закрыл рот рукой – он видел это пламя, он знал, что оно значит. Его сон сбывался!

– Дядюшка Уоррк!

Наследник разглядел советника. Вокруг старика был небольшой круг из людей – человек десять, не больше. Один из них стоял впереди – быть может, он собирался только поговорить с Уоррком. Время тянулось, Милтон что-то кричал мальчику, но Рорри не слышал. Он охнул, когда стоявший впереди занёс свой меч.

Как в том страшном сне, Рорри видел, как голова близкого друга его отца отделяется от тела и падает на землю, а следом туда же опускается и само тело.

Рорри услышал собственный крик.

Ниллс

Шёл уже пятнадцатый год, как Ниллс начал служить лорду Экрогу. Он видел, как растут и взрослеют дети лорда, а они, в свою очередь, доверяли ему, никогда не претендовавшему ни на роль советника, ни тем более на роль няньки.

Ниллс был доверенным лицом лорда Редгласса, его руками хитрый правитель Династии расправлялся с неугодными ему людьми, именно он придумывал изошрённые планы, нацеленные на то, чтобы столкнуть Династии или Ветви, находил способы воздействия на нужных людей.

У лорда Экрога Редгласса имелась скрытая от чужих глаз должность – Магистр шпионажа. Эта должность являлась наследственной и существовала у Династии уже более сотни лет. Магистр лично набирал мастеров шпионажа и разведки, людей способных не только выполнять свою работу, но и руководить другими, а при необходимости эти командующие должны были без сожаления уничтожить своих подопечных. Такую службу не предлагали первому встречному.

Отец Ниллса был Магистром шпионажа с молодости, он отлично проявил себя на службе ещё отцу Экрога Редгласса, а затем доказал своё мастерство и новому правителю. Ниллса и его младшего брата Куона с детства готовили к будущей службе, и старшему сыну это нравилось. Его отец часто говорил, что если бы обстоятельства сложились по-другому, то

его способности, уверенность и жестокость всё равно смогли бы заметить и оценить по достоинству. Куон же, хоть и был моложе всего на четыре года и очень старался не ударить в грязь лицом, совершенно не получал удовольствия ни от обучения, ни, тем более, от предвкушения интересной службы.

Ниллс перенял у Магистра всё, что мог, и стал лучшим в своём деле, разумеется, если брать во внимание небольшой опыт, а Куон всё ещё надеялся оправдать доверие отца, но становился лишь худшим из худших. Но привычный уклад изменили два события, что произошли с разницей в два цикла: сначала Магистр повздорил с лордом, перед отправлением на очередное задание, а после их семью обвинили в нападении на леди малой Ветви Вархелп, в её избиении, ограблении и изнасиловании. А также в убийстве её сопровождающих.

Семья Ниллса и правда вернулась домой в тот день, но леди не то что не трогали, но даже не встречали. Однако в их доме обнаружили несколько краденых вещей и окровавленную обувь. Они не сумели убедить стражу, что всё это не принадлежало ни одному из членов семьи, а царапины и синяки на теле Куона, совершенно не способного передвигаться по лесу как положено, восприняли как ещё одно доказательство.

Лорд Редгласс, может быть, и не стал бы устраивать суд, но сестра пострадавшей была придворной леди и хорошей

подругой его жены. Леди Вархелп прорыдала весь суд, она обвиняла семью Ниллса, уверяя, что хоть и плохо разглядела нападавших, но по голосам точно опознала. Нашлись те, кто видел их возвращение.

Суд был быстрым и жестоким. Леди Редгласс потребовала казни для всего семейства через повешенье. Их тела собирались вывесить в городе, как это делали с разбойниками, пока они не будут уничтожены временем, солнцем и птицами, в назидание тем, кто пожелает повторить опыт Магистра и его сыновей.

Первым приговор был исполнен в отношении отца семейства, приятеля лорда Экрога и бывшего Магистра шпионажа. Ниллс видел лорда, когда поднимался к месту казни, и готов поклясться даже сейчас, что правитель вытирал слёзы. Слишком уж часто он прикрывал платком лицо.

Тело Магистра ещё не успело остыть, а Ниллс, совсем мальчишка, ложно обвинённый в преступлениях, совершать которые он начнёт спустя десяток лет, почувствовал, как на его шею легла петля. Рядом стоял Куон – бедный брат долго кричал, что не виноват, молил о прощении, а после лишь беззвучно плакал, ему было страшно.

Сейчас, если бы старший брат спросил Куона, тот бы заверял, что не боялся смерти в тот день и вовсе не собирался мочиться в штаны.

– Пойдите! – правитель Редгласс взмахнул рукой. – Я не хочу убивать детей, если виноват лишь отец.

Магистру не дали сказать и слова, его рот был завязан, наверное, чтобы он не сумел сболтнуть никаких секретов, но с его сыновьями поступили мягче.

– Скажите мне, ваш отец вынудил вас помогать ему?

Это был шанс на спасение.

– Да, милорд.

Было ли ему стыдно тогда? Да, он предавал отца, но спасал себя и Куона. А мертвецу уже не будет хуже от слов.

– Вы знали, что совершаете ужасное?

– Да, милорд.

– Но Ларс требовал вашего участия, и отказать отцу вы не посмели, верно?

– Верно, милорд.

– Твой брат, юноша, ещё совсем мал, ему бы и в голову не пришло подобное.

– Да, милорд. Как и мне. Мы не смели ослушаться, но не хотели ничего делать.

Куон молчал и иногда всхлипывал. Он смотрел на старшего брата, как на предателя.

– Дети не должны отвечать за преступления родителей.

– Они тоже приложили руку! Они обесчестили леди Вархелп, испортили ей жизнь! Эти малолетние ублюдки должны отправиться вслед за отцом! – леди Редгласс, урождённая Флейм, была не обязана присутствовать на казни, но хотела посмотреть, как расправятся с Магистром и его детьми.

– Успокойтесь, миледи. Мальчики не виноваты, вы же

слышали. Отпустите их, пусть идут домой.

Их отпустили. Ниллс увязался за лордом, чтобы выразить свою благодарность, его приняли на службу, и он более не вернулся в родной дом – он не хотел помнить пережитый страх.

После обвинения отца, пусть и мёртвого, во всех грехах, отношения между братьями испортились. Куон отдалился от брата, со временем он стал стражником Экрога, долго учился и стал, в своём роде, единственным защитником лорда, не являвшимся рыцарем. Ниллс же до сих пор не забыл спасение из петли и все эти годы верно служил Редглассу так, как тот пожелает. Чаще всего новому Магистру шпионажа приходилось не только выполнять свои прямые обязанности, но и весьма грязную работу. Ту, которую нельзя поручить никому более.

Но Ниллс не жаловался. Его жизнь с того самого дня всецело принадлежала правителю, и после спасения он был готов прислуживать ему и за столом, и в уборной, лишь бы не вернуться в петлю. Оказанное доверие лишь ещё больше убеждало нового Магистра, что лорд Редгласс лучший из ныне живущих и помогать ему – почётная миссия.

Теперь же Магистр смотрел на своё небольшое войско – с ним отправилась сотня людей лорда Экрога, ещё без малого две сотни он нанял в разных местах по дороге сюда, щедро оплатив их услуги и пообещав ещё более достойную награду после выполнения задания. Вести с собой слишком боль-

шой отряд было нельзя, с людьми лорда им пришлось разделить на четыре группы, пересекать границу с Флеймами, а затем и с Дримленсами в разных местах, а после встречаться через шесть дней в заранее назначенном месте. Каждая из групп находила воинов, желающих заработать, и просто крепких ребят, для которых предложение, если не окончится их смертью, обещало принести такую прибыль, что на целый сезон они смогли бы забыть о работе.

План продумывался долго, перекраивался снова и снова, пока не был принят его окончательный вариант. Лорд Редгласс желал заполучить себе мальчишку Дримленса – во-первых, он знал, что подставит этим Флеймов или Глейгримов, война между которыми неизбежно перейдет грань грубых слов и мелких знаков неуважения, принесся ему пользу, а во-вторых, он планировал «спасти» мальчика, спрятать его в своих владениях, чтобы в будущем, когда станет необходимо, вернуть «чудесным образом спасённого» наследника Династии и не забыть при этом приставить своего человека в качестве советника. Тем самым, если Рорри ещё не достигнет зрелости, управлять от его имени. Если же всё затянется и мальчик станет полноправным лордом, то, благодарный, он не откажет спасителям в скромных просьбах.

Шпионы Магистра узнали о желании короля забрать мальчишку к себе в замок, выведали, каким путём планируют отправить отряд с лордом. Ниллс отправил вперёд разведку и узнал, что сопровождающих Дримленса больше, чем

изначально планировалось. Но он был доволен собой – его людей вполне достаточно, даже при таком раскладе.

На доспехи пары десятков людей Экрога заранее нанесли герб Флеймов – две кисти рук, которые держат перекрещённые горящие факелы. Эти же люди четыре дня портили крестьянских девок, дрались с мужчинами, поджигали дома и разнесли небольшой трактир. Пусть люди и пострадали, важно, чтобы гербы запомнило как можно больше народу.

Своё небольшое войско Ниллс поделил на отряды, чтобы передвигаться быстрее и окружить врагов.

Земли Дримленсов, по большей части, представляли собой небольшие холмы или равнины, но по полученному маршруту стало ясно, что Рорри хотят доставить как можно скорее и провезти через Призрачный лес.

Ниллс регулярно высылал разведчиков, и стоило только одному отряду вернуться с хорошими новостями, как он полностью позабыл про усталость. Нет, он не испытывал азарта и совсем не желал уничтожить всех подряд, он не любил пытать, убивать и грабить, но понимал – чаще всего другого выхода нет. Девиз Редглассов «К вершинам!» отражал характер правителя и его приближённых, а по дороге к вершинам, как известно, все средства хороши.

Магистр запретил людям разводить вечером костры, все лишние вещи оставили и спрятали под ветвями. Все ждали, что лорд и его сопровождение заночует в лесу, но, по неизвестной причине, люди Дримленса остановились раньше, на

расстоянии двух часов верхом.

Ниллс хотел поскорее справиться с этим делом, и план пришлось перекраивать уже в процессе. В темноте пробираться оказалось сложнее, войско Магистра потратило три часа. Рыцарь, командующий походом юного лорда, знал своё дело – дозорные стояли у лагеря, а несколько групп по пять-восемь человек то и дело отделялись, чтобы осмотреться. Один из таких отрядов поздно заметил людей Редгласса – их перебили раньше, чем те подняли тревогу. Однако выжидать дальше было нельзя, если убитые не вернуться, рыцарь-командующий поднимет тревогу и все будут готовы к нападению.

Ниллс приказал своим людям переодеться в одежды убитых противников, взять их коней и отправляться в самое сердце лагеря. В темноте, при свете лишь факелов, их лица разглядят далеко не сразу. Как только в лагере оказались свои люди, Магистр дал команду к началу. С большей частью дозорных удалось расправиться тихо, но двое оказались быстрее.

Зазвучал рог, и прятаться более не имело смысла.

Люди Экрога и наёмники, по поручению своего лидера, не только сражались, но и, убедившись, что очередной шатёр пуст, поджигали его – таким образом мест, чтобы спрятаться, становилось меньше. Шесть человек, что смогли пробраться в лагерь под личиной рыцарского отряда, присоединились к вражескому командующему.

Верный пёс лорда Экрога узнал его: сир Радл Ловкий, один из самых уважаемых Серых рыцарей короля, обрёл известность, как безупречный стрелок из лука. Да, его любовь к странному оружию и привлекательная внешность сделали его любимцем большинства придворных дам. Сир Радл оправдывал своё прозвище, он уклонялся от ударов и выпускал стрелу за стрелой, пока один из примкнувших к нему людей Экрога не воткнул кинжал в бок красавца-командующего.

Сам Ниллс и его тридцать воинов отправились последними, их целью был маленький лорд. Все люди знали главную установку – ни одного ребёнка не убивать. Всех детей просто отшвыривали, и те, кто мог, уводили их дальше от поля боя.

У одного из шатров Магистр заметил старика-советника. Уоррк был знаком Ниллсу, да и, пожалуй, всем. И маленький лорд, скорее всего, ошивался где-то поблизости.

Два десятка воинов встали на защиту Магистра, ещё почти десяток окружили старика.

– Уоррк, Ваша Милость, я бесконечно рад встрече с вами! – Ниллс опустил меч и подошёл ближе к старику. Безоружный советник мог в него разве что плюнуть, но к этому доверенный Экрога давно привык.

– Шакал лорда Редгласса! Кого я мог рассчитывать ещё увидеть здесь, кроме тебя, Ниллс?

Уоррк всем своим видом показывал свою ненависть, но не отступал. Он не боялся за свою жизнь – старость, похоже,

замучила его.

– Ты безумен и храбр, раз решил в таком возрасте отправиться в поход. Больше безумен. Я с удовольствием поговорил бы с тобой, угостил бы вкуснейшим вином из виноградников лорда Редгласса, а может, у меня даже найдётся бутылка-другая изысканного сладчайшего вина с земель Вайткроу...

– Убирайся!

Старик был настроен весьма категорично. Ниллс почувствовал огорчение – ему было бы интересно побеседовать с советником, может быть, он бы даже сумел убедить того служить Редглассу.

– Уоррк, ты мне симпатичен и можешь быть полезен. Я много слышал о тебе. Уверен, лорд Экрог сочтёт тебя полезным и достойно заплатит за информацию.

– Я служу только своему лорду.

– Твой лорд – маленький мальчишка.

– Дримленсы – мои правители, шакал Редгласса. Твой лорд ещё поплатится за содеянное! Что вам нужно?

– Ох, сомневаюсь, что этот Рорри правитель. Твой лорденок глуп и слаб, а ты сейчас можешь выбрать между лучшими годами для тебя и твоей семьи, если она у тебя есть, и одинокой и бесславной смертью.

Уоррк улыбнулся. На мгновение Магистр подумал, что он смог заставить советника задуматься, но нет.

– Делай то, зачем пришёл.

– И почему все считают правильным героически умереть, а не согласиться на выгодное предложение? Быть может, передумаешь, старик?

– Мой удел – сторгать и возрождаться.

Уоррк ответил девизом своих правителей. Глупо.

– Похвальная верность. Надеюсь, тебе будет не больно.

Он вложил много сил в этот удар, желая убить пожилого советника быстро. Уоррк заслуживал уважения и смерти без мучений. Да и дороги к Редглассу он бы не пережил.

– Ищите мальчишку! – отдал он приказ, и тут все услышали пронзительный, наполненный страхом мальчишеский вскрик.

Советник, что так сильно желал спасти своего лордёнка, оставшийся в лагере, чтобы сбить с толку врагов и, уверенный, что Дримленса уведут подальше, своей смертью лишь навредил подопечному.

– Быстрее туда! Мальчишка нужен живым!

Теперь лорд Дримленс уже никуда не денется.

Клейс

Гийер Старской сделал для Клейса очень многое, но теперь благодетель был мёртв.

Последний сезон лорд Форест спал по паре часов. Король тяжело болел уже около полутора лет, силы покидали это тело, и его последний день неизбежно приближался. Знатоки лекарского искусства, а их нагнали даже больше, чем требовалось, делали всё, чтобы облегчить жизнь правителю и продлить её ещё на несколько дней. Но даже столь значительное их число не могло излечить короля.

Правитель Старской не был стар, ему не исполнилось и четырёх десятков. Может, это проклятие? Отец Гийера умер, не дожив до этого возраста, отец его отца также не пересёк порог в сорок лет, как и все их предки...

Впервые младший Форест увидел короля, ещё совсем юного, в семилетнем возрасте; его пригласили на свадьбу дочери Мертора Фореста и наследника престола. Тогда Клейс был обычным мальчишкой, младшим и самым неспособным из сыновей Мертора, ему не светило управление своей Династией, место советника при наследнике Райане досталось бы среднему брату Лассу. Даже тогда он уже понимал, что будет в лучшем случае вассалом наследника, а если повезёт, ему выделят его собственный замок, женят на красивой леди и выделяют слуг. Прибыв на свадьбу, он увидел лучший из

замков, попробовал множество изысканных блюд и встретил самого короля.

Клейс уже повзрослел, но до сих пор помнил, что, будучи ребёнком, понял, почему все Династии следуют именно за этим правителем, – Гийер походил на главу Династии Форест, но был более обаятельным. Добрые глаза, искренняя улыбка, приятный и тихий голос – король говорил со слугами не менее учтиво, чем с лордами, а подарки, положенные по традиции братьям леди-жены, и вовсе превзошли все их ожидания.

Сначала их получили Райан и Ласс, и младший из рода расстроился, решив, что он, как ребёнок, получит разве что деревянных солдатиков или тренировочный меч.

– Клейс, – уже вечером его позвала Аалия, – Его Величество искал тебя.

– Зачем? Мне там скучно, я не хочу туда идти.

– Подойди к нему, и сам узнаешь. Думаю, он хочет тебе что-то подарить.

– А что?

– Пойдём со мной и узнаем, хорошо?

Аалия взяла его за руку. Клейс обиженно насупился и отобрал руку.

– Я уже взрослый! Я сам!

Когда они подошли, рядом с Гийером стояла молодая гнедая кобылка, её ещё только предстояло объезжать, а в руках он держал длинный свёрток.

– Сначала мне казалось разумным подарить тебе тренировочное оружие, ведь игрушки ты перерос, но у тебя оно и так есть, верно?

Маленький лорд закивал. Он смотрел на лошадь открыв рот, и, кажется, потерял дар речи.

– Я уверен, что ты многого добьёшься. Аалия говорила, что ты хочешь стать прославленным воином, а каждому воину нужен хороший конь. Эту кобылу по моей просьбе доставили с севера – их лошади не столь изящны, как ваши, но крепки и выносливы. И это тоже пригодится будущему воину.

В свёртке оказался настоящий меч – теперь Клейс понимал, что он был не заточен, но тогда сталь завораживала семилетнего Фореста, а ножны, украшенные выдавленным в коже рисунком дубов, символом их рода, казались более красивыми, чем у наследника Райана.

– Ты забыл, что следует сказать? – сестра погладила Клейса по голове.

– А можно мне остаться здесь?

Но ему не разрешили. Нет, не король, а отец и братья. Оружие у него забрали с обещанием вернуть, когда он подрастёт, но лошадь осталась с ним. Клейс назвал её Лучиком – да и какое ещё имя он мог выбрать, находясь в столице Ферстленда Санфелле?

Вторая их встреча с Его Величеством состоялась, когда новая королева, его сестра Аалия, рассказала своему мужу,

что Клейс грезит замком, королевскими землями и мечтает учиться военному делу у лучших рыцарей. Те учителя, что помогали ему в Гринтри, дали всё, что могли.

Династии Форестов и Старскаев были в тёплых отношениях уже не одно поколение, а после столь значимого союза, породнившись, и вовсе не отказывали друг другу в небольших услугах. И вот Клейс вновь приехал в Санфелл, где ходили красивые люди, торговали всем, что можно вообразить, а главное, рядом не было вредного старшего брата, что вечно им командовал. Маленький лорд и не надеялся, что сможет остаться надолго. Клейс настолько старался произвести впечатление, что привлёк к себе внимание и провёл в королевском доме два года и семнадцать циклов, пока Серый орден, обеспечивающий личную защиту королевской семьи, обучал его. Почти каждый день он видел короля и не переставал им восхищаться. Он повторял за ним и общался с простолюдниками в схожей манере, его запоминали и вскоре о нём узнали и за пределами стен.

Недостаточно уверенный в себе, страдающий от участи младшего из рода, Клейс скрывал это за наглостью и даже нахальством, стоило лишь начать его задирать. Гийер прощал бойкому мальчику, чья сестра стала королевой, многое, и тот не прекращал лезть в драки. Чаше всего именно он их и устраивал.

Старшие юноши, те, что стали оруженосцами, не страшили его – да и как запугать брата королевы? Скорее всего,

опьянённый властью и безнаказанностью, он смог бы натворить и больше, если бы после очередной драки Его Величество не вызвал бы его для приватного разговора.

Аалия уже устала бороться с младшим братом – Клейс всегда был её любимчиком, но чем старше становился, тем хуже она с ним справлялась. Роль доброй сестры давалась ей лучше, чем роль наставницы.

Тот разговор был сложным, Клейс, преисполненный воодушевления и радости, что с ним, как со взрослым, будут говорить лицом к лицу, не сразу понял, что его собираются отругать и наказать.

Его проводили к дверям Малого зала – там всегда проводились советы, и на какое-то время Форесту показалось, что его будут обсуждать все доверенные короля. Он переминался с ноги на ногу, не хотел заходить, но в помещении оказался только король.

– Клейс, – голос правителя был тихим, мелодичным, но проникал в самую душу. – Ты огорчаешь свою сестру и меня, юноша.

Мальчишка тогда открыл рот, позабыв о манерах, – его назвали юношей, да ещё и король!

– Я не виноват!

Клейс заучил эти волшебные слова наизусть. Он всегда был ни при чём, а королева защищала своего любимца.

– Ты уже взрослый, юноша. Учись отвечать за свои слова и поступки, – король указал мальчику на тяжёлый стул.

Сейчас лорд Форест сидит в этом зале на каждом совете, всегда на том же месте, по правую руку от короля, там, куда усадил его тогда правитель. Но в тот день этот тяжёлый стул, красивый и массивный, с вырезанными на нём завитками, стол, весь этот зал, разрешение сидеть рядом с правителем – всё вызывало в нём трепет. Он чувствовал себя сильнее и важнее своих старших братьев и сестры, важнее своего лорда-отца.

– Я умею отвечать за свои слова, Ваше Величество.

Гийер мягко улыбнулся, подался немного вперёд. Его и без того спокойный и тихий голос стал ещё более приглушённым. Маленький лорд понял, что тот шепчет.

– У меня нет желания воспитывать тебя. – Клейс заулыбался, он почти испугался, что его позвали сюда из-за утренней драки. – Ты талантливый юноша. У тебя острый ум. Мне будет очень грустно, если твоим лучшим достижением станут забавы над моими рыцарями и драки с твоими ровесниками. Хочешь, чтобы это стало единственным, что вспомнят о тебе?

Мальчик молчал. Он не поднимал головы и смотрел на стол. Идя сюда, Клейс опасался наказания. Сейчас его вроде бы не ругали, но почему-то всё равно он чувствовал стыд.

– Тебе нравится? Этот стол, зал, всё убранство? Здесь не так много места. Чтобы огордиться от любителей подслушать, много поколений назад король Ркаар приказал выложить вторые стены. Он пожертвовал комфортом и простран-

ством, но обеспечил сохранность слов, произносимых на совете.

Клейс не смог больше изучать стол и поднял голову. Помещение и вправду совсем небольшое, здесь не было окон, несколько полок были заняты книгами и картами, а из всей мебели был лишь большой овальный стол, стулья да сундук в углу, который Клейс поначалу вовсе не заметил, будучи погружённым в свои переживания.

– Я наблюдал за тобой, Клейс. Сейчас твоё обучение подходит к концу, и ты вернёшься к семье. – Маленький лорд обратил наконец свой взор на Гийера. – Но если ты захочешь, то всегда сможешь оказаться здесь. Санфелл может стать твоим домом – мой род всегда ценил достойных и знающих людей. Ты можешь многого добиться, если пожелаешь. Уверен, если ты найдёшь применение для своего ума лучшее, чем шутки и драки, то он сможет привести тебя даже сюда. – Мужчина изящным движением руки обвёл зал.

Глаза лорда Фореста загорелись, у него перехватило дыхание. Неужели правитель думает, что Клейс способен стать одним из советников? Эта служба всегда считалась самой почётной, даже лучше, чем быть одним из Серого Ордена, ведь советниками становились лишь достойнейшие из достойнейших.

– Только ты можешь решить, что за будущее ждёт тебя. Только ты выбираешь свою дорогу. Ты понимаешь?

– Да, Ваше Величество! – Весь его вид выражал изумление

и восторг.

– Я рад.

С тех пор минуло уж больше десяти лет. Тот разговор повлиял на жизнь лорда Клейса Фореста, нынешнего хорошего друга и главного советника короля. Прежний мальчишка, воодушевлённый тем, что в него поверили, увидел свою цель – он хотел вернуться в замок и поступить на службу к королю, стать советником и сидеть в Малом зале, помогая Его Величеству решать проблемы всего Ферстленда.

Для этого ему пришлось многому учиться. По возвращении в родную обитель он уже знал, что ему требуется, и покинул дом вновь через три цикла. Он побывал во многих интересных местах, он зубрил историю, учился ораторскому искусству, военному делу, изучал и разыгрывал вырезанными из бумаги фигурками знаменитые сражения. Думали, что он грезит замком и роскошной жизнью. На самом деле он хотел доказать, что стоит большего, чем упоминаться в летописях как младший брат Райана или королевы Аалии, чтобы его знали, как человека, посвятившего свою жизнь чему-то важному, куда более полезному, чем жизни обычного вассала.

Клейс не появлялся в замке, прокладывая себе путь к светлому будущему до того момента, пока не умерла Аалия. Самый юный из Форестов, как и вся его семья, был преисполнен горя. Он любил сестру, она нянчилась с ним, помогала ему, защищала вместе с Лассом от Райана, а порой и от отца, давала мудрые советы. Она была заботливой и умной

женщиной.

Его величество был безутешен. Гийер Старской позабыл о том, кем он является, долгие скорбные дни сказались и на его нервах. Печаль оставляла свой след на его лице, будто вечный огонь, что наполнял его, потух.

Оба лорда потеряли самого близкого для них человека, и беда сплотила их.

Но даже плохое имеет свойство проходить. Леди Аалию Старской, королеву, похоронили со всеми почестями, какие полагались столь знатной особе. Лорды задержались – кто на два дня, а кто и на пять. Подошёл и черёд Клейса покинуть правителя.

Однако младший из Форестов родился под счастливой звездой.

– Останьтесь, лорд Форест, – попросил Его Величество, когда пришло время уезжать.

Клейс остался. За следующие годы он успел стать сначала помощником, затем советником и другом Гийера, со смерти Аалии они стали неразлучны. Слишком молодому приближённому пришлось доказывать, что он достоин уважения, демонстрировать свои познания, учиться убеждать, уступать, вовремя успевать промолчать или, наоборот, не упускать шанса высказаться.

Разумеется, лишь ребёнок мог поверить в идеальный мир и безупречных людей. Шутки в адрес Клейса стали привычной составляющей его жизни. Причины его стремительного

взлёта каждый трактовал, как хотел, некоторые даже опускались до очень уж мерзких предположений, основанных на тесной дружбе с королём.

Советник Гийера с годами превратился в мужчину в расцвете лет, он был знатен, богат и хорош собой. Стройный, высокий, с волосами, отдающими на солнце медью, умелый боец с прекрасным чувством юмора, хорошо обученный манерам, начитанный и с поставленным голосом, он привлекал внимание леди и стал завидным женихом, но ему всё время было некогда жениться. Служение короне стало его главной целью, даже летописи уже не так привлекали его. Даже когда Мертор Форест, отец Клейса, во время охоты упал в овраг вместе со своим конём, да так неудачно, что лекари смогли помочь ему протянуть всего лишь два дня, младший сын не приехал на погребение, он был занят. Как только наследник Форестов не пробовал вынудить брата вспомнить о существовании интересов рода и о семье! Тщетно. Только король Старской смог убедить своего советника временно покинуть пост и жениться наконец на выбранной Райаном девушке.

На свадьбу с леди Гилар Айсрок прибыл и Его Величество. Ему лорд Форест уделял больше времени, чем остальным гостям, и куда более, чем своей молодой жене. Вопросы королевства волновали его, Совет собирался без него уже трижды, подходила к концу Зима, а следовательно, спустя всего цикл посыплются крестьяне с просьбами о помощи на

полях, у кузнецов окажутся плохие мастерские, корабельщики отпразднуют наступление тепла и дней шесть будут отмечать не просыхая, возможно, как и в прошлом году, что-то сожгут, а лекари вновь завалят короля жалобами о недостаточном обеспечении. И советник всё пропустит!

А на его место назначат кого-то другого – старика, привыкшего к традициям и порядкам, – и всё то новое, что старался внедрить Форест, канет в лету.

Молодожёнов отправили в один из подаренных им замков – Райан позаботился и выделил младшему из рода владения. Клейс планировал через полгода-год вновь сбежать в Санфелл, однако жизнь решила по-другому.

Всего через четыре цикла пришло известие о болезни короля, и его самый верный подданный помчался на помощь, не бросив жену лишь потому, что на этом настоял Райан, спорить с которым у Клейса попросту не было времени.

На данный момент прошло уж более полутора лет совместной жизни, но леди Гилар Форест так и не понесла. Обворожительный муж-лорд почти не уделял ей внимания, он взял на себя выполнение большей части королевских дел, и чем хуже становилось королю, тем меньше времени его советник проводил времени вдали от правителя.

Даже будучи взрослым мужчиной, он не переставал противиться старшему брату Райану и его приказам. Отказаться от брака не вышло, и он решил, что станет действовать иначе.

Место леди Гилар в его постели заняла любовница Меона. Дочь бывшей служанки Аалии, что теперь помогала своей матери, досталась Клейсу и привлекла его внимание. Юная и миловидная, она противилась ухаживаниям три цикла. Быть может, если бы настроение советника не омрачал страх потерять правителя, он смог бы справиться ещё быстрее.

Клейс находил в Меоне успокоение, с ней он мог забыть о плохом. Без трогательной заботы служанки его жизнь была бы куда хуже.

На шестнадцатый день после смерти короля регент никого не ждал – у него были планы, которыми, как потом выяснилось, пришлось пренебречь. Один из отрядов рыцарей Серого Ордена вернулся. Слишком быстро, они не успели бы добраться, как бы ни спешили, до земель Дримленсов.

Об этом Клейсу сообщили в тот самый момент, когда он хотел спуститься в крипту, где был похоронен Его Величество король Гийер Старской.

По традиции королевства, правителя Ферстленда нарядили в красивые одеяния, усадили на облегчённый вариант трона, сделанный из дерева, привязали так, чтобы тело короля не упало, в руки ему вложили меч, а на голову надели корону – и в таком виде пронесли по городу, чтобы все могли попрощаться с королём. Ночью тело короля переносили от алтаря к алтарю каждого из божеств, ненадолго оставляя там в обществе только Клейса и будущего короля Аурана.

Считалось, что король может хотеть попросить, пока его

дух окончательно не покинул тело, то есть до рассвета, у Богов что-то для своей семьи и народа. Люди верили, что просьбы монарха могут быть услышаны, и просили с ним – пусть и не у алтаря – того же, что, по их мнению, мог просить их правитель.

У Бога Войны просили лёгких побед и успешных сражений, у Бога Справедливости – честного суда и воздаяния по заслугам, у Бога Просвещения – мудрости и умения использовать свои знания, а у Богини Решимости – помощи в принятии выбора. Бог Путешествий больше почитался юными жителями и теми, кто по службе вынужден часто покидать свой дом – они просили удачи в пути и лёгкого возвращения домой. Бога Жизни просили о сохранении всего живого, Богиню Плодородия – о хороших урожаях, Бога Охоты – об удачной охоте и рыбалке, Богиню Сотворения – о помощи всем, кто создает, будь то менестрели, строители или кузнецы. Богиню Материнства просили о продолжении рода, о крепких сыновьях и красивых дочерях, Бога Процветания – о благополучии королевской династии и о продвижении вверх, а Бога Мучений – об отсутствии болезней и страданий.

Последним всегда был алтарь Бога Смерти, он помогал мёртвым найти правильный путь, встретиться со своими родными и обрести душевный покой. Здесь короля оставляли одного до рассвета.

Клейс видел, что многие люди плакали, в основном жен-

щины из придворных дам и тех, кто работал в замке. Он видел слёзы маленького Ауруна Старская и тех людей, кто просил помощи у короля и получал её. Гийер всегда боялся, что он ничего не сделал, ничем не запомнился, но народ любил его не меньше, а может, и больше, чем Фалина Доброго.

Его Величество не совершал переворотов, не придумывал новых законов и не воевал – за многие столетия это был первый король, при правлении которого его подданные смогли вздохнуть полной грудью и просто жить.

Многие искренне молились Богам, кто-то подносил им дары, даже бедняки несли зерно, монеты, фрукты, ржавые ножи и грязные детские игрушки, чтобы задобрить Богов и помочь своему правителю.

Лорд Форест не молился. Он посещал храмы, приносил дары и оставлял золото жрецам полтора года, пока болезнь убивала правителя Ферстленда, – он просил, требовал и умолял, но его не слышали. Он и раньше не был набожным, а теперь и вовсе потерял всякую веру. Но церемония требовала его присутствия, а юный Аурон нуждался в поддержке.

Наконец правителя уже утром понесли в крипту. Народ не мог идти в стены замка, кто-то стал расходиться. Но были и те, кто продолжал стоять под стенами.

В усыпальнице тело короля покоилось в выдолбленном в камне углублении в человеческий рост, к его телу положили оружие, чтобы он мог защищать себя, цветы, чтобы он был миротворён, золото, чтобы он не нуждался ни в чем, его лю-

бимый кубок, чтобы он мог выпить за встречу с семьёй, а на его грудь положили большой камень – чтобы, даже если кто-то потревожит его, король не восстал. Захоронение накрыли каменной крышкой, которую надвигал десяток человек.

Воспоминания Клейса о похоронах прервал глашатай, объявивший, что аудиенции просит сир Тордж Проницательный.

Аурон Старской присутствовал на всех необходимых церемониях, как и положено. В этот день должны были явиться просильщики – в последний день каждого чётного цикла любой житель королевства мог обратиться с просьбой к Его Величеству, двери замка были открыты. Никого не было полдня, и Клейс рассудил, что народ не хочет приходить в такое время – сочувствуют новому правителю или боятся получить отказ от расстроенного мальчика.

– Ваше Величество! – Рыцарь-предводитель одного из четырёх отправленных отрядов опустился перед королём на колени, выражая свою покорность и преданность. – Милорд Форест, – он, не вставая, склонил голову в сторону Клейса.

Регентов знатного происхождения принято называть Его Высочеством. Лорд Форест никак не мог начать воспринимать себя как регента и требовать подобного обращения, а многие рыцари, хоть уже и знали о смерти короля, по-прежнему воспринимали Клейса как советника.

Удивительно, но поправил их обоих юный Старской:

– Сир Тордж, вы неподобающе обращаетесь к Его Высо-

честву регенту.

Гийер много занимался с Ауроном, раз тот успел вызубрить все обращения, да ещё и поучать взрослых мужей. Маленькому королю было всего одиннадцать – до момента, когда он сможет править самостоятельно и не нуждаться в регент, осталось меньше пяти лет.

Тайна, которую знали лишь несколько человек, давила на Клейса. Он изо всех сил старался относиться к мальчишке, что восседал на троне, соответствующе, он называл его, как подобает, подбадривал, но... Он не мог заставить себя полюбить этого мальчишку. Дело вовсе не в том, что он был плох, нахален или глуп, нет. Этот Аурон являл собой воплощение превосходного воспитания, хорошего ума, изысканных манер, к тому же он был весьма талантлив.

Этот мальчик светловолосый, как и Гийер Старской, сероглазый и улыбочивый; вполне вероятно, что спустя сколько-то лет он мог бы стать красивым юношей, привлекал бы внимание женщин и стал бы тем королём, которого любили бы ещё больше, чем предыдущего. Но этому не бывать.

Как только до коронации останется совсем немного, мальчик, что сидит сейчас на троне, должен будет пропасть. Лорд Форест даже думал, что, скорее всего, навсегда – и не иметь возможности вернуться.

Когда родился Аурон Старской, для него нашлась кормилица – светловолосая жена молодого гонца. У них всего на несколько дней раньше родился мальчишка, и леди Аалия

Форест доверила своего сына женщине, что уже успела выкормить, воспитать и поднять на ноги двоих детей.

Сир Тордж заметил сходство мальчиков, немногим позже это сходство им очень пригодилось. Да, у королевского отпрыска глаза были голубыми, но мало кто смог бы заметить столь незначительную деталь, да и со временем цвет глаз вполне может поменяться, особенно в столь юном возрасте.

Когда появились посылы к началу войны между несколькими Династиями, Зейир Флейм устроил битву с вассалом Дримленсов, неизвестные убили нескольких королевских гонцов, три корабля так и не вернулись в порт, на землях близ королевских стало больше разбойников, и вновь поднялась впоследствии оказавшаяся небольшой волна бунта против введённых ещё Фалином Добрым законов, король, ещё совсем молодой Клейс и старый королевский советник решились на значительный шаг.

Отец того самого светловолосого мальчишки был среди убитых гонцов, их мать нуждалась в средствах для существования, и Клейс предложил ей щедрое вознаграждение за её младшего ребёнка, а также за то, что она со всей своей семьёй отправится как можно дальше от земель Старскаев. Гийер был уверен, что этого достаточно для безопасности, но Клейс, не без совета старого советника, от которого он как раз набирался опыта и мудрости, отправил вслед за женщиной отряд Серых братьев. Устранить всегда надёжнее, а

король так и не узнал об этом отвратительном деянии.

Ещё горящий после смерти Аалии Старской Его Величество отправился с сыном в гости к своим добрым друзьям – лордам Малой Ветви Вилстронгам. Предок нынешнего лорда получил титул и земельный надел больше сотни лет назад от Тхомтена Старская, и с тех пор Ветвь преданно служила королевской династии. Следом за своим правителем отправился и Клейс, ему было поручено доставить выкупленного мальчишку-простолюдина в те же земли.

Через шесть циклов в замок приехал ненастоящий король. Мальчика обучали так, словно именно ему предстояло сесть на трон, ещё отроку внушали, что он – наследник Династии, а Гийер воспитывал его, словно сына. Таким образом, лжекороль, которому тогда было немногим больше трёх лет, поверил в своё происхождение. Настоящий принц остался у Вилстронгов. Разумеется, мальчик знал с младых ногтей, кто он, а теперь ещё и то, по какой причине его скрывают. И Гийер, и его бывший советник, и сам Клейс посещали будущего короля настолько часто, чтобы это не вызвало подозрений.

И теперь у регента было два юных Аурана, каждый из которых твёрдо верил в своё право сидеть на троне.

Лорду Форесту было жаль запасного короля – гарантию того, что если кто и решится уничтожить Династию Старской, то не преуспеет в этом. И он понимал: когда придёт время – фальшивого короля придётся убирать ему.

Но не сейчас.

– Прошу простить его, Ваше Величество, – регент улыбнулся мальчику. – Сир Тордж, да и я, признаться, всё не можем привыкнуть...

– Я понимаю. – Ох, сколько же неподдельной грусти в голосе мальчишки, он верил, что похоронил отца. – Но не стоит отвлекаться от дела. Что произошло, сир Тордж?

– По дороге к землям Дримленсов мы встретили крестьян. Они направлялись к вам, Ваше Величество. Они с земель Дримленсов, они очень спешили... они забрали у своих семей кобыл, чтобы поскорее добраться. – Рыцарь говорил впопыхах, обычное красноречие изменило ему.

– У них есть какая-то информация? Они знают, почему лорд Рорри Дримленс до сих пор не здесь? – юный лорд был полезен короне, жаль, Гийер так и не дождался его.

– Да, Ваше Высочество. – Рыцарь не повторял своих ошибок. – Они успели встретиться с теми, кто, вероятно, напал на наших людей.

– Напал?! – Аурон привстал с трона от переизбытка чувств.

– Ваше Высочество, я думаю, стоит поговорить с этими крестьянами? Вы ведь привезли их, сир?

– Разумеется!

– Так пригласите их, сир Тордж!

Лорд Форест стал ещё мрачнее. Нет, он выполнит всё так, как положено, он сможет добиться коронации настоящего

короля, он не предаст Старскаев. И всё же фальшивый принц хорош!

Рыцарь поднялся и вышел. Вернулся он вместе с пятерыми Серыми братьями и ещё четырьмя простолюдинами. Самому молодому из них на вид было не больше шестнадцати-восемнадцати, на его лице ещё не сошли следы драки, на щеке красовался только начавший затягиваться глубокий порез от ножа или чего-то похожего, а когда он приоткрыл рот, восхищённо разглядывая залу, оказалось, что ему не хватает доброй четверти зубов.

Трое крестьян упали на колени, рассыпаясь в восхвалениях короля, пожеланиях ему здоровья и благодарностях, что их захотели принять. Самый молодой, чуть запоздав, последовал за своими друзьями, но говорил плохо, шепеляво – лорд Форест понял, что зубов он лишился не так давно и ещё не привык.

Чтобы прекратить продолжительные монологи о радости от встречи с королём, хвалбы и рыдания о «Великодушном и благородном Его Величестве, что достоин своего великого отца», Клейс шагнул вперёд.

– Его Величество хотел бы услышать, с чём вы пожаловали. Встаньте.

Люди поднялись, и первым заговорил мужчина средних лет, седоватый, высокий и крупный. Его одежда была хоть и скромной, но добротной, он выглядел куда опрятнее своих спутников, несмотря на то что его нос явно претерпел мно-

жество знакомств с чьим-то кулаком. Регент обратил внимание, что мужчина сильно прихрамывает.

– Ваше Величество, Ваше Высочество, – крестьянин, похоже, готовился к беседе, – мы б не пришли б жаловаться, если б нам бы так бы не досталось бы.

Громкий голос, говор, странное построение предложений – всё это резало слух Клейса, однако он терпеливо слушал.

– Эти ж, налетели на нас, да как давай кулаками махать! Девочек красивых нам испортили, а им замуж-то скоро надо б было. Теперь все остальные же девочки из дома и носа не показывают, боятся. Мужиков-то наших побили, вон что с Цомом сделали, – он указал пальцем на юношу, – зубы повыбивали, ножом покромсали. Парень был – все девочки глаз оторвать не могли, собирался в слуги податься, в замок-то, к лордам. Да кому ж теперь такой красивый слуга-то нужен будет? А в соседней деревне что понаделали-то, псы бешеные? Таверну-то всю разнесли! А такая хорошая была! Там мой кузен работал, он готовил, хорошо ж готовил же, да его ж побили, руку сломали, да припасы все с собой уволокли!

– Кто?

– Сынки эти пёсьи, говорю ж! Всё разнесли, девочек испортили, мужиков избивали. Всё нам поломали, два дома нам сожгли. А как мы без девочек-то да с больными ж мужиками? Нам в поле работать! У нас урожай же, у нас всё пропадёт! Чем же ж мы лордам-то платить будем? А чем же ж нам семьи-то кормить? У меня четверо детей, жена уж три года как

Бог смерти её к родне проводил, а все детки-то есть хотят!

– Мне очень жаль, милейший... – Клейс вопросительно посмотрел на собеседника. Тот молча смотрел на него. Схватившись, он понял, чего от него ждут.

– Олс, Ваше Высочество!

– Олс, – регент постарался придать голосу сочувствие, – ваше горе мне понятно. Если вы поможете нам найти обидчиков, мы не допустим, чтобы подобное повторилось. Может быть, вы слышали их имена?

– Дык не до имён же было нам, Ваше Высочество, они ж как налетели! Как начали громить да портить девок-то! Ух, злыдни, чтоб их земля-то б поглотила бы!

– Может, вы помните хоть что-то, что помогло бы нам?

– Ах, да! Символ же ж ихний мы видели. Доспехи все сияют, плащи дорогушие... Они б и в бордель же могли, денег-то немерено, раз такие разодетые, а они к нам. Мы ж ничего ж рыцарям-то и сделать не можем, чем их прогонять-то? Девки визжат, а дома горят, кони бешуются...

– Олс, вы могли бы описать символ?

– Да чё ж не мог бы? Я, может, уже и не молод, да память-то ещё есть. У нас этот символ все видели, да запомнить его легко.

Лорд Форест начинал терять терпение. Да, он понимал, что сейчас ему вещают о серьёзных проблемах, ведь для этих людей потеря рабочих рук была настоящим горем – без людей урожай пропадёт, а без припасов они не переживут хо-

лода. Но он очень редко общался с простолюдинами, в замке все были хорошо обучены, говорили коротко и по делу.

Но теперь и это часть его обязанностей.

– Будьте любезны, опишите мне символ.

– Две ручищи, а ручищи эти держат факелы, вот так. –

Олс перекрестил свои руки, чтобы продемонстрировать, как именно должен выглядеть тот самый символ.

– Ваше Высочество, это же Флеймы. – Аурон хорошо успел выучить все гербы Династий, Ветвей и даже большую часть Малых Ветвей.

– Да, – горестно согласился мужчина. Сейчас ему было совсем не до того, чтобы разбираться с людьми Флеймов, да и других Династий тоже.

– Олс, Его Величество не оставит вас без поддержки. Он распорядится, чтобы вам отправили в помощь пять десятков человек на время сбора урожая, вашим пострадавшим девам ткани, посуду и по полдесятка уток и кур, с таким приданым выдать их замуж не составит труда. Более того, Его Величество отправит к вам ученика нашего Главного строителя и два десятка человек ему в помощь, чтобы восстановить ваши дома и таверну. К сожалению, вернуть ваших погибших мы не способны, но семьи, что потеряли кормильцев и опору, в беде не оставим. Цом, если вы всё ещё желаете служить при лорде, Его Величество Аурон Старской подыщет для вас место, чтобы вы исполнили свою мечту. Более того, мне и самому бы пригодился хороший слуга.

Крестьяне снова попадали на пол, восторженно благодаря короля и его регента. А будущий королевский слуга даже пустил слезу от счастья.

– Не видел ли кто в ваших краях королевский отряд? Он должен был вернуться ещё половину цикла назад, но никаких вестей от него нет.

– Дык видели, Ваше Высочество. Вон, Гарк сюда-то и шёл же, чтоб рассказать. Недалеко от их домов сражение ночью было, кричали там, дней уж двадцать назад. Люди-то побоялись лезть, а как затихло, да утро наступило, пришли смотреть. А там! Там все телеги сожжены, тел гора целая, лошади, кто мёртвый лежит, кто бегаёт вокруг, с седлом, да без хозяев. И такой ужас там! Дети, мёртвые совсем, порубленные, да, детей десять, отдельно лежали. Это ж какие чудовища такое сделать-то могли? Детей всех земле предали, каждому яму выкопали. А уж остальных не смогли, Ваше Высочество. Только в общую бросили, чтоб люд же ж, да девок наших не пугать. Гарк идти боялся, а тут узнал, что мы собралися, да с нами пошёл. Рассказал по дороге про всё это ж безобразие.

– Вы не встречали там мальчика, живого или среди тел, светловолосого, лет двенадцати? На его одеждах герб ваших лордов – Династии Дримленс. Змей, кусающий себя за хвост.

– Дык мальчиков там было много, разных, и волосы светлые. Но змей никаких на одеждах не видать было. Да и как увидать-то, если ж все в крови да грязи? – Гарк сочувствую-

ще вздохнул.

На этом лорд Форест постарался свернуть разговор.

Все формальности были соблюдены, слова благодарности высказаны обеими сторонами, пострадавшего молодого крестьянина оставили в замке и повели к лекарям, его спутники отправились на улицу ожидать, как их попросили, сира Торджа.

– Сир Тордж, если у вас получится разговорить жителей деревни и узнать, не заметил ли кто герба Династии Дримленс... – начал издалека лорд Форест.

– Ваше Высочество, я понял. Мы узнаем всё, что сможем, надо будет – раскопаем и проверим каждого погибшего.

Рыцарь и правда понял его. Регент был благодарен, что не пришлось уговаривать, объяснять и слушать вещания на тему неодобрения жрецами подобного поведения.

– Отправляйтесь, сир Тордж. И заберите крестьян с собой. Не хватало, чтобы ко мне через несколько циклов пришли следующие – горевать о своих погибших родственниках и друзьях.

Рыцарь и его братья по оружию, всё это время стоявшие на страже своих лордов, поклонились регенту и будущему королю. Клейс потёр уставшие глаза и обернулся к мальчику.

– Милорд-регент, – когда Аурон говорил столь строгим голосом, это означало, что он недоволен и сейчас лорду Форесту придётся долго объяснять, – мы теперь отправимся к Флеймам? Их надо наказать!

– Ваше Величество, – покачал головой советник Гийера Старская. Аурон был прав. Это следовало бы сделать, но сейчас лишний раз выбираться за пределы своих земель, тем более пересекать несколько, и вовсе не стоит. Не подходящее время. Но, с тех пор как отец юного Старская заболел, тот не покидал Санфелла и, наверное, очень хотел развлечь себя поездкой.

– Аурон, – регент очень старался относиться с теплотой, мальчик был не виноват, что заменяет настоящего правителя, но и привязываться не следовало. Эта ситуация сбивала его с толку. – Сейчас нам опасно покидать пределы Сантауна. – Город вокруг Санфелла ещё назывался Синим городом, вероятно, он был так назван из-за герба Старскаев – тёмно-синей тучи, обвитой двумя – золотой и медной – цепями на голубом фоне. – Не то что пределы Королевских земель! Нет, мы отправим Флейму письмо, но не воробьями. – Уже столетия эти быстрые хищные птицы, чёрные с белыми полосами или пятнами, носили письма, мелкие предметы вроде перстней или платков. Лекарям и вовсе полюбились птички, с их помощью они обменивались с Цитаделью Мудрости опытом. Воробьи не только умели возвращаться в родные места, но и запоминали новые точки.

Ходили слухи, что этих уникальных птиц в своё время создал ещё Первый из рода Форестов путём скрещивания несколько видов. Кто-то даже поговаривал, что эти пернатые в родне имели ещё и собак или волков, благодаря чему чу-

ют по запаху, куда им лететь, а бывали и те, кто утверждал: воробы – это погибшие гонцы, приносившие плохие вести или пришедшие в недобрый час, а Первый из Форестов, вместе со Старскаем, использовал магию, чтобы дать им вторую жизнь.

Клейс за всю жизнь наслушался очень много и про свою Династию, и про другие, и если бы хоть десятая часть была правдой, то вовсе непонятно, как до сих пор люди остались живы.

– Вы хотите отправить гонцов, милорд Клейс?

– Нет, мой король. Мы отправим нескольких Серых рыцарей. Я хочу, чтобы Дарону Флейму пришлось дать ответ сразу же. Более того, мы потребуем, чтобы они позволили осмотреть их главный замок – быть может, они прячут маленького лорда у себя. Одновременно с этим мы отправим и в другие три замка Флеймов рыцарей с посланием.

– Но замков много, и осматривать каждый очень долго и сложно...

– Если им есть что скрывать, они могут выдать себя. Впрочем, я не уверен, что Флеймы хотели похитить лорда Рорри Дримленса, и ещё меньше верю в то, что его убили специально, а вот во время сражения – вполне. Вероятно, что группа разбойников Флеймов заскучала от размеренной жизни и решила развлечься, и вдруг встретили наш отряд. Однако предупредить лорда Флейма о последствиях, если он не будет следить за своими людьми, необходимо. И найти юного

лорда Рорри Дримленса тоже.

– Надеюсь, лорд Дримленс жив и здоров, – сочувствующе проговорил фальшивый король. Он поёрзал на неудобном и жёстком троне.

– Да, я тоже.

Экрог

Путешествие к брату его погибшей жены, хоть и перенеслось на цикл, прошло успешно. Лорд Редгласс уже готов был отправляться в гости, однако успел получить письмо от своего верного подданного Ниллса – похищение увенчалось успехом, мальчишка Дримленс жив и здоров, благодарен за спасение и без насильственных мер направляется в замок лорда Редгласса.

Этот план был прекрасен. Безупречен, как сам Экрог и всё, что он делает.

С самого начала и до конца он преследовал цель – рассорить своего родственника с его злейшими врагами Глейгримами. Кроме прекрасного прикрытия для похищения наследника Дримленса, в войне был ещё один плюс. Его Величество мёртв, регент, что только приступил к делам, скорее всего, не станет влезать в дела двух родов, а впоследствии Экрог приберёт к рукам часть земель проигравших.

Впрочем, сейчас его больше волновал мальчик. Земли Рорри были лакомым куском, да и порт, после начала освоения Новых Земель, стал самым выгодным вложением.

Владения Экрога находились в сердце материка, он имел общие границы с большинством великих родов. В этих местах был приятный климат, без сильных ветров и холодов, люди не испытывали проблем с пропитанием, они собира-

ли достаточно урожая даже при плохой погоде. Но земли честолюбивого правителя были всё же ограничены владениями соседей и не имели выхода к морю.

Экрог не знает, кого стоит благодарить, кроме основателя его Династии, за такое неудобное расположение – да, они часто получают налоги за обозы с торговцев, что идут через их земли, к ним часто заходят барды, а с Севера пару десятков лет назад ринулись все жаждущие научиться искусству лечения или предложить новое изобретение. И все они платят за то, что идут по его земле. И любой, кто желает пересечь Ферстленд с запада на восток или с юга на север, скорее всего, пройдёт через Редглассов. В военное время территория правителя, что не присоединяется ни к одной стороне и всегда сохраняет нейтралитет, приносит огромный доход.

Но даже и не считая доходов от пошлин, его Династия – одна из самых богатых, и уступает в этом разве что королевской семье, хотя это спорно. Но одного исправить ни Экрог, ни его прародители не смогли, – отсутствие порта. Что бы ни происходило, им приходилось платить за использование чужих портов – просить униженно, но что делать? Освоение Новых Земель не только прибыльно и почётно, но и – не стоит забывать об удовольствии – интересно. Даже будучи уже взрослым, отцом троих детей и правителем своей Династии, Экрог порой вспоминал свои юношеские мечты о путешествии в неизведанные земли, о прекрасных девах и ужасных существах, о желании прославиться и никогда не исчезнуть

из памяти как герой-первооткрыватель. Он был уверен, любой лорд думает о том же и точно также это скрывает.

К тому же никто не знает, к чему дележка Новых Земель приведёт в будущем. На данный момент у лорда Редгласса нет ни одного корабля, кроме мелких барж, что перевозят провизию и людей по крупным рекам и небольшим каналам. Династия Дримленс может стать ключом к их успеху.

Прийти к мальчишке и сказать, что теперь лорд Дримленс будет слушать только его, столь же глупо, как отправить королю письмо с подробным описанием всего, что планирует провернуть Экрог. Но у Редгласса созрел прекрасный план, совмещающий в себе сразу несколько целей. Люди, часть которых имеет на одежде и доспехах знак Династии Флейм, привлекают к себе внимание, да так, чтобы крестьяне пожаловались королю и его советнику-регенту. Они должны были грабить, убивать, избивать, насиловать, устраивать драки и ломать мебель. Всё, чтобы привлечь к себе внимание, и не в одной деревне по пути.

Затем его люди, разделившись на несколько групп, в разных местах должны были нанять разномастных желающих помахать мечом и получить за это щедрое вознаграждение. После всего этого они должны были атаковать сопровождающих Рорри Дримленса – насиловать женщин или нет, оставалось на усмотрение воинов, главное, чтобы самого мальчишку не трогали.

Да, люди с символами Флеймов, по задумке лорда, долж-

ны были над ним посмеяться, ткнуть щенка лицом в грязь, пару раз пнуть, может, напугать угрозами избиения или убийства, но не ранить. Напуганного мальчишку затем предписывалось «спасти» доблестному воину Династии Редгласс – Ниллсу. Он и десяток его людей, что якобы возвращались из порта домой, как и задумывалось, случайно увидели бедного маленького лорда, разыграли убийство плохих и злых воинов-налётчиков и предложили Рорри свою помощь.

И план сработал. Перепуганный ребёнок с радостью отправился с Ниллсом. В замке Экрог радушно встретил мальчика, выслушал все всхлипы и посочувствовал каждому слову полезного наследника. Лорд Редгласс всегда хорошо играл на публике и гордился этим.

Чтобы Рорри не пришло в голову поехать к королю, Экрог объяснил ему – это небезопасно, его могут хотеть убить, а среди людей короля наверняка есть предатели. Экрог обещал всё рассказать правителю в самом же скором времени и даже лично съездить в Санфелл, но не сейчас, а когда всё уляжется. И ради собственной безопасности Дримленс, разумеется, согласился.

Династию Флейм начнут подозревать в нападении. Всем известно, что трусоватые любители огня плодятся, как Форесты, и родственники лорда-правителя проникли, наверное, уже во все места и во все сферы деятельности. Флеймы есть и в рыцарских орденах, и среди подданных короля в столице, и среди лекарей, и среди писарей. Вероятно, они могли

бы давно оплести своей паутиной все земли и быть в курсе совершенно всего, но вот беда – их род удивительно отличается от Династии Форест. В то время как Райан и его родня поддерживают друг друга и всегда остаются семьёй, Флеймы страдают от их многочисленности и неспособности их земель уместить всю Династию. Сейчас только уважаемый Дарон, глава этого семейства, держит их вместе. Экрог верил, стоит только ослабить хватку, и все братья и дети лорда Флейма раздробят земли на множество маленьких кусков и начнут войну друг с другом.

И всё же их будут подозревать. Клейс Форест наверняка вызовет лорда в замок, а может, и вовсе явится с отрядом. Конечно же, Дарона не заключат под стражу – мальчишки в его доме нет, следовательно, прямых доказательств тоже. Однако его люди натворили дел. Лорд лично никого не насиловал, да и вдруг его кто-то подставил? Никакой расправы, кроме платы крестьянам за ущерб, ему не грозит, а осадок у регента и короля останется, Флеймов и так почитают меньше любого другого рода. Известный же своей жадностью Дарон будет оскорблён ещё больше.

Даже если эта часть плана не сработает, Экрог придумает, как поссорить родственника с Глейгримами. В своё время они уже делили земли, и не один раз. В процессе их ссоры станет ясно, кто сильнее, затем стоит лишь вовремя поддержать победителя, совсем немного, в обмен на небольшую часть земель, а дальше – соединить свои владения с Дрим-

ленсами. Впрочем, даже если в войну впутаются и другие Династии, Редглассы ничего не теряют: как и многие поколения до Экрога, они поддерживают кого-то лишь в самом конце и получают за это ценные благодарности.

При другом раскладе, если вдруг всё решится мирно и быстро, через год-другой, когда мальчишка Рорри привыкнет к добрым Редглассам, его можно будет вернуть. У него не будет и малейшего повода подозревать Экрога и его людей, хоть Дримленс ещё совсем юн, он в состоянии запомнить, что за герб красовался на доспехах его мучителей. И тогда Династия Редгласс выйдет на сцену и пожелает быть советниками мальчишки, а вместе с этим и получит прекрасные порты.

Конечно же, жизнь полна непредсказуемых поворотов, просчитать всё невозможно. Экрог был уверен в себе, он знал, что способен быстро сориентироваться и переделать всё вновь так, чтобы оставаться в плюсе бесконечно. Его единственным проклятием были его дети – как бы он ни воспитывал их, они приносили сплошные разочарования. И одно из этих разочарований послужило причиной для встречи с Дароном Флеймом, а вовсе не желание подбрасывать дров в костёр негодования родственника.

– Дарон, мой милый друг, ты как никто понимаешь меня. Твои отпрыски тоже воротят нос от выгодных браков.

Экрог сидел за столом уже не первый час, а блюда всё сменялись. Он гостил у брата умершей жены три дня, и каж-

дый раз ужин был сродни небольшому пиру – Дарон любил вкусно поесть и производить впечатление на своих несчастных гостей. К слову, у Флеймов всегда были лучшие повара с фантазией, кажущейся безграничной, – лорд Редгласс понимал, почему в этом замке все столь упитанные.

– Хорошо, что твоего предложения не слышит моя дражайшая Лилан, друг мой! Она против кровосмешения, тем более столь близкого. И в данной ситуации я склонен поддержать её.

Леди Лилан Флейм была яркой приверженкой Храмов и часто у алтарей Богов оставляла до неприличия внушительные пожертвования, чем нервировала своего мужа. За пределами обители Богов она всегда оставалась категоричной и сухой в общении. Впрочем, выглядела она соответствующе – убранные тёмные волосы, затянутые сетками так, чтобы ни одна прядь не выбивалась, простоватые для леди платья, закрытые, серые и лишённые любых украшений, сухое лицо, вечно поджатые губы – Экрогу она не нравилась. Она, несомненно, считала себя хорошей матерью, оставалась верной женой и примерной прихожанкой, но совершенно неинтересной женщиной и плохим собеседником. Может, именно поэтому Дарон так налегал на яства?

Лилан просидела с ними не более, чем того требовала вежливость, и отправилась по своим делам – на вечернюю службу. Оба лорда облегчённо выдохнули, стоило лишь двери за леди закрыться.

– Они ведь не родные сестра и брат, Дарон. – Лорд и не думал настаивать, он должен был найти повод остаться здесь ещё – когда Экрог был дома и готовился к отправлению, ему доставили послание, в котором говорилось, что крестьяне направляются к Королевскому замку. Да сколько же они могут идти?! Редгласс терял терпение. Он устал держать на лице вечно приятную улыбку.

– Я не знаю, как помочь тебе, Экрог, хоть и очень хочу. Лилан совсем не одобрит и будет говорить мне о проклятиях каждый день.

Старый добрый Дарон. Он, как всегда, перекладывал ответственность, когда сомневался и не хотел обижать. Оправдываться неодобрением жены и вовсе было излюбленным ходом.

– Дарон, моей дочери уже почти девятнадцать. Лишь глупец Тормер Дримленс мог захотеть взять в жёны старую деву, когда ему предлагали двух молодых леди не менее хорошего происхождения. Я понимаю, тебе не хочется выдавать за мою дочь наследника, я и не прошу об этом. Я бы и сам отказал в такой просьбе. Но ведь своего второго сына ты так и не женил, мы бы породнились ещё больше. Для дочурки Хельги я бы не пожалел приданого.

Слова про приданое были для Флейма магическими, и он сразу оживился.

– Что ты, я с удовольствием подумаю, как помочь тебе, друг, и без приданого. Но ты пойми, Хельга – дочь моей сест-

ры. Я могу поговорить с Хэлтом о его планах на женитьбу Орми.

– Орми... – Редглас поковырял блюдо вилкой, он не привык так много есть, но продолжал делать вид и составлять компанию пузатому Дарону. – Это сын твоего кузена? Да, хороший юноша, я имел удовольствие переговорить с ним на твоих именинах полгода назад.

– Орми прекрасный воин, его хорошо воспитали, он великолепно ведёт себя в обществе и станет превосходной партией для моей племянницы. – Лорд Флейм стал нахваливать своего родственника, словно купец – пряности и ткани.

И он бы продолжал ещё долго, если бы их не отвлёк слуга. Экрог уже и не надеялся дожждаться этого момента.

– Милорд, – слуга был выдрессирован, теперь понятно, чем занимается в свободное от молитв время леди Флейм – гоняет прислугу, – прибыли рыцари Волчьего Ордена с королевским указом. Они желают вас видеть.

– Что случилось, Дарон?

– Не имею представления. Что ж, – он смешно покачнулся и встал, – пойдём узнаем, чего желает Его Величество от меня на ночь глядя. Составишь мне компанию?

Стать свидетелем развития собственного гениального плана, получить возможность направить всё в нужную ему сторону и оказать «посильную помощь» Дарону, тем самым убедив его не отступать от решения подобрать партию для уже очень взрослой и капризной дочери – как можно было

отказаться от такого?

Экрог вытер рот салфеткой и встал. Скатерти, салфетки, шторы – всё было украшено факелами или пламенем, вокруг было так много оранжевого, жёлтого и бронзового, что казалось, в доме Флеймов вечный праздник огня. Лорды гордились своим происхождением, своим гербом и любили рассказывать легенды про Первого – они звали его Высшим – и про первые поколения его потомков, что ещё не утратили сил и умели создавать огонь и управлять им.

Экрог всегда смеялся над такими людьми.

Дарон шёл удивительно быстро для своей комплекции, правитель Редгласс едва поспевал за ним. С большим сожалением он был вынужден признать – хоть лекари и знали своё дело, и он мог бы рассчитывать прожить ещё не менее семи лет до тех пор, пока силы не покинут его окончательно и обходиться без помощи слуг станет невозможным, годы всё же брали своё.

– Я всегда рад помочь Его Величеству, сирь, но в столь поздний час... Неужто ль случилось страшное? Надеюсь, не война?

– Милорд Дарон Флейм, – из группы Серых рыцарей вперёд вышел самый низкий из них. Рыцарь казался очень крепким, широкоплечим, доспехи только увеличивали его, делая почти квадратным. На его поясе, кроме меча и двух кинжалов, висело весьма редкое для рыцарей оружие – дубина с шипованным шаром на конце. Волосы сира уже седели, од-

нако он так и не захотел отстригать их, и сейчас они торчали из-под шлема глупыми чёрно-белыми прядями.

Рыцарь снял шлем.

– Доброго вечера. Меня зовут сир Аквуен Смелый. Мы с братьями не хотели бы тревожить вас, но прибыли сюда по поручению Его Величества Ауруна Старская и Его Высочества регента Клейса Фореста. – Он протянул пергамент с указом, написанным рукой регента и заверенным королевской печатью.

Глаза Дарона бегали по письму, и чем дальше он его читал, тем больше краснело его лицо. Экрогу даже стало немного жаль хозяина замка.

– Это возмутительно!

Лорд Флейм скомкал пергамент в руках и продолжал мять его.

– Как меня могут подозревать в таком?! Мой друг Экрог, вы представляете, что мне ставят в вину? Похищение мальчишки Дримленса! Да ещё и якобы мои люди разграбили деревни, поубивали крестьян и пожгли их дома! Мои люди!

– Успокойтесь, милый друг, я уверен, здесь какая-то ошибка.

– Боюсь, что нет, милорд. – Аквуен даже не шелохнулся, когда злой хозяин замка, брызжа слюной, кричал ему почти что в лицо.

– Нет у меня никакого мальчишки! И люди мои послушно сидят по домам, а не ездят устраивать беспорядки к соседям.

Так и передайте Его Величеству.

– Мы должны осмотреть ваш замок, милорд, и убедиться, что милорд Рорри Дримленс находится не здесь.

– Мой замок? Вы собираетесь ходить по моему дому и душаете, я позволю так себя оскорблять?! – теперь лорд Флейм вполне оправдывал своё родовое имя, его лицо пылало от гнева.

– Это приказ Его Величества и...

– Меня обвиняют в такой грязи! Да ещё и пускать обыскивать свой дом! Да где это видано? Я все годы верой и правдой служил короне, я никогда... А вы! – словарный запас лорда подошёл к концу, и он только причитал короткими междометиями, а после выдал категоричное: – Ни за что!

– Тогда мы вынуждены будем проводить вас к Его Величеству...

– И не подумаю, – упёрся старый дурак, совершенно не думая, что ему за это будет.

– Что ж, тогда мы вынуждены будем вернуться сюда позднее, но в большем составе, милорд. – Аквуен решил достучаться до разума Дарона Флейма. Тщетно.

– Вы ещё и угрожаете мне?! Мне! Да как вы смеете!..

– Дарон! – в планы лорда Редгласса вовсе не входило заключение приятеля под стражу или наказание его за невыполнение королевского указа. Экрогу было нужно совсем иное. – Прошу прощения, сирь, я бы хотел переговорить с лордом Флеймом.

Оттащить упирающегося и вспоминающего все изощрённые ругательства Дарона было очень непросто.

– Перестаньте, друг. Вам ли не знать, что в случае отказа Его Высочество регент может прислать куда больше, чем восемь Серых Волков.

– Он обвиняет меня, Экрог, он прислал этих дуболобов, чтобы они рылись в моём замке и искали то, чего нет!

– Да, но...

– Ты что, тоже веришь, что у меня может быть спрятан этот мальчишка Дримленс? Ты с ними заодно? – Да, сейчас ему было не до любезностей.

– Разумеется, я верю тебе! Дарон, возьми себя в руки. В твоём замке нет мальчика? погоди, не надо кричать на меня, я верю. Пропусти их, пусть они убедятся и отправятся обратно к Форесту. Тебе нечего скрывать.

– Я не желаю, чтобы кто-то ходил по моему дому без приглашения.

– Я понимаю. И всё же лучше пусти их, или всё может стать ещё хуже. Своим отказом ты только ещё больше усугубишь ситуацию. Верно, вдохни, выдохни, и пусть смотрят. Я уверен в тебе. Пойдём.

Пока сердитый и раскрасневшийся Дарон пыхтел и раздувал ноздри, Экрог решил взять ситуацию в свои руки.

– Что ж, сирь, лорд Флейм не против, чтобы вы проследовали дальше и проверили всё, что вам необходимо.

Аквуен с облегчением выдохнул, сердечно поблагодарил

лордов и вместе со своими братьями проследовал выполнять приказ.

То, что мальчишку рыцари не найдут, было ясно – он был в замке Редглассов, и Ниллс сейчас присматривал за ним. И то, что, как бы ни рыскали рыцари, обойти все замки Флеймов и их вассалов, и все места, где могли держать лорда, невозможно, Клейсу Форесту наверняка тоже было известно. Значит, это было скорее предупреждением, и вскоре, убедившись, рыцари покинут замок, а Редгласс подведёт Дарона к нужной мысли.

Лорд Флейм бегал позади рыцарей – казалось, что от злости и возмущения он подпрыгивал на месте. Но тем не менее хозяин земель смог удержать себя от гневных тирад, Экрог следовал за ними и вовремя отвлекал лорда разговорами. Когда рыцари возжелали осмотреть спальню супруги Дарона и её будуар, лорду Редглассу пришлось вновь убеждать Флейма, готового уже лично побить каждого из Серых братьев, не горячиться и пустить их.

Вернувшаяся с вечерней молитвы леди Лилан брюзжала не меньше, чем её супруг, угрожала карой, что Боги ниспосллют на головы тех, кто посмеет посетить её обитель, и даже, что было удивительно для Экрога, проявила чувственность и пыталась побить рыцаря, что вошёл в её будуар. Может, лорд Династии Редгласс и наслаждался бы спектаклем, если бы только супружеская пара Флеймов не звучала вместе оглушающе громко.

Только к утру, когда сир Аквуен извинился за неудобства и увёл свой отряд, уставший Экрот и всё ещё взвинченный, но охрипший от собственных криков негодования лорд Флейм остались наедине и вновь в том же обеденном зале.

Редгласс уже хотел начать молитвы всем известным Богам, лишь бы его не заставили есть. К несчастью, расстроенный и справедливо негодующий Дарон решил заесть свои переживания и, разумеется, выслушать мысли своего друга и гостя прежде, чем они отправятся отдыхать. Лилан отказалась ложиться спать в покоях, где на её бельё и нижние платья могли смотреть посторонние мужчины, и даже пропустила утреннюю службу, чтобы проконтролировать слуг – все эти вещи она решила пожертвовать простолюдинам и нищим, а себе заказать пошив новых.

– И почему Его Величество решил обвинять тебя?

– В его послании было сказано, что крестьяне видели на людях герб моей Династии.

– Быть может, они ошиблись?

– Один человек мог, пять могло, но не несколько же деревень разом! Не понимаю...

Теперь самое время приступить к главной части своего плана. Но необходимо соблюдать осторожность и не торопиться. Дарон должен до всего дойти сам.

– Если ты не отправлял людей громить деревни. То... Ты ведь не отправлял? Ты можешь мне довериться.

– Экрот, да зачем мне это? Да ещё и в доспехах с моим

гербом. Я, может, и не так хитёр, как Северные чудовища Холдбисты, но далеко не дурак. Я бы не стал глупо подставлять себя, даже если бы вдруг решил их отправить.

– Может быть, они пошли сами?

– Экрог, такие доспехи, да ещё и с гербом, есть только у моих лучших воинов, а их я деньгами не обделяю. Те, кому могло захотеться развлечься подобным образом, позволить себе хорошие доспехи не могут.

– Да, ты прав. Но если есть гербы и, как ты говоришь, ты бы отправил без них... Да, логично, что тебе не хотелось бы, чтобы всё указывало на тебя. Значит, те, кто отправил людей, могли хотеть...

– Навредить мне! Подставить меня перед Его Величеством!

Наконец-то! Редгласс уже начал сомневаться в своих способностях и в сообразительности лорда.

– Но кто и почему? Разве у тебя есть такие недруги, что станут проворачивать такой план только для того, чтобы насолить тебе?

– Глейгримы. Недавно я неосторожно громко обвинил лорда Хагсона в мужской несостоятельности.

– Дарон! – Экрог изобразил негодование на лице и покачал головой.

– Моя племянница уж скоро два года как замужем, детей всё нет, да и лорд вечно в каких-то делах... Это Глейгримы! Экрог, ты ведь знаешь, мы в ссоре с ними давно, наши

вечные мелкие стычки, а в прошлом войны... Это они меня подставили!

– Да, друг, может, ты и прав. И что ты намерен теперь делать?

– Помоги мне. Мы объединимся и выступим против них.

– Прости, но у меня очень мало воинов, ты ведь знаешь. Я предпочитаю нанимать их, а не кормить большую регулярную армию, и я не люблю кровопролитий.

– Жаль. Но я могу отправиться к королю и рассказать ему о своих догадках. Нет, я же не мальчишка. – Экрогу даже не пришлось переубеждать лорда. Он остывал и начинал думать головой. – Но что тогда? Мечь. Мечь! Вот что нам надо, Экрог. Мы отомстим им!

– Я не хотел бы портить отношения ни с тобой, ни с Династией Глейгрим, всё же мы имеем общие границы, и мне бы не хотелось сейчас никаких проблем.

– Я справлюсь и сам. Или ты считаешь, что я должен спустить всё этим мерзавцам?

– Дарон, конечно же, если ты не хочешь нарастания конфликта, то ты можешь забыть про этот неприятный случай. Если бы я хотел доказать, что шутить со мной таким образом не стоит, то, вероятно, отправил бы им ответную весточку.

– Решено – я буду мстить. А теперь поговорим лучше о твоей дочери и свадьбе. Не стоит портить плохими разговорами аппетит, верно?

Аппетит?

Экрог увидел, как им принесли ещё одну смену блюд, и чуть не завыл волком. Ещё еда? О нет!

Рирз

Дикари предпочитали держаться подальше от лагеря Холдбистов, и Рирз уже понемногу стал подозревать, что его люди перебили последних оставшихся в живых. За те несколько часов, пока воины сходили на берег, добирались до места предполагаемого строительства и разбивали временный лагерь, к ним никто больше не являлся. В остальные дни, пока из кораблей выгружали скарб – а за его сохранность Рирз переживал больше всего и ждал нападения, сдавливая зубы до скрипа, – гостей тоже не было.

Одного из бойцов, который так и не вернулся, найти не удалось. Его брат четырежды отправлялся с отрядами на поиски, чтобы прочесать все заросли у места высадки, но толку в этом не было. Вместо того чтобы найти человека, Рирз лишился двоих глупцов из третьего отряда, которые не заметили ядовитых змей, и получил одного раненого и более неспособного нормально сражаться в четвёртом – воин не заметил ямы, упал и заработал себе открытый перелом. Лекари под предводительством Айдина сначала боролись за сохранность ноги, но через несколько дней мучений конечность пришлось ампутировать. Отравленные же, хоть и сумели добраться до лагеря, прожили и того меньше. Когда брат пропавшего обратился с просьбой отправить пятый отряд, потерявший на тот момент уже почти десяток человек,

бастард не на шутку разозлился.

Рирз не видел, как выглядел со стороны, но мог предположить, что не самым лучшим образом, раз Герт бросил все свои дела и поспешил к нему на помощь. Будущий кастелян отправил прочь перепуганного слишком бурной реакцией воина и, как обычно, попытался успокоить своего нового правителя сам. Обычно в такие моменты Герт говорил, что видит в юноше улучшенную версию Рогора Холдбиста. Он неизменно называл отца Рирза жестоким и чёрствым человеком, не сомневался в его хитрости и коварстве, в его способностях добиваться своего. В незаконнорождённом отпрыске он видел схожие качества, хоть и говорил только о более или менее положительных.

Прослуживший всю свою жизнь лорду Холдбисту и посланный доживать свой век отдельно от семьи и среди дикарей будущий кастелян замка бросал теперь все силы на то, чтобы сделать достойного, по его мнению, лорда из Рирза. Возможно, потому что давно воспринимал его как сына или племянника, а может, потому что хотел тем самым навредить Рогору и отомстить ему. Каждый день он неустанно твердил, что бастард без проблем добьётся всего, что желает, и ещё покажет своему отцу. Пусть опыта Рирзу ещё не доставало, но его происхождение, а также сильный характер и жизненные обстоятельства способны были превратить его в достойного человека. Настоящего лорда Холдбиста.

Хоть, как утверждал Герт, бастард являлся сыном своего

отца, внешность Рирза, унаследованная от матери и её родни, таких же простолюдинов, отличала его от чистокровных Холдбистов – юноша был невысоким и плотно сбитым. У него были крепкие руки, оканчивающиеся толстыми пальцами; лицо выглядело грубоватым для знатного человека и отличалось от отцовского широким носом. Кроме того, он сутулился, из-за чего казался ниже и массивнее, в противовес своей родне, в которой все, как на подбор, отличались высоким ростом, стройной фигурой; и, как истинные лорды Великой Династии, имели безупречную осанку, обладали прекрасной улыбкой и гармоничными чертами лица и считались красавцами, уступая разве что Династии Вайткроу. К сожалению, незаконнорождённому сыну Рогора из всего перечисленного достались лишь зелёные глаза и тёмные волосы, свисавшие сейчас, после долгого плаванья, грязными прядями до плеч. Каждый раз, глядя в зеркало, Рирз вспоминал мать – невысокую и фигуристую женщину, светловолосую и сероглазую; она воспитывала его первые пять лет, пока не умерла от неизвестной ему болезни.

Лорд-правитель Холдбист не упускал случая напомнить сыну, что тот некрасив и походит скорее на землепашца, кузнеца или лесоруба, но никак не на сына лорда. С малых лет Рирз усвоил, что не сможет ничего добиться в высшем обществе внешностью, и научился привлекать к себе внимание по-другому – он научился быть обаятельным.

Его слушали – не зря отец, пусть лишь по просьбе же-

ны, леди Эббианы, позволял ему учиться вместе с братьями у лучших мастеров ораторского искусства; на него смотрели, забывая со временем про несоответствующую внешность; его запоминали, с ним желали продолжать разговор, ведь он научился быть интересным собеседником, слушать, увлекать знаниями и, обладая хорошей фантазией, придумывать красочные, пусть и несуществующие, подробности.

Кроме того, Рирз воплощал собой все сильнейшие качества Холдбистов – он жаждал продвигаться выше, был умен и хитёр, умел думать наперёд и твёрдо следовал девизу своего рода «Победа любой ценой». Жизнь научила его смотреть, слушать, запоминать и раскладывать всё на составляющие, научила всматриваться в людей, цепляться за слова, сказанные в пылу, за истинные желания, за тайны, которые хотели скрыть ото всех.

Рогор Холдбист боялся за своих детей не зря.

Озлобленный, расстроенный тем, что отец уделяет время всем, но только не ему, семь лет назад двенадцатилетний бастард ударил камнем по голове, а когда понял, что натворил дел, скинул в колодец своего кровного брата Рисса, которому было немногим больше четырёх лет. Маленький лорд смеялся над ним и придумал игру – кидать в присматривающего за ним бастарда камнями.

Это был не первый случай, когда Рирз не сладил с эмоциями. За его спиной шептались, что незаконнорождённый сын Холдбиста вытворял ужасные вещи – он уже избивал служа-

нок, кухарку и однажды вылил кипяток на мальчишку-поварёнка, но он этого не помнил.

Убил же человека он впервые. Что Рисс мёртв, Рирз узнал через несколько часов – встревоженные служанки и леди Холдбист подняли шум, и мальчишку долго искали, пока кто-то из слуг не заглянул в колодец. Лекари Фиендхолла, столицы Холдбистов, во главе с Гроссмейстером уверяли, что маленький лорд утонул, а разбить голову мог, когда падал. Бастард помнил, как отец схватил его и тряс за плечи.

– Это сделал ты, щенок? – кричал лорд Холдбист. Он потерял самообладание, увидев тело сына. – Я знаю, это ты! Ты!

– Оставь его, Рогор! Погляди, мальчик напуган. Ему не стоит смотреть! – леди Эббиана Холдбист выглядела очень грустной, её глаза покраснели, хоть женщина не позволила себе проронить и слезинки вне покоев. Вечером она рыдала так, что Рирзу казалось, будто он слышит всхлипывания даже в Западной башне, над комнатами придворных, где ему выделили покой.

– Он убил Рисса! Я знаю... – Отец не отпускал его и тряс, пока леди Эббиана не впилась пальцами в плечо мужа. Тот отшвырнул тогда своего незаконнорождённого сына, а женщина помогла мальчишке-убийце подняться.

– Ты испугался, когда увидел брата?

Бастард не помнил, что он сказал, кажется, просто кивнул.

И тогда леди прижала его к себе и начала утешать. Она молча гладила его по голове, а он, открыв глаза, видел свер-

лящий, полный ненависти взгляд отца. Он хотел рассказать ей, что виноват, – жена Рогора всегда была добра к нему, защищала, и, пожалуй, только благодаря ей он жил в замке и мог считаться частью семьи. Хотел, но промолчал. Ему слишком нравилось, когда леди Эббиана Холдбист жалела его и оберегала. И он слишком боялся отца.

С того дня Рирза занимали делами и поручениями, а его младшую сестру, маленькую леди Риану, не оставляли без присмотра. Бастард чувствовал себя одиноко до тех пор, пока наследник, Ротр, не стал достаточно взрослым и самостоятельным и не вернулся с обучения от вассалов Династии Бладсворд – лучших воинов и знатоков оружия. Второй брат, Робсон, также вернулся домой – он, как будущий помощник брата-правителя и его советник, изучал различные науки в Цитадели.

Непрерывно болевший в детстве Ротр вырос в очень привлекательного юношу, он совместил лучшее от отца и матери, но, несмотря на выдающиеся внешние качества, оставался ведомым и очень стеснительным. Наследник всё никак не мог поладить с дочерью кастеляна Фиендхолла, что уж очень ему нравилась. Бастард воспользовался случаем восстановить дружбу, что была между ними в детстве, и помог брату. Робсон, прознав, что Рирз не глуп и выдаёт полезные советы, также обратился за помощью – отец не желал воспринимать его всерьёз и постоянно командовал. Рирз изучал отца всю жизнь, он знал, на что давить и что говорить.

И понимал, что сердце лорда Холдбиста, смягчённое долгой разлукой, стоит его второму сыну, законнорождённому и послушному, правильно повлиять, растает. Так и случилось.

Братья восхищались бастардом – он казался им опытнее, мудрее, и они верили, что Рирз желал им лишь добра. Их общение продолжилось, вредить Ротру и Робсону, пока родом управляет Рогор, в планы юноши не входило. Он бы с удовольствием подождал, пока отца, который уже несколько лет страдал от последствий долгого похода, в процессе которого отряд заблудился, промок и замёрз, не станет.

Однако бастард совершил ошибку – братья позвали его составить им компанию на охоте, он согласился, хоть и понимал, что разозлит этим главу рода. Их не было весь день, с самого утра, и к вечеру, когда они, довольные своими достижениями, вернулись, то узнали – лорд Рогор уже успел собрать отряд и хотел отправляться на поиски. Терпение правителя кончилось.

Рогор Холдбист хотел ударить Рирза за то, что тот покинул замок без разрешения. Руку отца остановил его наследник. Братья окончательно испортили всё, когда объявили бастарда своим братом. Да, тогда он думал, что это победа, он очень старался не улыбаться – ведь таких защитников у него ещё не было.

Следующий сезон Ротр проводил много времени в компании брата, Рирз казался ему интересным – вероятно, потому, что много читал, красочно расхваливал боевые успе-

хи наследника, спрашивал его совета. Лорд Холдбист понял, что братья нашли общий язык и становятся слишком близки. Последней каплей для Рогора стало высказанное желание Ротра попросить короля даровать титул лорда Рирзу.

Холдбист нашёл законный способ разорвать эти крепкие кровные узы, не убивая собственного сына и отыскав достойное объяснение своему наследнику. Теперь Рирз был вынужден строить замок для своего отца и искать способ управляться со всеми продолжающими прибывать людьми.

Вопреки стараниям и надеждам Рирза, он ещё не только не продвинулся со строительством, но и заимел много новых проблем. Герт говорил, что их лорд к себе чрезмерно строг, но это было слишком малым утешением.

Бастард Холдбиста мечтал справиться с поставленной ему задачей быстро. Он видел во снах, как его прекрасный замок посещает отец, даже в своих мечтах он не рассчитывал, что лорд-правитель будет гордиться им или хотя бы высказывать одобрение, но надеялся услышать, что теперь Рогор будет просить короля сделать Рирза основоположником Ветви или хотя бы Малой Ветви. Да, бастард, даже будучи мелким лордом, будет вынужден подчиняться отцу, а после и братьям. Зато у него будет свой замок, у него будут свои земли, он перестанет быть незаконнорождённым отпрыском, равным по правам любому простолюдину. Он получит власть. Он сможет получить в жёны леди, если повезёт – куда более знатного происхождения, чем он.

В Королевстве придерживались строгой иерархии. Во главе стоял король, не с начала начал, конечно же, – в первые столетия все земли имели собственного правителя, – и потому войны происходили очень часто, но после, когда от людского рода осталось меньше половины, лорды приняли решение избрать единого правителя. С первой коронации начался новый отсчёт времени – Эпоха королей – она сменила Эпоху раздора или, как её ещё называли, Эпоху альянсов.

Первым королём стал представитель Великой Династии Мертор Старской. По сей день его род оставался и, скорее всего, ещё очень долго останется правящим, правда, когда бастард собирался отправляться, дошли вести, что королю Гийеру стало ещё хуже. Впрочем, у него был наследник-мальчик.

Землями управляли ещё восемь Великих Династий, они подчинялись правителю и приказывали Ветвям. Легенды гласили, что Ветви когда-то пошли от самых неспособных, бездарных, но при этом амбициозных и смелых представителей Династий, которые никогда бы не дождались возможности посидеть на троне или занять хорошие и тёплые места у его подножия. Малые же Ветви возникли сравнительно недавно. Они были куда менее знатными, и чаще всего состояли из тех, чей предок очень отличился, проявил себя и получил земли и титул в награду.

Насколько Рирз помнил историю, а она всегда его интересовала, первой Малой Ветви сейчас насчитывалось не более

восьми поколений. И всё же быть лордом, пусть самым мелким и бедным, куда приятнее, чем бастардом.

Даже сосланный прочь из Ферстленда в земли, где опасность таилась за каждым камнем, в ненавистной траве, что не желала гореть, и в каждом водоёме, Рирз продолжал двигаться к своей цели и не жалел на это никаких сил. Первый сезон он, переполненный надеждами, с горящим сердцем, весь в предвкушении, работал наравне со всеми не покладая рук. Но со временем его жар начал утихать и... И появилось много проблем, про которые он совсем не думал изначально, а замок продолжал оставаться мечтой.

Герт Невозмутимый, когда Рирз обратился к нему, переживая за скорость строительства, лишь вздохнул. Бастард помнил, как тот положил руку ему на плечо, намереваясь подбодрить.

– Строительство занимает много лет, Рирз. Как бы ты ни работал, как бы ты ни гонял людей, с нынешним числом рабочих рук мы будем строить его не меньше двух десятилетий. Боюсь, мой срок выйдет раньше, чем я увижу твой триумф.

– Нам нужно больше людей. Я не желаю ждать десятки лет и тем более проводить их здесь. – Рирз после жалел, что был груб с Гертом, в конце концов, их обоих отправили сюда.

– Прежде всего, как ты верно заметил, нам необходимо обеспечить безопасность и построить жильё. Твои люди, какое бы вознаграждение им ни обещали, далеко от привыч-

ных и родных мест, у многих есть семьи, что остались в Ферстленде. Пока здесь не будет безопасно, милорд Рогор Холдбист не отправит сюда женщин и детей. И я понимаю почему...

– Никто не хочет потерять людей. Я знаю, люди – это ценный ресурс. – Бастард знал Герта с самого детства, он доверял ему и слушал. Советник всё это время поддерживал его, вдохновлял, а когда сил руководить у Рирза не оставалось, подменял его.

– Они не рыцари, они не давали обед безбрачия.

– Я жил в замке своего отца и видел рыцарей, Герт. Ты думаешь, что они все выполняют свои клятвы? Как бы не так!

– Тем более ты должен понимать. Чем дольше они будут без женщин, тем более они будут злиться. Многие лекари, конюхи, рыбаки и охотники взяли с собой жён и детей – они работают на общее благо всей семьёй, иначе бы не справились. Но большая часть мужчин, особенно твоих воинов, завидует крестьянам. Да, пока они воспринимают тебя как вожака, ты держишь их в узде. Пока прошло не так много времени, их желание получить вознаграждение пересиливает остальное.

– Но что будет, когда они поймут, что ждать им не один год? Что будет, когда они поймут, что их ежегодную оплату за верную службу им и девать здесь, в пустых и чужих землях, некуда? Её не пропить, её не пустить на девок или игры,

на неё не купить здесь... Да ничего не купить!

– Создай достойные условия для своих людей, Рирз. Займи их делом. Ты же не хочешь, чтобы они начали насилловать чужих жён и молодых девок? И ты сам... Ты был увлечён настолько сильно, что даже я поверил, что ты способен сделать то, на что никого другого не хватило бы – возвести замок за пять-шесть лет. Чуть больше чем за сезон ты проделал огромную работу, но теперь ты словно уснул. Что случилось? Уж дней шесть ты слоняешься без дела.

Да, Герт Невозмутимый был прав. Темпы работы казались Рирзу чересчур низкими, он гнал себя и подданных, не позволяя никому передохнуть и дня. Когда же он понял, что ему даже не о чём писать в отчётах для отца, весь энтузиазм спал и он почувствовал опустошение.

Но Рирза выгодно отличало от законных самоуверенных братьев несколько вещей, важнейшей из которых было умение слушать и понимать услышанное. Да, порой он противился и делал всё по-своему, но советы запоминал и, если его идеи оказывались провальными, делал, как ему подсказывали другие. В этот раз сын Рогора послушал Герта сразу.

Рирз бросил все силы на то, чтобы докопать ров, который висел мёртвым грузом, брошенный незаконченным всего на четверть. Кроме того, он распределил людей и отправил строить дома: жить в шатрах и лачугах, сооружённых из веток, нескольких верёвок и листьев вместо крыши, что разлетались при любом ветре и пропускали воду даже при мел-

ком дожде, всем надоело.

Часть людей всегда была занята охраной и выезжала в патрули по окрестностям, других воинов Рирз отправил помогать рубить и носить деревья, возводить строения, сколачивать мебель и устанавливать частокол. Чтобы никто не возмутился, каждые три дня он менял бойцов, и те, кто строил, возвращались к патрулям и защите, а на их место вставляли их братья по оружию.

Дело пошло быстрее. Прошло два сезона и цикл, или долгих сто девяносто пять дней, с момента прибытия в Новые Земли, и рядом с будущими стенами замка разбили семь площадок, обнесённых частоколом – пять располагались кругом, внутри находилась шестая, а седьмая – чуть поодаль. Все площадки окружал ров, а на самой большой, центральной, где изначально умещался весь лагерь, теперь на месте временных убежищ стояли небольшие домики для будущего Гроссмейстера, рыцарей, советника и лекарей. Только Рирз жил в довольно просторном, пока единственном двухэтажном доме, обнесённом понизу ещё и камнями. У правителя лагеря каменщики выложили камин, в его доме даже были окошки, правда, за неимением нужных материалов, во время дождя и ветра приходилось закрывать их кусками ткани. Этот большой дом, кроме личных покоев – небольшой комнатухи с кроватью, столом и сундуками, занимающих почти весь второй этаж, насчитывал ещё три помещения, одно из которых, на первом этаже, использовалось

как зал советов.

Остальные дома были меньше, но вмещали по несколько семей или десятков воинов. Со временем лорд планировал расселить всех удобнее, чтобы люди не были вынуждены спать в два ряда или спотыкаться о свои пожитки каждый раз, когда перемещаются по жилищу. Посреди каждой из семи частей лагеря Рирз распорядился вбить бревна, устроить крышу и установить постамент – люди всё прибывали, и эта конструкция заменяла обычную городскую площадь. Там же располагались позорный столб и сооружённые совсем недавно деревянные клетки для нарушающих порядок. Только в укреплении, где обитал бастард, на площади стояла ещё и виселица.

Незаконнорождённому сыну Холдбиста пришлось установить её после того, как почти сезон назад, пока люди ещё прибывали, кому-то пришла в голову идея обокрасть своего главаря. Герт, хоть и не любил казни, одобрил начинание – преступника поймали и прилюдно вздернули; всех, кто мог отвлечься от работы, согнали посмотреть, и ещё три цикла тело висело там же в качестве меры устрашения, пока его запах не начал приманивать мелких хищников к лагерям.

Люди поумерили свой пыл и осознали, что Рирза отец отправил не просто так. Его начали воспринимать не как мальчика, что играет в вожака, а как милорда, способного постоять за себя.

Всего одна казнь и громкие предупреждения сработали

отлично, Рирз ликовал – для своих, пусть и небольших, поселений он стал правителем: всё больше людей звали его лордом, что очень льстило бастарду.

Остальные укрепления также понемногу расстраивались, места становилось мало, и небольшой городок расползлся, словно корни дерева, в разные стороны. Старый частокол оставляли, тем самым, с каждой парой-тройкой циклов появлялись один за другим хорошо защищённые центры лагерьей, пробраться в которые становилось всё сложнее.

Ближе к западной части группы укреплений уже начиналось строительство замка. Некоторые его стены, по планам, будут приходиться на скалу, под ними планировали выдолбить усыпальницу для будущих лордов, а выше и чуть в стороне – хранилища и выход к морю на случай осады.

Когда наконец быт был более или менее налажен, пришло время исследовать территорию и поработить местное население для ускорения работы. Коренные жители Новых Земель уже успели нанести несколько визитов захватчикам. В первый раз бастард потерял десятерых, и, что хуже всего, один из них был учеником лекаря, и очень способным; четырёх человек во второй раз и никого – в последующие.

Нападающие оказались такими же людьми, что и всё окружение Рирза. Однако у них было слишком уж простое и неэффективное оружие, а за все встречи сын Рогора не заметил на них и намека на доспехи. Дикари говорили на другом языке и совершали набеги бездумно, без соблюдения строя.

С другой стороны, дикие люди Новых Земель, хоть и были глупыми, казались физически развитыми, что в этой ситуации являлось несомненным плюсом – чтобы носить камни и брёвна, много ума не потребуется.

И вот теперь, спустя три с половиной сезона, как первый корабль с Рирзом на борту причалил к новым берегам, он, будущий лорд какой-либо из Ветвей, обдумывал военный поход с Гертом, сиром Орспом Молчаливым – молодым рыжеволосым рыцарем, что мечтал прославиться и совершить достойный подвиг, лекарем Айдином и тремя командующими, которых бастард сам назначил.

Его подданные уже делали небольшие вылазки, изучали территорию и иногда натыкались на пару-тройку местных. К сожалению, агрессивные глупые люди предпочитали умирать или убегали, и за всё время только десятерых удалось пленить. Сейчас девять работали, а на одном из них Айдин Услужливый, будущий Гроссмейстер, пробовал различные снадобья, чтобы понять, как помочь своему милорду-бастарду добыть людей, не причиняя им серьёзных ранений. Этот десяток дикарей был всего лишь песчинкой, никоим образом не приближающей сына Рогора к мечте.

Но в этот раз он возьмёт с собой достаточно людей, а лекари приготовят свой знаменитый чудодейственный отвар, что усыпит бдительность и затуманит разум дикарей. Айдин неоднократно опробовал его, и теперь оставалось дожидаться, когда для отряда приготовят достаточное количество дроти-

КОВ.

– Не уверен, что это поможет нам. Не навредит ли их малому уму твоё зелье ещё больше, Айдин?

Лекарь, единственный из всех, сидел на скамье. Он понимал, что нужен Рирзу, и за мелкие провинности его никто не накажет. Недаром он метил в Гроссмейстеры, глупцам там ловить нечего, а неуверенные в себе скромники никогда не пробьются к вершинам, сколь талантливы бы они ни были.

– Полно, Герт. Ты никогда не любил новое, твои стариковские методы не помогут нам заполучить дикарей.

– Сколько будет действовать твоё снадобье? – бастард уже с час слушал препирания старых знакомых и хотел перейти к делу.

– Я проверил на пленных – около полутора-двух часов, и ещё с час они остаются вялыми и не способны на подвиги. Худые приходят в себя дольше. Чтобы убедиться, что моё зелье не принесёт вреда, я опробовал его на трёх крестьянах и...

– Но это наши люди! Они могли пострадать! – Герт не был верующим, не боролся за права населения и незаконнорождённый Холдбист не замечал в нём чрезмерного человеколюбия. А вот вражду между своими важнейшими и ценнейшими советниками видел каждый день.

Айдин переплёл пальцы на руках и закатил глаза.

– Они живы и здоровы, Герт. Прекращай. Я обучался лекарскому делу не меньше, чем ты своей дипломатии и ге-

ральдике. Или переживаешь, что тебе не под силу было найти способ помочь милорду и я, как и всегда, более полезен?

Лицо советника и кастеляна побагровело. Рирзу даже показалось, что в помещении стало жарче. Ненависти к лекарям, как к профессии, Герт не испытывал, скорее даже наоборот – благодаря Цитадели многие болезни отступили, больше детей начали переживать первые, самые опасные, годы, меньше матерей заканчивали свою жизнь родами, да и пожилые люди стали умирать в среднем на несколько лет позже.

Но Айдина Герт ненавидел, и тот отвечал взаимностью.

Рирз помнил, что слышал от своего советника, уже очень давно, историю их вражды – в своё время они оба жили на севере и служили ещё отцу Рогора, лорду Райсу Холдбисту. Молодые подданные правителя были влюблены в одну девушку – дочь командующего стражей – и вели настоящую борьбу за её сердце. Дева предпочла отправиться вместе с Айдином, когда того согласились принять в Цитадель для дальнейшего обучения. Через несколько лет, во время эпидемии потного недуга, девушка вновь последовала за ним и погибла.

Герт считал, что в её смерти повинен лишь Айдин, он не уберёт её и оказал помощь сначала всем высокородным людям, в то время как его избранница не смогла дождаться от возлюбленного лечения. Отношения советника и лекаря, и без того совсем не тёплые, разладились окончательно. Но на

этом история не заканчивается.

Эпидемия дошла и до севера, Айдина и его братьев-лекарей отправили к Холдбистам, где ученик Цитадели вновь попытался отбить у Герта возлюбленную – нынешнюю жену советника. Дева предпочла весёлому, эгоистичному и надменному врачу уравновешенного и надежного учителя маленьких северных лордов, тем самым вызвав ещё больший раздор. Сейчас у Герта и его заботливой жены Эризы, чьи руки помогали латать Рирзу одежды и обрабатывать его ссадины и синяки, уже родились внуки. Супруга советника осталась в Ферстленде, она помогала своим дочерям и невесткам с детишками, но собиралась приехать в Новые Земли, как только лорд-правитель позволит ей.

– Я лишь не хочу надеяться на чудо, ведь неизвестно, срабатывает ли твой отвар!

– Отвар? – Ущемлённая гордость заставила лекаря вскочить на ноги. – Отвар?! – Он опёрся руками о стол, и его суставы тихо хрустнули. – Отвары готовят недоучки да повитухи, а моё снадобье...

– Довольно! – Рирз повысил тон и махнул руками. Когда оба спорщика посмотрели на него, он вернулся к привычному голосу. – Не стоит устраивать ссор, уважаемые. Я ценю вас обоих, ваши советы помогают мне, пусть у вас и разный подход. У нас есть потребность в местных жителях, вы согласны со мной? – Вместо ответа он получил кивки, даже молчаливый рыцарь закивал, хоть говорили и не с ним. –

Прекрасно. Герт, пока мы не придумаем другого способа, мы опробуем этот. Если что-то пойдёт не так, то мы откажемся от снадобья Айдина. В конце концов, уверен, здесь живёт много дикарей. Ты не возражаешь?

– Нет, милорд.

– Айдин, Герт не очень хорош в медицине, но это его единственный недостаток. Надеюсь, ты простишь ему небольшую оговорку? Уверен, слово «отвар» ему куда привычнее.

– Разумеется, прощу, милорд.

– Мы просим прощения за... это всё, милорд. – Герт встал на колени и склонил голову, Айдин же ограничился небольшим поклоном.

– А теперь вернёмся к обсуждению.

– Сколько времени нужно, чтобы снадобье подействовало?

– От одной до пяти минут. Если попадёт очень мало, придётся ждать дольше.

– Что ж, значит, будем обстреливать, а затем сдерживать их нападки. Не самый лучший...

– Милорд! Милорд!

Сын Рогора попросил подождать и выглянул на улицу.

Двое из десятка рыбаков, что он отправил на озеро, размахивая руками, бежали к двухэтажному дому и звали его.

Минуло только восемь дней, как они стали осваивать речку и озерцо в полумиле от замка. На территории, где стоял

лагерь, располагалось своё озеро, а между ним и ещё двумя поселениями протекала речушка. У нового озера было вполне безопасно, за всё время из тех, кто мог навредить, объявились двое озлобленных пушных зверьков, которые украли у перепуганных рыбаков больших рыбин и скрылись в неизвестном направлении.

Что могло произойти, пока они забирали сети и ставили новые?

– На вас напали?

– Нет... Нет. Милорд! Пойдёмте с нами, милорд!

– Милорд, мы наловили этакое! Тама оно лежит, ругается не по-нашенски. Злющее!

– А цветами оно як небо! Голубое-голубое! И кусается! Нева за палец как хватануло!

– Дык он сам дубина, Нев-то, совает хваталки свои куды не надобно...

В этот день его окружали лишь болтуны и спорщики. Рирз очень хотел столкнуть их лбами, но только скомандовал:

– Ведите меня!

Когда Рирз подошёл, то не поверил своим глазам – в сетях билось нечто, более всего напоминающее человека. Разглядеть подробнее не представлялось возможным – глупые простолюдины додумались вбить в землю кол, пригвоздив им сеть, и разбежались в стороны.

Старший из сыновей Рогора поднял с земли палку, приблизился и опустился на корточки на расстоянии вытянутой

руки. Существо издавало странные звуки, похожие на шипение, крик морских птиц и цоканье. И оно явно громко ругалось и повизгивало. Сети оплели руки и ноги этого создания, и, вероятно, пока оно пыталось выбраться, чудище самостоятельно запеленало себя в кокон.

Рирз протянул руку и чуть толкнул палкой ворочающийся клубок. Наконец, все жуткие звуки затихли, в сети стало спокойно. Существо изучающе смотрело на Рирза, а Рирз – на него.

– Это человек!

Любопытные крестьяне подступили ближе и, как им казалось, перешептывались. Но очень уж громко.

– Погляди-ка, прям як мы.

– Та не, руки-ноги да, а мордень ж какая.

– Зубы! Смотри. Как цапанет, и усе!

– Позовите ко мне шестерых воинов, двух рыцарей, Герта и Айдина. А после отправляйтесь ставить сети. В том же месте, рядом, сколько есть свободных. – Рирз даже не смотрел на рыбаков, его взгляд притягивало нечто.

Впрочем, простолюдины были правы – существо было если не человеком, то чем-то похожим на него. Почти такое же, как и у бастарда, человеческое лицо смотрело на Рирза, у существа были такие же руки, такие же ноги, было сложно рассмотреть тело, но, кажется, оно тоже ничем не отличалось.

Кожа голубая, а пальцы, насколько он мог видеть,

несколько длиннее, чем у всех, кого он встречал за свою жизнь.

Рассмотреть получше получилось лишь после того, как подоспели храбрые воины и рыцари. Айдина и Герта настойчиво попросили постоять подальше.

Больше часа пришлось потратить на то, чтобы выпутать существо, связать его и увести в необжитый лагерь. Ещё около часа связанное создание вынужденно терпело внимательный изучающий взгляд лекаря.

В тот же лагерь унесли клетку, в которую и поместили синекожее нечто, на всякий случай его привязали ещё и к нескольким брёвнам частокола.

– Я ещё не встречал такого. И никто не писал об этих существах раньше, – у будущего Гроссмейстера горели глаза – новое, неизученное, возможно полезное или опасное привлекало жадного до знаний лекаря. – И Гроссмейстеры Новых Земель не присылали в Цитадель никаких заметок.

– Это человек. Да, у него странная кожа, непривычные пальцы, нос плосковат, а глаза выглядят очень уж большими, но это человек. И, кажется, он разумен.

– И, как мы успели убедиться, кожа его покрыта какой-то слизью. Хочется верить, что она не опасна. – Айдин всё не мог оторваться от объекта для изучений, и Рирз понимал его. Только необходимость поддерживать свою репутацию и быть примером для народа не позволяли ему как лекарю вертеться вокруг клетки.

– И если здесь люди не отличаются от нас с вами, то, по всем признакам, это мужская особь. Где же такая водится, милорд?

– Рыбаки принесли с озера. Эта особь запуталась в сетях. Что ещё ты можешь сказать?

– Мне нужно время.

– Мне не нравится, что на моей земле есть существа, про которых мы не знаем ровным счётом ничего. В первую очередь, я хочу знать, как можно спастись от таких тварей, если их войско придёт к нам.

– Его выловили из воды, верно, милорд? Может быть, если он живёт в воде, то боится чего-то противоположного?

– Дайте мне факел.

Для Рирза принесли факелы и подожгли один из них – вполне достаточно, чтобы проверить, как существо воспримет огонь.

Бастард Холдбист ещё не успел подойти ближе чем на три шага, как существо взвизгнуло, попыталось отстраниться, вжимаясь в решётки подальше от огня, и закрылось руками.

– Здесь всегда должны дежурить люди. По трое. К нему, – бастард кивнул на клетку, – не подходить, его не пугать, кормить и поить три раза в сутки.

– Уденс-с!

Пленённый мужчина подал голос, и Рирз с Айдином тут же обернулись к синекожему, а Герт, что присутствовал

здесь всё время, нахмурился. Оно и понятно – убедиться, что рядом есть кто-то, кого ты не заметил почти за год, и он почему-то сидел в воде, это одно, а вот понять, что он разумен и умеет говорить, а не только кричать и шипеть – совершенно другое.

– Может, его убить?

Айдин Услужливый вскинул руки.

– Убить совсем отличного от нас человека, разумного и необычного? Ты, Герт, совсем уже старик, раз начал терять рассудок!

– Это человечнее, чем отдать его тебе на опыты.

– Может, и твой разум мне следует изучить? Ты вечно лишь ворчишь и боишься – не понимаю, зачем тебя сюда отправили.

– Не тебе решать, где моё место, Айдин. Ты, хочу заметить, до сих пор обычный лекарь, а с таким нравом Гроссмейстером никогда и не станешь.

– Вы меня утомили за сегодня. Герт, нам необходимо изучить этого синекожего дикаря – если есть один, могут быть и другие. Я желаю обезопасить своих людей. Пойдём со мной, пусть Айдин делает свою работу.

– Для него это не работа, а развлечение! Милорд, он хочет изучить исключительно из своего любопытства, а не ради науки.

Бастард размышлял, какой же повод придумать, чтобы присоединиться к лекарю.

– Нам нужно усилить охрану.

Вихт

Во Фридомхелле, столице земель Вайткроу, всё было тихо, размеренно и спокойно. Люди занимались своими делами. Одни из вассалов лорда, Ветвь Фривей, готовились к празднованию союза младшего сына и леди из Малой Ветви Соутфлуит. На это мероприятие, по традиции, должны были приехать лорды всех южных Ветвей и лорд-правитель, чтобы высказать своё одобрение и преподнести подарки новой семье.

Так сложилось, что среди всех подарков не последнее место занимали бочонки с вином; ягоды и фрукты, часть которых и вовсе росла лишь здесь, помогали южанам вести выгодную торговлю с другими Династиями и не переживать об обеспечении своих людей всем необходимым. Даже в зимний сезон в этих землях было достаточно тепло, в отличие от северных земель, смерть от холода не грозила крестьянам, а разнообразие рек и озёр, тех, что появились сами по себе уже много столетий назад, и тех, что были созданы руками южан, позволяло не переживать о летних циклах без дождя.

Кроме того, у Вайткроу традиционно проводились балы, ужины и два главных праздника – Праздник Солнца, приходящийся на конец подготовки и засева полей, и Праздник Холода, перед которым собирался весь урожай. Дважды в год, во время празднований, вокруг основных замков вся

земля покрывалась походными шатрами, даже лорды и леди из владений Холдбистов, несмотря на переход продолжительностью в три с небольшим цикла, являлись обычно почти полным составом.

Лорды Вайткроу и их вассалы отличались не только приятной внешностью, но и талантами в музыкальной сфере. В тёплых землях всегда останавливались менестрели и трюкачи, и местные мастера стали лучшими в создании музыкальных инструментов. Не любящие войну южане почти не имели достойных кузнецов – да и тех обычно переманивали у Холдбистов – и потому были вынуждены научиться грамотно торговать.

На каждый праздник лорды других Династий преподносили в дар правителю Вайткроу и его детям оружие и доспехи, вероятно, в качестве демонстрации своих товаров.

Удивительно красивое утро началось с послания, текст которого превратил медленное и вялотекущее пробуждение лорда Вайткроу в стремительное.

– Милорд?

Кажется, к нему обращались несколько раз, прежде чем он оторвался от кусочка папируса и поднял голову.

– Милорд, что-то случилось?

Вихт понял, что удивление отразилось на его лице куда более значительно, чем ему хотелось бы. Его будущая жена, леди Фейг Форест, встревоженно смотрела на него.

Парочка сидела напротив друг друга за столом на улице,

под навесом, что защищал их от солнца и нападков птиц-попрошак, обитающих во Фридомхелле в невероятных количествах.

Миловидная темноволосая и кудрявая собеседница отодвинула от себя все блюда. Лорд Вихт обозвал себя глупцом, ведь он перепугал юную леди!

– Миледи Фейг, всё... Всё хорошо. Прекрасно! – Лорд Вайткроу видел, как уголки её рта опустились вниз, а грудь, ещё не перетянутая корсетом, начала часто вздыматься. – Нет-нет, не надо столь сильно переживать! Я был очень удивлён посланием, но исключительно с хорошей стороны!

Вихт протянул руку вперёд, пришлось отодвинуть графин и блюдо с рыбой – они мешали ему, – и леди Форест протянула свою маленькую ручку ему навстречу. Их пальцы соприкоснулись, и юноша улыбнулся.

Он знал её с самого рождения. Когда Фейг исполнился год, она впервые побывала у него в гостях; да, она сама этого не помнила, но Вихту было шесть – тогда он уже был достаточно взрослым и прилежно учился. Он знал, что Фейг Форест в будущем должна будет стать его женой – так сговорились их семьи. В тот день он даже взял её на руки и весело кричал, что это его невеста. Лорд Вайткроу помнил, что бежал к дядям и тётям, что явились на ужин, указывал в сторону годовалой девочки и обещал, что будет защищать её ото всех, как и положено мужу-лорду.

После этого они виделись ещё больше десятка раз, а три

года назад, когда Вихт наконец, не в силах забыть хвостовство других лордов его возраста, что уже как минимум единожды выступали на ристалище, изъявил желание также принять участие в турнире, он отправил послание Фейг, где рассказал о принятом решении, и она убедила своё семейство оправиться посмотреть на лорда Вайткроу и поддержать его. На турнире Вихт справился не так хорошо, как хотел, – всего в четвёртом состязании незаконнорождённый сын Ветви Голдрэт, желающий прославиться как рыцарь, выбил его из седла.

О, в свои семнадцать лет он смотрел на то поражение куда спокойнее, но тогда ему казалось, что большего позора испытать невозможно. Вихт помнил, как у него выступили слёзы обиды, он не хотел вставать и ударил землю тяжёлой перчаткой. Вокруг кричали люди, поднялся шум, который был странен для привычного исхода – кто-то кого-то побеждает, зрители или разочаровано кричат, или улюлюкают от радости в честь победителя, но гам быстро утихал.

Лорд знал, что всё обошлось хорошо, никто из участников, по крайней мере на момент падения Вихта, ранен не был. Но что же тогда за гвалт?

Вайткроу начал подниматься и увидел через узкую щель в шлеме, как через ристалище, от скамей, где сидели Форесты, к нему бежит юная леди Фейг. А вслед за его будущей женой бежали её стражники, служанки и уже стареющая придворная леди Малой Ветви, исполняющая роль няньки.

Да, тогда его поражение оказалось наименьшей из проблем – их ругали оба лорда, громко, с чувством, а Райан Форест от переизбытка эмоций даже хотел было шлёпнуть свою дочь. Вихт вмешался и не позволил обижать невесту, и будущую супружескую пару лишь развезли по домам, где воспитание продолжилось.

Немногим менее года назад, когда Гийер Вайткроу, отец Вихта, получивший травму на охоте, умер от нагноения раны, а управление землями Династии перешло молодому наследнику, Вихт предложил Фейг, поскольку ей и так рано или поздно придётся переселиться в новый дом, отправиться жить к нему. Форесты, у которых было желание завести ещё детей, но была беда со здоровьем – Гийер Вайткроу когда-то рассказывал сыну об этом и советовал Династии Форестов хороших врачей, – выразили своё одобрение и с удовольствием отправили дочь в ещё более тёплые и не менее урожайные владения.

Родители Фейг не боялись, что дочери придётся скучать, и были правы. Вайткроу отличались от других Династий и Ветвей, даже их девиз «Своим путём» и герб, изображающий взлетающую бело-серую хищную птицу с поднятыми вверх крыльями на зелёном фоне, говорили о том, что они не любят вести себя как другие. Но вовсе не потому, что им нравилось лишнее внимание, нет, Вайткроу имели своё мнение, свой порядок, свои предпочтения в образе жизни.

Они всегда любили искусство во всех его проявлениях.

Многочисленные художники и скульпторы, певцы и шуты, жонглеры и фокусники – досугу этой Династии завидовал даже Его Величество. И юной леди Форест понравился новый дом.

Вихт гордился своим родом. Не было ещё ни одного грандиозного торжества за последние две сотни лет, что устраивал его род и куда бы ни приехали представители хотя бы шести Великих Династий из оставшихся восьми, а на выступления музыкантов и ловкачей, даже когда лорды были заняты, всегда являлись их дети, сёстры и жёны.

Сами лорды и леди Вайткроу также нередко были одарены и прекрасно справлялись с музыкальными инструментами, собственными голосами, красками и кистями, или могли слепить из глины, или вырезать из дерева нечто удивительное.

К нежелающим воевать ради крови и захвата больших территорий Вайткроу Династия Форестов без страха отпустила свою дочь. Разумеется, все прекрасно знали, что пусть род Вихта и не прославился на турнирах, но все поколения любителей искусства умели постоять за себя и не терпели поражения в войнах, где им, по воле судьбы, всё же приходилось участвовать.

– Вам прислал письмо кто-то, от кого вы не ожидали получить весть?

– О да! – Юноша погладил руку невесты большим пальцем и отпустил ладошку. – Нас почтут своим вниманием мои не

очень дальние родственники... Фейг, милая, поешьте пожалуйста, вы так ни к чему и не притронулись! Ваш отец решит, что я морю вас голодом, и лишит меня вашего общества! – Леди Форест не была полной, но и не отличалась худобой, являя собой полную противоположность родителям.

Райан Форест был человеком крайне крупным, высоким, массивным и волосатым – Вихт в детстве поражался, как у человека волосы могут расти столь сильно, что его руки в шутку между собой называли покрытыми звериной шкурой. В жёны он себе избрал – разумеется, не без помощи родителей – крепкую, высокую и почти такую же широкоплечую леди из Династии Бладсвордов. Как и свойственно для её рода, леди Кейдс умела обращаться с оружием, славилась выносливостью и казалась очень сильной женщиной. Пара Форестов смотрелась гармонично, была всегда запоминающейся и довела народ своим внешним видом до того, что люди начали вспоминать легенды, связанные с Династией.

У лорда Вайткроу были прекрасные учителя, а у его отца очень знающие помощники, и, когда маленький лорд хотел послушать интересные истории и старые предания про Первых, от которых, как считалось, пошли все Династии, ему не отказывали. Про Форестов ему было интересно более всего, ведь он надеялся таким образом узнать про будущую жену. Конечно, теперь он понимал, эти глупости не имеют никакого отношения к Фейг, но тогда...

Ему рассказывали, что первый из Форестов был высоким,

могучим, словно массивный ствол дерева. Его тело покрывала короткая шерсть, а на лице проглядывались звериные черты, а все животные, и рыбы, и птицы, и даже маленькие насекомые слушались его и были его глазами и ушами. Высший, что создал Династию Форестов, отличался обонянием волка, его глаза были лучше, чем у хищных птиц, а уши улавливали даже передвижение песчинки.

Но Первый из Форестов был одинок, он бегал по лесам, лишь верные звери служили ему, и, когда он видел, как они собираются в пары и дают жизнь потомству, он грустил. В мире не было другого такого, и он взмолился Богам. Те или не услышали молитв, или не захотели их услышать, и тогда у могучего дуба Первый один мощным рывком разорвал себя на две половины. И Боги сжалились.

Из одной половины Фореста возродился он сам, а из другой – женщина ему под стать. В благодарность и в память об этом событии первый из Династии рядом с дубом, под которым он разорвал себя, посадил ещё один. К тому моменту, как тот вырос, у пары родилось дитя, и это событие было отмечено посадкой третьего дуба.

Сила основателя Форестов уменьшалась, когда он был один, ведь сначала она поделилась надвое, а после на три части. Но стоило семейству воссоединиться, как они обретали ещё большее могущество, чем ранее. Боги пожалели зверолода и предложили вернуть ему былые способности, но, благодарный за окончившееся одиночество, тот отказался и

сказал: «Наша сила – семья».

Эти слова стали девизом Династии. На их гербе, на сиреневом поле, раскинулись три дуба, что переплетались меж собой корнями. А в дань памяти в день рождения каждого ребёнка до сих пор сажают дуб.

Те, кто верили в эти легенды, считали, что до сих пор лорды-правители Династии могут попросить зверей и растения о помощи. Быть может, в чём-то слухи правдивы, ведь у Форестов всегда достаточно пропитания, а их лошади и псы считаются лучшими в Ферстленде.

Может, именно из-за своих внушительных размеров Райан Форест всегда говорил, что Фейг слишком худая и невысокая, и какое-то время был убеждён, что она больна. А Вихт был очарован и благодарил всех Богов, что милая леди – такая, какая есть, – каким-то образом всё же получилась у двух родителей-здоровяков.

– Я не могу допустить, чтобы мой папёнька обвинял вас! – Леди успокоилась, повеселела и взялась за завтрак в полную силу. – Но теперь вы ничего не желаете есть.

– Не ругайте меня, миледи, я непременно исправлюсь! Налить вам вина?

– Только немного.

Фейг уже была достаточно взрослой, чтобы ей позволялся бокал-другой. Вино с юга отличалось сладостью и нравилось девушке, а Вихт изо всех сил старался угодить.

– Леди Либби возвращается из Новых Земель? Мне пока-

залось, послание пахнет, как она...

Любительница рисования и воды, в которую бедные слуги вынужденно бросали по мешку сине-белых старфловенигов, тётушка Вихта отказалась от привычной доли леди, не вышла замуж, а отправилась в Новые Земли уже очень давно. А если верить слухам, то вместе с одним красивым рыцарем. Кажется, ей тогда было шестнадцать, а значит, с тех пор прошло уже девять лет.

Но раньше, раз в год, на именины своего племянника она возвращалась домой на пару циклов, а дважды оставалась на целый сезон. Тётушка рассказывала интересные истории, привозила свои картины и красивые безделушки, в замке вновь всюду стоял запах старфловенигов, а гости неодобрительно качали головами, разглядывая перепачканные красками руки и рукава леди Либби.

Сестра Гийера, как и сам Вихт, выглядела, как почти любой представитель их рода. Все кровные члены их семьи обладали волосами цвета золота, голубыми глазами, правильными и мягкими чертами лица, отменными фигурами и источали изящество и грацию. Неудивительно, что мужчины этого семейства частенько влипали в неприятные ситуации, очаровывая дев и получая за это от их отцов, мужей и братьев или от своих собственных жён.

Женщин этой Династии многие считали ведьмами, ведь даже ближе к преклонному возрасту они выглядели более чем достойно. Историю про то, как около сотни с небольшим

лет назад молодой король встретил на балу старшую сестру лорда Вайткроу, полюбил её без памяти и похитил, Вихт слышал множество раз. Новая избранница короля оказалась старше него на десять лет, а его молодой жены и вовсе на тринадцать. Однако это не помешало правителю обвинить свою супругу в измене короне, отправить на виселицу, избавиться от супруга леди Вайткроу и взять себе новую красавицу-жену. Кажется, после этого началась война, но непродолжительная, и мудрый советник Его Величества нашёл способ уладить конфликт.

Тётушка Либби однажды сказала, что все эти истории правдивы, но беда всех других леди лишь в том, что они не умеют следить за собой. Вихт был уверен – её общество очень помогло бы Фейг, а её советы облегчили бы жизнь будущим супругам.

Но, к сожалению, она не приплывала уже два года, а её и до того редкие послания – она всегда говорила, что не любит писать, – и вовсе почти прекратились в последние два сезона.

– Нет, милая Фейг... И нет, и да. – Вихт и сам заметил запах, ему было интересно, сколько же цветов в покоях тётушки Либби, если и через так много дней их аромат не выветрился? – Письмо и правда прислала тётушка, но придет не она. Фейг, у дяди моего отца, оказывается, была жена. Я не имел удовольствия познакомиться с ним и, к моему сожалению, совсем не интересовался его судьбой... У лорда Тхага

родилось трое детей, и они скоро придут к нам.

– Воссоединение с семьёй всегда столь волнительно! Как вы, милорд?

– Боюсь, что не смогу дать вам верного ответа. Я всё ещё озадачен.

– Мы должны подготовить пир в их честь.

– Не стоит, это сейчас неуместно. Не обижайтесь, моя леди. Тётушка Либби написала, что они сами захотели познакомиться со мной. Однако они родились в Новых Землях и никогда ранее не покидали их. Ферстленд будет для них непривычным, и мы должны помочь им освоиться.

– Пожалуй, вы правы, пир и множество гостей могут смутить вашу родню.

– Уверен, что мы сможем отпраздновать их прибытие в тесном кругу, а после, когда они привыкнут к местным традициям и не будут пугаться, мы устроим для них большой праздник.

– Это было бы прекрасно! Милорд, я счастлива, что вам пришли хорошие новости. И рада прибытию ваших близких. Я бы очень хотела помочь вам!

– Ох, моя милая леди Фейг, вы очаровательны! – Он чувствовал в своей руке ручку невесты, и это делало его счастливым. – Уверен, вы понравитесь друг другу.

Рорри

– Полно, милорды! Сядьте, наконец, и мы продолжим урок истории, – седеющий мужчина в очередной раз постукал книгой по скамье, на которой полагалось сидеть лорду Дримленсу.

Но Рорри не хотел учиться. Он был весел, ему нравилось бегать и драться с младшим из сыновей лорда Экрога Редгласса, в чьём замке он прятался от расправы. Хэг Редгласс и наследник Дримленсов уже порядком утомили своим непослушанием и выходками всех наставников, лишь Сэзмул, что обучал истории и геральдике, всегда оставался спокойным и не повышал голоса.

– Но это очень скучно! – Юный лорд кривлялся. Его друг Хэг, что был старше его на три года, вёл себя соответствующе скорее новому приятелю, нежели своему возрасту.

– Раз уж я не могу справиться с вами, мне стоит поручить ваше обучение милорду Редглассу, я полагаю.

Угроза позвать Экрога подействовала на мальчишек отрезвляюще, и они оба заняли свои места. Хозяин этих земель никогда не поднимал руку на сыновей или дочь, тем более он ни разу не посмел ударить Рорри или прикрикнуть на него. Лорд Дримленс был благодарен лорду Редглассу, он привязался к спасителю и воспринимал его как доброго и заботливого дядюшку. После кончины Уоррка ему было очень

одинок и страшно, и добрый хозяин замка принял его как собственного сына, одарил вниманием, заботился и, как у него появлялось свободное время, рассказывал интересные и жизненные истории или учил вести себя в обществе и быть обольстительным.

Рорри, хоть ему всего одиннадцать, не слепец и не дурак. Он видел, что вокруг его доброго названного дядюшки вертятся женщины, мужчины, старики и юноши. Лорд Редгласс умел производить впечатление, с ним было интересно поговорить, не было утомительным молчать, и он всегда знал, что надо сказать или сделать.

Наследник Дримленсов восхищался своим новым наставником-лордом. И был ему бесконечно благодарен. Воспоминания о той страшной ночи, когда на него напали, когда его избили и хотели сделать ещё нечто, куда более страшное – Хэг рассказал, что с ним могли сотворить, повторялись в кошмарах первые циклы. Каждый раз, когда мальчишка засыпал, он просыпался от собственного крика.

Лорд Экрог, а ему обо всём доносили сразу же, приказал принести в его покои кровать Рорри и разрешил тому спать в одном помещении с ним. Поначалу он не задувал всех свечей, оставляя несколько гореть, чтобы темнота не пугала мальчишку ещё больше. Благодарности не было предела, ведь спустя всего цикл лорд Дримленс успокоился и смог обходиться без защитника. Через ещё цикл он вернулся в свои покои, и теперь кошмары лишь иногда посещали его.

Со временем воспоминания никуда не делись, но, кажется, слегка поблёкли, поистерлись, они перестали быть выразительными, и лорд Дримленс осознал, что начинает забывать лица Уоррка и всех тех, с кем проводил своё детство. Конечно, если он увидит их портреты, то непременно поймёт, где кто, но описать их теперь мог бы навряд ли, да и сколько бы он ни старался воспроизвести лицо своего советника в памяти, у него ничего не получалось. Так же случилось ранее с его матерью и отцом – время стёрло их лица, и остались только образы и тёплые воспоминания.

Но теперь, лишённый до этого общения со сверстниками из лордов и леди, Рорри наконец смог всё восполнить. Он и здесь умудрялся быстро найти себе друзей среди придворных и прислуги, и если против первых Экрог Редгласс не возражал, то приятельские отношения со вторыми ввергали его в ужас.

Не одна беседа была проведена, не один раз глава Династии пытался объяснить своему воспитаннику, что это недостойно лорда. Рорри согласно кивал, опускал голову и вновь приятельствовал с сыновьями и дочерьями кухарок, конюхов, лесорубов, мясников и кузнецов.

Однако теперь он куда больше времени проводил с младшим Редглассом. Юноша Хэг помогал ему, обучался вместе с ним. Лорд Дримленс узнал, что тот куда менее образован, хоть ему уже почти пятнадцать. Зато младший сын Экрога уже имел опыт с девами и хвалился этим при любом удобном

случае. Хэг боялся своего отца, при нём он вёл себя скромно, достойно и выполнял всё, что ему говорили, но стоило правителю Династии отвернуться или, того хуже, уехать, как Хэга словно подменяли и он творил всё, что ему вздумается.

В то время как Рорри полюбился всем обитателям замка от лордов до самой ворчливой прачки с мерзким характером, младшего лорда Редгласса боялись и ненавидели. Наследник Дримленсов пытался всё объяснить, старался сделать своего приятеля лучше и верил, что сможет, но пока все старания были напрасными. Младший сын правителя порой приходил на душевнобольного, а его поступки ужасали. Однажды Дримленс даже подумал, что Экрогу пора отправлять Хэга на Остров, чтобы ему помогали лекари.

Кроме того, Рорри узнал и двух других детей дядюшки Экрога – его прекрасную, грубую и весёлую, всё ещё незамужнюю девятнадцатилетнюю дочь Хельгу и наследника земель Харга. Хельга отказалась выходить замуж, отвергала всех женихов, а служанки рассказали, что нескольких избранных отца и вовсе побила. Правда, пару раз лорд Дримленс видел леди в объятиях командующего её стражей. Может быть, они не просто обнимались, лорд не захотел стоять и шпионить и удалился со всей возможной скоростью раньше, чем его заметили.

Хельга отпускала едкие замечания и не боялась высказывать своё мнение, но Рорри она нравилась. Леди Редгласс очень походила на его мать, даже внешне, и относилась

к воспитаннику отца с сестринской любовью. Когда юный лорд Дримленс не хотел никого слушать, а желал веселиться, Хельга не ругала его, она смеялась и поощряла проявление характера. Во время тренировок с оружием леди Редгласс проявляла усердие и талант, и хоть Экрог Редгласс и смотрел на дочь с укором, ни разу не высказал ничего против.

Старший же сын и наследник Харг Редгласс оказался очень красивым, высоким, добрым и заботливым юношей. Но, к сожалению его отца, он не питал страсти к насилию; его владение оружием было на уровне, но стоило ему выйти против кого-то, кроме рыцаря-наставника, как он терялся и отказывался причинять вред. Да, он был трусом и слабаком – ведь даже Рорри отправлялся на охоту и с радостью стрелял, хоть и постоянно промахивался, а он... Вместо упражнений с оружием и охоты Харг предпочитал обучаться танцам и музыке и проводить время со своим близким другом Акзом – перспективным воином и очень неприятным человеком. Рорри не понимал, что в жадном, злом, необщительном мужчине мог разглядеть лорд. Должно быть, было то, что не видел больше никто, иначе зачем тратить на воина, пусть и талантливого, всё своё время?

Экрог Редгласс любил своих детей, и лорд Дримленс чувствовал, что хозяин замка и его тоже успел полюбить. Однажды Рорри даже взял на себя смелость и заявил, что, когда вырастет и будет править своими землями, он заключит союз с Экрогом и они будут дружить и ездить друг к другу в гости.

Лорд Редгласс тогда улыбался и выглядел очень счастливым.

– А это правда, что рассказывают про мою Династию? – Рорри устал зевать, слушая о битвах и полководцах, что были ещё задолго до его рождения и даже до рождения его отца.

– Милорд Дримленс, я не понимаю, что именно вы имеете в виду.

– Мне рассказывали, что моя Династия не просто так выбрала себе девиз и герб. Дядюшка Уоррк знал одну красивую легенду – Династия Дримленс произошла, как и другие, от Первых. Её основоположник был бесстрашным, он ничего и никого не боялся, он делал только то, что хотел. Он мог бы плохо кончить, его жена боялась потерять мужа и что он навлечёт беду на всю семью. Ей надоело зашивать его раны и спасать от врагов сыновей, и тогда она начала молиться Богам, она стояла на коленях у алтарей много дней и ночей, не ела и не пила, и так до тех пор, пока силы не покинули её. За принесённую им жертву Боги смилостивились и одарили Первого особым даром – он поворачивал время вспять и мог вновь прожить свой день. Ой, или он видел то, что должно случиться? Я не помню, как было... Раньше он мог только предупреждать всех о приближении врагов – его голос долетал на любые расстояния до тех, до кого он хотел, и он слышал их ответ. Это спасало ему жизнь не один раз.

И вот Первый из Дримленсов, хоть и мог настроить против себя всех и был не очень хорошим и добрым, но прожил долгую жизнь – он переживал одно и то же событие, мог

высказать всё, что думает, и посмотреть, к чему это приведёт, затем ещё раз и ещё раз, он мог просмотреть всю свою жизнь до смерти, почувствовать её дыхание, умереть и снова вернуться к какому-то моменту. Дядюшка Уоррк говорил, что первый Дримленс был бессмертным, он мог возрождаться без конца и потому он выбрал девизом «Сгорать и возрождаться!», но после сотни прожитых жизней, когда другие не успели прожить и сезона, он тронулся умом и, оставив своих наследников одних, убил себя. Правда, другие говорят, что он не умер и является во снах ко всем правителям Династии и предупреждает их об опасностях. Но Уоррк и отец говорили, что именно поэтому наш герб – это золотой змей, который ест собственный хвост. Это и способность жить вечно, и кара за эту способность.

Хэг смотрел на него, приоткрыв рот, и, на удивление, не перебивал в процессе рассказа.

– Ого! – Рорри только обрадовался, что его приятель с интересом слушал легенду Дримленсов, как младший из Редглассов засмеялся в голос. – Ты до сих пор веришь в сказки! Смотреть в будущее и знать всё заранее, ох, Рорри, вот ты ребёнок! Тебе это надо было рассказать моему недотёпе-братцу, он столь же глуп и верит во все эти рассказы!

– Я не глупый! Дядюшка Уоррк рассказывал мне легенды и про другие дома! Он говорил, что их придумали не просто так и...

– И после смерти мы превратимся в розы, да? – Хэг хохотил.

тал и очень невоспитанно указывал пальцем на своего приятеля. – Ты такой глупый!

– Я не глупый!

– Милорд Редгласс, прекратите сейчас же! Милорд Дримленс, сядьте на место!

– Глупый! Глупый! Маленький мальчик, который верит в сказки! Да тебе не тренироваться во владении оружием надо, а за юбки нянек прятаться!

Хэг продолжал смеяться и тыкать в Рорри пальцем.

– Юные лорды, сейчас же прекратите это безобразие и вернитесь на свои места!

– Это правда! Я не вру, это настоящая легенда! И в ней есть правда! И про твою Династию тоже рассказывают...

– Я скажу отцу, что тебя надо укладывать с малышкой!

Слёзы подступили к глазам. Рорри, чтобы не расплакаться прямо перед Хэгом, не желая вызвать ещё череду смеха и гадких замечаний, выскочил из помещения и понёсся по ступеням башни вниз.

– Рорри! – Сэзмун выскочил вслед за ним в дверь, но не успел схватить. – Рорри. Милорд Дримленс, прошу вас, вернитесь!

Но лорд Дримленс не собирался возвращаться. Он сбежал по лестнице, выбежал во внутренний двор, распугал малышей и кур, что гуляли там, пока чистили курятники, и забежал в первую попавшуюся дверь. Кажется, он сбил с ног служанку.

Рорри долго плутал по замку, пока наконец не услышал голос доброго лорда Экрога. Тот сидел у камина, из дверей не было видно, один он или нет.

– Я устал ждать, пока они сделают хоть что-то. Прошло уж полгода, а они только обмениваются любезностями. Право, сколько можно нападать на крестьян и посылать глупые угрозы?

– Вы хотите подтолкнуть их, милорд? – Голос был знакомым. Кажется, это был тот воин, что спас лорда Дримленса и привёз сюда – Ниллс.

– Да, мой верный друг. Хотелось бы добиться результата, пока я ещё не поседел, не обрюзг и способен самостоятельно передвигаться и радоваться собственным успехам.

– Вы выглядите очень бодро, милорд. Но если вы желаете ускорить... Вы ведь позвали меня не просто так. Желаете, чтобы я придумал что-то?

– Нет. Я ещё хорошо соображаю, и я всё спланировал, а ты выполнишь то, что я тебе скажу. Только тебе я могу довериться, ты ещё ни разу не подводил меня. Ты ведь знаешь, что я уважаю и ценю тебя более, чем любого из моих вассалов?

– Милорд.

Рорри услышал шорох, какие-то глухие звуки. Когда он выглянул, то увидел, что кто-то встал на колени перед Экрогом.

– Встань, мой друг. И послушай меня... Мне нужно, что-

бы ты отобрал три-четыре десятка бойцов. Сделайте знаки отличия Династии Флейм и отправляйтесь на Восточный путь. Через две недели устраивается званый ужин у Вайткроу, уверен, что жена лорда Глейгрима будет там. Я слышал, должны будут проводиться состязания менестрелей, а значит, ни одна уважающая себя леди и ни одна из её придворных дам не захочет пропустить это удивительное сражение из слов и музыки.

– Кроме вашей дочери, милорд.

– О, мой верный Ниллс, ты наносишь мне удар в самое сердце. Но сейчас речь не о моих детях.

– Я всё проконтролирую, и лично...

– В этот раз не лично. Не показывайся на глаза, не появляйся там. Все знают, кому ты служишь, и могут догадаться о нашем участии. Пусть твои люди напугают леди Глейгрим, пусть её вытащат из кареты, ударят её придворных, а лучше возьмут силой одну или двух её дам, но не её саму. При появлении охраны им лучше убежать сразу же, нам достаточно, чтобы все поняли – Флеймы перешли к более серьёзным действиям. Ты меня понял?

Флеймы... Это они убили всех дорогих Рорри людей. Лорд Экрог затеял подставить их, так им и надо! Лорд Дримленс решил подползти поближе, но шпион из него вышел посредственный. Почти сразу, как он прошёл через приоткрытую дверь, Ниллс вытащил из ножен меч и кинжал, этот звук сложно перепутать с каким-либо другим.

– Покажись. – Лорд Экрог встал со своего места, Рорри, сидя под накрытым скатертью столом, видел, как ноги лорда приближаются к нему. – Не бойся.

Рано или поздно лорд Редгласс всё равно найдёт его. Рорри не хотел сердить дядюшку и, неуклюже пятясь, покинул своё убежище и встал перед мужчинами.

– Рорри? Что ты здесь делаешь?

Велес

Королевский замок представлял собой прекрасное строение, намного большее, чем все замки лордов, которые Велес видел по дороге, и уж тем более большее, чем тот, в котором он провёл всю свою жизнь. У Санфелла, кроме дозорных башен, насчитывалось ещё пять, и все они стремились вверх, а также были три внешние и две внутренние стены.

Некоторые части строения местами достигали и четырёх этажей в высоту, а Башня Мудрости и вовсе выглядела так, словно могла вместить в себя половину жителей Ворнингбелла – столицы Лоудбеллов.

Велес был преисполнен надежд, его сердце билось настолько часто, что, казалось, вырвется из груди. Юноша провёл оруженосцем рыцаря-друга отца уже шесть лет, правда, не покидая родных земель, и теперь, чтобы исполнилась его мечта стать рыцарем, а затем он смог попасть в Серый Орден, ему необходимо было найти себе учителя среди Серого Братства. Да, король не желал, чтобы лорды приносили клятвы и отказывались от семей и детей, чтобы они посвящали свою жизнь службе, особенно если являлись единственными наследниками своих родов мужского пола, однако юноша верил, что сумеет убедить Его Величество и покажет свои таланты. А его младшая сестра, как когда-то мать, продолжит их Ветвь с достойным супругом.

Велес проделал долгий путь, чтобы выступить на первом в своей жизни турнире, где из всех желающих уважаемые сирсы будут выбирать себе воспитанников.

Вокруг города расположились многочисленные шатры для оруженосцев, в некоторых располагалось по трое, а то и более юношей, недостаточно обеспеченных для жизни по отдельности. Со многими приехали семьи, старшие братья или отцы. С Велесом прибыл друг его отца, что обучал его все эти годы. Юноша был благодарен – поддержка и уверения рыцаря, что уж сына сира Отто Тихого, да к тому же ещё и лорда, владеющего оружием как ближнего, так и дальнего боя, захотят взять все, вселяли надежду. Он верил учителю. Может быть, потому, что страстно мечтал повторить путь отца?

Сир Отто состоял в Сером Ордене, он был перспективным бойцом и мог бы продвинуться дальше, однако во время очередного похода за пределы земель Старскаев ночью подвергся нападению и был ранен. В ближайшем месте, до которого он сумел добраться, он попросил ночлега и помощи. Этим местом оказался родовой замок Лоудбелл, по счастливой случайности, именно тот, где жила молодая леди Лоудбелл, не так давно похоронившая своего отца. Леди помогла рыцарю, ухаживала за ним, между ними случился роман, и Его Величество Гийер, по просьбе обоих влюблённых, разрешил Отто покинуть службу, жениться и пожаловал ему титул лорда за верную службу. Через полтора года после этого

родился Велес.

Юноша считал, что он виноват в уходе отца из рыцарства. А многочисленные рассказы, подробные и красочные, о рыцарском братстве, о жизни, отданной короне, о подвигах и путешествиях пробудили в его душе мечту.

В первый день оруженосцы соревновались в стрельбе из лука. Велес не очень любил это оружие, предпочитая биться с противником лицом к лицу, однако проявил себя неплохо. Глашатай зачитал список имён тех, кто вошёл в двадцать лучших, и имя Велеса Лоудбелла было там.

Во второй день все желающие показывали себя во владении метательными копьями, в третий они демонстрировали успехи в обращении с пращей, в четвёртый день их ожидала рукопашная схватка, на пятый – рассматривалось владение мечом и щитом, на шестой – коротким копьём, на седьмой – верховая езда и любое оружие на выбор учащегося, на восьмой – два коротких меча или один двуручный, а на девятый любое необычное оружие, на выбор Серого Ордена и по воле случая. По жребию Велесу в девятый день достался кнут. Он бы ни за что не понял, как обращаться с ним, если бы его учитель не поступился своими принципами – сир Леон Хитрый смог пробраться к своему воспитаннику, когда тот готовился и ждал своей очереди проявлять смекалку и появиться на ристалище. Наставник показал всё, что знал сам, и что-то из этого юноша даже успел усвоить.

Разумеется, обучиться владению кнутом за час было

невозможно, однако сын сира Отто смог достойно проявить себя и вошёл в десятку лучших бойцов, способных на импровизацию. В десять лучших он вошёл так же в пятый, седьмой и восьмой дни, его успех подпортило лишь обращение с пращой, он вошёл лишь в тридцать первых оруженосцев, зато все остальные дни он был в двадцатке.

К последнему дню Велес успокоился и ждал лишь окончания турнира и совета Братства. Его интересовало, к кому он попадёт и сколько рыцарей будет желать забрать его к себе. И вот, когда этот самый долгожданный день наступил, лорд Лоудбелл не мог стоять на одном месте и постоянно переминался с ноги на ногу. Вместе с ним толпились ещё около сотни молодых и талантливых юношей.

Сир Леон стоял рядом с ним. Мужчина положил юноше руку на плечо, чуть склонился, шепнул, что надо бы держать себя в руках, и Велес встал ровно.

– Сорок два оруженосца, Велес. – Друг отца звал его по имени почти всё время, лишь когда он был раздражён, то говорил «милорд Велес». – Ты знаешь, что это означает?

– Что у всех остальных оруженосцы уже есть?

– Это означает, что ты исполнишь свою мечту. А теперь слушай внимательно. И смотри вон туда.

Мужчина указал на противоположную сторону поля, что использовалось как турнирное. Там стояло более полусотни рыцарей. Один из них выходил вперёд и выкрикивал имя, названный оруженосец прощался с семьёй или наставником,

подходил к сиру, и они покидали поле – до посвящения или выгона юноша полностью подчиняется своему рыцарю, который был обязан заботиться о нём и обучать.

И вот имена звучали одно за другим – Отис, Улул, Сиад...

Велес смотрел, как те, что сражались лучше него и проявили себя достойнейшим образом, кто с улыбкой, а кто со слезами, обнимали своих сестёр, братьев, отцов и учителей, друзей, друг друга, если прибыли вместе, и отправлялись к сирам. Он был рад, что их оценили по достоинству и лучшие из Братства или других орденов забирали себе лучших из молодых и перспективных бойцов. Впрочем, это вовсе не значило, что его новый наставник будет худшим или недостойным, даже если его не выберет Волчий рыцарь, он всё равно сможет проявить себя и вступить в Серое Братство после окончания обучения. И вот пошли те, с кем Велес был наравне, где-то чуть уступая, а где-то выступая лучше. Один за другим. А лорд Лоудбелл ждал, ждал, ждал. И вот пошли те, кто выступал хуже него. Быть может, сиры случайно пропустили его или они ждут его наставника, или тот пропустил свою очередь?

– Благодарим вас за участие, будущие воины, быть может, в этот раз удача не улыбнулась вам, но мы надеемся увидеть вас на следующем турнире. – Главы орденов попрощались и все стали расходиться.

– Но... Но почему? Как?

– Погоди! Должно быть, это ошибка. Велес, я сейчас по-

говорю с моими братьями и...

– Это всё из-за тебя! – юноша готов был расплакаться у всех на виду. – Это ты прошёл в шатёр и учил меня! Нельзя было так, и меня из-за этого не взяли!

– Ох, прекрати, я не был единственным! Жди меня здесь, Велес.

Сир Леон поспешил к другим рыцарям, а лорд остался стоять, словно статуя. Другие юноши разговаривали, кто-то покидал турнирное поле, кто-то отошёл в сторону с компанией, уселся на потоптанную траву и отдыхал.

– Вы грустите, что вас никто не выбрал, милорд?

Велес не сразу понял, что вопрос был адресован ему, и закрутил головой.

Невысокий и жилистый мужчина, одетый в одежды Серого Ордена, с коротко отстриженными светлыми волосами, массивным носом, шрамами на лице и шее и пронзительными глазами, стоял рядом с ним.

– Милорд Лоудбелл, вы так сильно расстроились, что потеряли способность слышать и говорить?

– Прошу прощения, сир! Я не... Нет, да. Да, я расстроен и не сразу смог отстраниться от мыслей. Прошу прощения.

– Не хотите ли прогуляться за беседой?

– Мой наставник, сир Леон. – Велес выискивал знакомый силуэт, но рыцарь куда-то пропал. – Он велел мне оставаться здесь.

– Что ж, прогулка не займёт много времени. Не люблю

говорить при таком столпотворении. А, или вы боитесь меня, милорд?

Сир усмехнулся.

– Я никого не боюсь! Пойдёмте, сир?..

– Саттон.

Лишь когда они достаточно отошли от внешней стены замка и, соответственно, от всех шатров и костров, сир заговорил снова:

– Вы прибыли сюда просто испытать свои силы, милорд?

– О нет, сир Саттон! Я мечтал стать рыцарем. Это было моей мечтой всю жизнь, с тех пор как помню себя. Я грезил этим, я усердно работал, я...

– И вы не понимаете, почему выбрали не вас, хотя вы не были худшим. Вы не были и лучшим, но у вас есть талант.

– Благодарю вас, сир. Но почему же тогда?

– Ваш отец не рассказывал вам о том, кем был ранее?

– Он был, как и вы, сир, рыцарем. Из Серого Братства, сир.

– Да. Сир Отто был нашим братом, он был прекрасным воином, несколько более нудным, чем остальные его братья, но он должен был многого добиться и, быть может, возглавлял бы сейчас отряд, а быть может, взобрался бы и выше. Однако он предпочёл оставить дело своей жизни и связать себя узами брака.

– Да, я слышал эту историю и от отца, и от моей матушки, и от сира Леона.

– Он выбрал то, что ему подсказывало сердце. Будь он простым воином, его бы не осудил ни один человек, ведь любовь – это прекрасно. Сир Отто приносил обет безбрачия, когда проходил посвящение в рыцари, а все обеты требуется соблюдать. Принадлежи он к другому Ордену, и сей проступок не запятнал бы его репутацию... Настолько.

Велес знал про это. Он слушал и пока не мог понять, к чему ему снова рассказывают все эти правила.

– Серое Братство – лицо королевской армии. Представьте, что случилось с этим лицом, когда один из братства, пусть король простил его, позволил уйти и дал своё благословление, нарушает обеты, слова, что дал по доброй воле?

– Я не знаю, я думаю, что...

– Это лицо окунают в грязь!

– Но это было много лет назад.

– Милорд Лоудбелл, есть вещи, которые не прощают. Сир Отто опозорил наш Орден, до сих пор отголоски его предательства волнуют нас и портят нам жизнь. Первые же годы нас и вовсе не воспринимали всерьёз.

– Но я не мой отец!

– Разумеется. И вы не должны отвечать за его проступки. Но будете, милорд. Никто не захотел брать к себе напоминание о грехах рыцаря-предателя. Никто не хочет, чтобы его считали союзником сира Отто, бывшего рыцаря. Боятся, что их сочтут предателями, что станут ожидать такого же нарушения обетов.

– Но им надо говорить об этом с моим отцом, я ведь не он. Я другой человек и не стану нарушать обетов!

– Вы его сын, вы похожи на него, вы носите его фамилию и заявили сюда с его щитом. Ни один рыцарь не захочет связываться с сыном Отто Тихого, чуть не разрушившего всё Братство, даже будь вы лучшим из всех сегодняшних юношей. А вы – не лучший.

– Но это нечестно! Я не виноват, что так произошло, меня тогда ещё вовсе не было. И мой отец... Это ведь не он меня привёл. Меня привёз сир Леон, он друг моего отца, значит, не все рыцари злятся.

– И вас никогда не интересовало, почему сир Леон пропадает годами с вами. Он не выполняет поручения Его Величества и не находится здесь. Это не удивительно?

Мир начинал рушиться.

Велес не был готов к такому повороту. Он не был готов узнать, что его отец не благородный мужчина, что полюбил его красивую матушку и воспитывал с любовью отпрыска, а предатель и мерзавец, что испортил жизнь целому Братству, и теперь его поступок портит жизнь и Велесу.

– И что же теперь? Я зря учился? Я так хотел быть рыцарем! Это то, чего я хочу больше всего!

– Больше всего? Что ж, я не могу покинуть вас и оставить в беде, раз это ваша самая сокровенная и желанная мечта. Сир Отто очень давно был моим наставником и многому успел меня обучить. Что ж, я думаю, я смогу помочь вам.

– Вы расскажете всем сирам, что я не виноват в том, что сделал мой отец, и попросите их подумать ещё раз? Мне могут дать шанс?

– Лучше, милорд. На свой страх, под мою ответственность, я попробую убедить Братство позволить вам стать моим оруженосцем!

Велес открыл рот, но из него не вырвалось ни слова, только радостный вскрик. Юный лорд Лоудбелл обнял своего возможного наставника, забыв все слова благодарности.

Клейс

Ещё пара миль, и он будет на месте.

Вилстронги уже ждали его, регент отправил к ним гонца ещё за семь дней до своего путешествия. Его ждёт и сын Гийера – настоящий король Аурон.

Следуя элементарным требованиям безопасности, регенту не следовало путешествовать одному, даже если он передвигался по Королевским землям. Его статус обязывал иметь свиту, кареты, многочисленную охрану, однако он всегда избегал этого. После смерти друга он стал чаще посещать маленького короля, за последние полгода он уже третий раз покидал Санфелл. Но, отправляясь первый раз, он ограничился всего двумя десятками солдат и десятком рыцарей – всем этим людям он безгранично доверял, семеро лучших из Серого Ордена были знакомы с Клейсом Форестом ещё с тех пор, как он остался жить в Королевских землях, а восемь бойцов и вовсе входили ранее в его личную охрану, привезённую из родного дома.

В этот раз его сопровождало три десятка рыцарей и шесть десятков воинов. После смерти Его Величества все недовольные осмелели.

Как бы Клейс ни противился это признавать, но смута охватывала всё большее количество земель. Он знал, что недовольные указами Фалина Доброго всё ещё есть, хоть и

предпочитают потягивать из укрытия. Он знал и то, что есть много групп, которые проповедуют, что душевнобольные – лишь наказанные Богом Мучений за свои грехи. Он знал, что есть и те, кто считает, что на лекарей лорды тратят слишком много средств, а изобретатели и учёные, теперь имеющие возможность свободно обучаться в Цитадели, лишь шарлатаны. Да, при короле Гийере все недовольные боялись выступить открыто.

Но проверить регента на прочность желали очень многие. И лорд Форест свято верил, что готов к такому повороту событий, что он справится, что никто не способен создать ему проблем. Он ошибался.

Всё началось с почти незаметных стычек населения с лекарями, периодически ему поступали жалобы на то, что учёных мужей и женщин ограбили или избили, а иногда и то и другое. Впрочем, это казалось вполне обычным делом – всегда были те, кто хотел поживиться за счёт других, всегда были те, кому не повезло попасться первыми на пути. Всегда были те, кого не устраивает нынешний расклад дел, король, лорд, или то, что небо над головой голубое, а не желтое, равно как всюду встречались и любители помахать кулаками ради собственного удовольствия.

Но со временем количество нападений и жалоб лишь возрастало. Прошло всего четыре цикла, как на улицах уже начали появляться целые отряды бойцов за мир без шутов и шарлатанов. В городе стража разгоняла их, а вне города...

Недавние одиночные выкрики о несправедливости и пожелания сжигать душевнобольных, а не отправлять их на Остров для лечения, теперь превратились в хор.

Пока регент Форест надеялся уладить всё мирным путём, он упустил драгоценное время. То время, в течение которого он мог приказать казнить на площади всего с десяток особо горластых горожан, а в других городах могли бы бросить в темницу всего нескольких человек и тем самым доказать, что принятые законы не обсуждаются. Теперь же остановить нарастающий бунт намного сложнее, и для этого ему потребуется помощь всех родов. Лорд рассчитывал на них.

Но и все Династии не помогут ему, не говоря уже про Ветви. Непонятные ему ссоры между Флеймами и Глейгримами, как обычно, произошли совершенно не вовремя, примирить их не удалось. И Клейса не отпускало предчувствие, что их конфликт может принять и большие масштабы.

Холдбисты располагались слишком далеко и были чрезмерно заняты обеспечением собственной безопасности, ведь если две враждующие Династии вдруг решат устроить войну, то в первую очередь пострадают они, Дримленсы и Редглассы. Впрочем, он не был уверен, что Экрог Редгласс не придумает что-то, чтобы нажиться на чужих проблемах. Он обещал посодействовать регенту и юному королю, однако всем известно, что у них самая малочисленная регулярная армия, а деньги в данной ситуации почти ничего не решают. Мальчишка Дримленс бесследно пропал, и его люди, хоть

и подчинялись Его Величеству, нуждались в крепкой руке и собственном правителе, без которого беспорядки начали твориться и на их землях. Да, ситуация с недовольными на западе была ещё хуже, чем в землях Старскаев. Человек Его Величества проявлял огромное рвение, старался изо всех сил, однако он был лишь назначенным на время наместником, и многие не воспринимали его слова как следует.

Молодой лорд Вайткроу теперь возглавлял свою Династию, от старшего брата лорд Форест слышал, что он планирует свадьбу, а значит, мальчишке будет совсем не до проблем в Санфелле. Да и можно ли рассчитывать на лорда, чей возраст едва достиг семнадцати? Клейс помнил себя таким, и теперь понимал, что не захотел бы связываться с собой из прошлого – что он только ни вытворял. Удивительно, что Гийер ни разу не наказал его.

Сейчас регент мог рассчитывать только на свою Династию Форестов, да на преданных королю Бладсвордов.

Этого было недостаточно. Слишком мало для подавления нарастающего бунта. Пожалуй, пока Династии заняты своими делами, ему необходимо поговорить с Ветвями, теми, чьи правители уже взрослые и разумны, например с вассалами Дримленсов и Вайткроу – быть может, они окажут содействие.

Волчий Орден справлялся с подавлением горожан, успевал объезжать на десяток миль вокруг замка и наказывать провинившихся и особо буйных престолюдинов, защищал

Остров и лечебницу для душевнобольных, но не более того.

Клейс подозревал, что есть и лорды, быть может из совсем Малых Ветвей, а может, и побогаче, кто поддерживает, хоть и без огласки, бунтарей. И что ещё хуже – к кричащим о неправильности принятых законов и желающим вернуться в прошлое лет этак на сорок, а может, и сто, присоединялись всё новые и новые люди.

– Ваше Высочество, – сир Тордж Проницательный поравнялся с Клейсом, – пожалейте себя и лошадей. Неужто мы настолько спешим? Поглядите вперёд, замок уже виднеется!

Регент и впрямь увидел вдалеке башни замка Вилстронгов, они возвышались над остальными постройками. Замок добрых друзей короля и воспитателей Аурана-настоящего располагался на холме и внутри него, стремящиеся вверх, к небу, башни можно было разглядеть издалека, а разноуровневый город вокруг замка скрывали многочисленные холмики.

– Да, вы правы, сир Тордж. – Регент потянул поводья. – Можем не торопиться столь сильно. Я углубился в свои мысли и перестал следить за дорогой.

– Я понимаю. В последнее время вы не похожи на себя, Ваше Высочество. А уж когда приезжаете сюда, то и вовсе невозможно понять, присутствует ли с нами ваш дух и разум, или осталось лишь тело.

– Всё настолько удручающе, сир?

Клейс улыбнулся – рыцарь сопровождал его сюда всякий

раз, он же был среди тех, кто много лет назад помогал убить семью того мальчишки, что сейчас сидит на троне в Санфелле.

– Более удручающе вы выглядите, когда возвращаетесь после посещения лордов Вилстронгов домой, Ваше Высочество.

– Да, ты прав. – Каждый раз в голову Клейса закрадываются одни и те же мысли – самозванец и простолюдин, что живёт в замке и спит в королевских покоях, был более воспитанным, умным, способным, талантливым и человечным, чем тот, кто вскоре должен на самом деле пройти коронацию и после править Ферстлендом. Лжеаурон не мог не радовать своими достижениями, в то время как родной сын Аалии Форест и Гийера не отличался ни одним из необходимых качеств не то что в полной, а хотя бы в допустимой мере.

– Недовольны будущим королём?

– К сожалению, вы правы, сир. Юный Аурон-из-замка радует меня всякий мой приезд, но вот второй...

– Быть может, нам следует выбрать того короля, кто наиболее достоин этой чести, Ваше Высочество?

– Вы предлагаете мне предать Его Величество, сир Тордж?

– Отнюдь. Я вижу ваши терзания и предлагаю вам подумать о том, какой выбор следует сделать. Благо, у вас ещё есть в запасе время.

– Так я думал и про взбеленившийся народ, сир, – време-

ни ещё много, я ещё успею сделать всё, что требуется, торопиться некуда. Но увы. Времени всегда либо слишком много, либо оно вдруг совсем выходит.

– Но если вы считаете, что из лже-Ауруна выйдет король лучше, чем из...

– Сир Тордж, оставьте это. Мальчик, с которым мы сейчас встретимся, – сын Гийера. Всё, что мы с вами делаем, необходимо, чтобы он выжил. Королевский род силён, мудр и негибает, и он должен продолжаться.

– Не стоит забывать, что мальчика из замка также воспитывал Его Величество. И он проводил с ним очень много времени, в нём есть часть бывшего короля. Большая часть.

– Я думал над этим. И после подумаю ещё.

– Его Величество, пожалуй, либо не замечал, кто из его детей достойнее, либо не хотел замечать. Он должен был выбрать сам. – Мужчина, давно знавший регента, помнил его ещё совсем мальчишкой и, вероятно, жалел его. – Оставлять этот выбор для вас, взваливать ответственность на вас, Ваше Высочество...

– Довольно!

Лорд Форест выпрямился в седле. Он почувствовал злость, задышал чаще, кровь прилила к голове и теперь стучала в висках.

– Замолчите. Не стоит никому, в том числе и вам, сир, отзываться столь нелестно о короле. Тем более винить его в чём-либо!

Остаток поездки прошёл в молчании, благо ехать оставалось не более полутора часов. Замок на холме был красив, его внешние каменные стены казались почти полностью зелёными, мощные стены замка также выглядели зелёными и мерцали на солнце, а стены возвышающихся башен, словно в сказках, переливались от жёлтого до красного.

Почти про все каменные здания Вилстронгов ходило множество слухов среди простолюдинов, но на самом деле ничего магического в этих стенах не было. Ещё столетия назад с камнями на этой земле случилось нечто необъяснимое – до сих пор мужи науки в Цитадели Мудрости пытаются разобраться в этом.

Все камни с тех дней отличались от остальных – вкрапления, похожие на разноцветные кусочки зеркала, встречались во всех. Каменщики Вилстронгов научились обрабатывать их – мебель, статуэтки и даже стены из этих камней ценились во всех уголках Ферстленда. Пусть доставлять их было и непросто, лорды Разноцветных камней, как везде называли правителей Ветви Вилстронгов, не упускали свой шанс и зарабатывали себе на жизнь и процветание рода именно продажей разнообразных изделий. Их холмистые земли были малопригодны для полей; птицы у них водились, а вот из скотины – лишь козы да овцы. Разумеется, чтобы прокормить народ, этого было недостаточно.

Камни обеспечивали владения продовольствием, а от желающих провести турнир в Певенаинфорте, нарисовать или

воспеть его, не было отбоя. Королю перепадала часть налогов с каждого подобного прибыльного мероприятия.

– Ваше Высочество, его Величество Аурон встречает вас! – Сир Тордж понадеялся, что сейчас было самое время вновь заговорить и забыть о разногласиях.

Он оказался прав. Около получаса назад отряд из Певенаинфорта отправился им навстречу, и, пока регент слушал новые занимательные истории и слухи, а также делился собственными с предводителем отряда сиром Тавмом Болтливом, Клейс успел остыть.

Лорд Форест помахал мальчишке – тот прибежал к опустившемуся мосту, что служил одним из двух проходов через ров, и ждал, пока откроют ворота.

– Удивительный замок! – заметил сир Тордж. – А в солнечную погоду, как сегодня, он и вовсе кажется магическим!

– Вы уже слишком взрослый мужчина, сир, и вы бывали здесь не раз... – Клейс улыбнулся. – Неужели вы до сих пор верите, что жена строителя была ведьмой и на славу постаралась? Или вам ближе мнение, что первый лорд Вилстронг, младший брат короля Ситара Старская, смог убедить Богов, вознося им молитвы тридцать девять лет без перерыва на еду и походы в отхожие места для того, чтобы доказать – он лучше и искуснее всего своего семейства, и тогда Боги отдали ему радугу и он украсил ею свой замок?

– Да, эта история известна всем, Ваше Высочество.

– Ещё где-то я слышал легенду, что один из последующих

лордов Вилстронг во время последней войны, когда его взяли в осаду, размолот в пыль все зеркала, все украшения, подсвечники и факелы, всё ценное, что было у него и людей, и приказал, если его войско падет и враги войдут в его дом, развеять эту пыль по ветру, но она осела на пропитанные кровью его подданных и врагов стены и осталась там по сей день. Говорят, он хотел лишить недругов радости от победы. Уверен, последняя история совершенно безумна, думаю, её придумали во времена правления лорда Сиака Жадного Вилстронга, и с тех пор она почитается народом.

Наставник юного короля рассмеялся, он, на удивление, знал очень много интересных легенд и запоминал то, что говорили в народе, хоть и считал это детскими сказками. Регент и сам порой удивлялся своей памяти.

– А вы сами предпочитаете какую из легенд, милорд?

– Я читал древние записи. Летописцы утверждают – много столетий назад, когда ещё только появились Династии, огненнохвостые звёзды упали на наши земли, нанесли много вреда, и после их падения произошло много странного. Вероятно, появление разноцветных камней более похоже на последствия от огненнохвостых звезд, нежели на развеянную по ветру пыль из драгоценностей. К тому же в летописях встречается ещё ряд событий, связанный с падением звёзд.

– Вас это до того сильно интересовало?

– О нет, все эти записи мне показывала моя дорогая сестра Аалия. Её всегда очаровывали легенды, в которых сложно

разобраться, летописи ещё со времен появления Династий, древние поверья о родах – великих и не очень.

– Она что-то искала в них, Ваше Высочество?

– Может быть. Аалия, сколько я её помню, была впечатлительной, а после погребения её первого сына вдруг поверила в проклятия и магию. И, как бы мне ни было неприятно об этом говорить, её вера была схожа с помешательством. Однажды мне шепнули, что она собрала таких же верующих, как она, снабжала их золотом и помогала им выяснять, что из старинных легенд и слухов правда, а что – вымысел.

– Неужели у нас существует этот отряд до сих пор?

– Разумеется, нет. Орден, как они себя называли, уничтожен. Я очень любил свою сестру, и Его Величество Гийер любил её всей душой, но мы оба, думаю, видели, что... Мы не могли отправить её на Остров, а следовало бы. Там бы о ней могли позаботиться, и, быть может, она бы была сейчас с нами.

– Мне очень жаль, милорд. Аалия была прекрасной королевой, и да пусть теперь Боги позаботятся о ней.

– Или она о них...

Сир Тордж неодобрительно покачал головой.

Клейс не был ярым приверженцем Храмов, он выполнял традиции и положенные ритуалы, но разуверился в Богах. Рыцарь же не потерял веры, и иногда у них случались религиозные споры.

– Этот орден, милорд, в чём его смысл?

– Аалия со своими странными друзьями уверовала, что Орден Тринадцати, что был уничтожен ещё Фалином Добрым, был отличным от Культа Первых. Она считала, что его необходимо восстановить и проводить какие-то ритуалы во владениях каждого из лордов Династий.

– Я и не думал, что смерть сына повлияет на неё настолько...

– Она потеряла своего первенца, сир. У женщин свои взгляды на жизнь и своё отношение к детям. Я нередко встречал упоминания о матерях, что совершали безумства ради спасения своего старшего мальчика, каким бы он ни был.

– Даже если он недостоин спасения?

– Да. Только для нас существует такое понятие. Отцы тоже нередко закрывают глаза на деяния своих отпрысков – мне прощалось практически всё, хоть я и не был худшим из детей. Райану отец прощал не меньше, но наша мать... У них с Райаном была особенная связь. Я не хочу сказать, что она не любила меня, но старшего из нас она оберегала изо всех сил. Ох, а вот и король! Продолжим разговор позднее.

Сир Тордж кивнул в знак согласия.

Клейс поспешил слезть с коня, потому как мальчик королевских кровей побежал к нему, стоило лишь открыть ворота. Отряд остановился и ждал, пока у края моста регент поймает хохочущего Ауруна Старская и отнесёт его за надёжные стены главного замка Вилстронгов.

Коня Клейса за стены отвёл Тордж.

Кайрус

– Осуждённый Дорр, осуждённый Илон, осуждённый Франк, – традиции требовали, чтобы к каждому из стоящих перед палачом обращались лично, – осуждённый Фер, осуждённый Мил... – Кайрус учился своему делу с детства и отличался прекрасной памятью.

Он держал в руках свиток с королевскими печатями, указ, что был написан рукой регента и заверен в присутствии королевского Совета, однако смотреть в него не требовалось. Кайрус помнил каждое имя и каждое слово, знал порядок выполнения всех формальностей и не питал жалости к тем людям, что стояли сейчас перед ним. Порванные и грязные одежды, спутанные и слипшиеся волосы, серые лица, тела, исхудавшие за многие циклы, проведённые в камере, босые ноги... С этих людей нечего было брать, и Кайрус обрадовался, что ему не придётся взваливать на себя грехи всех этих людей.

– Его Величество король Аурон Старской вместе с Его Высочеством регентом лордом Клейсом Форестом и королевским Советом, за ваши злодеяния и преступления, включающие в себя разведение смуты среди населения, нападение и причинение вреда здоровью и имуществу учёных мужей Карла и Бака, похищение и уничтожение имущества изобретателя Хэга, обвинения титулованных особ в их пред-

взятом отношении к Гильдии Мудрости, а также попытку совершения поджога Пристанища для душевнобольных и тем самым намерения совершить убийства беспомощных больных и находящихся там верноподданных лекарей из Гильдии Мудрости, вам вынесен приговор...

Кайрус не первый раз зачитывал подобный текст, его голос не дрожал, оставался ровным и размеренным. Он думал только о том, как справятся его сыновья с их обязанностями – старший, Ларс, уже бывал с ним на городской площади, но для младшего, Рисса, это был первый урок. Быть может, следовало не слушать друга Июла и выбрать для второго сына более спокойный день.

– Осуждённый Франк, за то, что вы являетесь главарём, что подтверждали самолично, а также являетесь зачинщиком всех совершённых преступлений, вас приговаривают к смерти через повешенье, а ваше тело, в назидание другим, будет висеть на позорном столбе.

Ни одна казнь не обходилась без гама, без криков из толпы, без согласного ропота и осуждающего шепота. Кайрус – потомственный королевский палач, почётный и уважаемый всеми остальными палачами, из семьи, что исполняет свой долг уж не первую сотню лет. Палачи оглашали приговоры, исполняли их, но никогда не выносили самостоятельно. Так повелось уже давно.

Они – лишь средство наказания в руках короля или лорда, равнодушное, незаинтересованное, не испытывающее ника-

кой жажды крови. К сожалению, или, скорее, к счастью, люди не могли вымещать злость на короле, что подписал указ, на регенте, что вынес решение, на Совете, что высказывался, но могли на исполнителе воли правителя.

– Пусть бог мучений нашлёт на тебя болезни!

– Ты поплатишься за это!

– Отлучённый!

Всех палачей называли отлучёнными, так как считалось, что они принимали на себя все грехи и проклятия тех, кого они казнили, им запрещалось заходить в храм и молиться, ведь обращение от них могло разгневать Богов. Гийер боролся за право палачей входить в Храмы. Чтобы это не вызвало неодобрения, он издал указ, гласящий, что мастера топора и плетей должны стоять позади всех и подходить к священнослужителю лишь после того, как вся паства покинет стены храма. Почивший король не был таким рьяным бойцом за свои законы, как Фалин Добрый. Да и, признаться, почти никто из палачей не питал любви к религии и не отличался верой в Богов и, следовательно, не стремился попасть в Храм.

Но было и то, что отличало таких, как Кайрус, помогало переживать тяготы их жизни – у карающего органа власти правителей не брали денег. Принять монеты из рук убийц и мучителей считалось невозможным, ведь это грозило проклятием для берущего. Также и продукты пропитания, которые им требовались, каждый палач и члены его семьи могли брать на рынках и в лавках бесплатно. Им платили хорошее

жалование, после казни им разрешалось забрать себе всё, что было на приговорённом ниже пояса, а любители чёрной магии частенько выкупали различные части тела мертвецов.

Кроме того, Кайрус был женат второй раз, хотя его первая жена жива и здорова. Единственными людьми, кому разрешалось разойтись и найти другую жену, если среди двух детей не родится ни одного мальчика, ещё до начала Эпохи Королей были палачи.

Первый раз Кайрус женился в шестнадцать, жена родила двух девочек, одна умерла спустя три цикла, а вторая не пережила первого года жизни, и тогда он, с разрешения короля, взял себе вторую жену – крепкую и работающую сестру своего хорошего приятеля Йола, милейшую Онсу, из таких же потомственных карателей, что и он. Онса родила ему уже трёх сыновей, двое теперь помогали ему, а третий только учился ходить, двух прекрасных дочерей, из которых росли отличные помощницы для матери, а в будущем они смогут стать хорошими жёнами детям его друзей, и сейчас семья вновь ждала пополнения. Кроме того, Онса успевала содержать в чистоте и порядке их дом, шить наряды для всей семьи и в совершенстве обучилась чтению и письму, чтобы иногда помогать мужу.

– Прошу тебя, пощади... Пощади моего сына!

– Надеюсь, вороколы выключают тебе глаза!

– Да сгорит весь твой дом!

Кайрус слышал всё это множество раз. Одно и то же по-

вторялось с каждым приговором. Впервые он услышал в свой адрес подобное, когда пошёл с отцом в семилетнем возрасте. Мальчики лет шести-семи должны начинать постигать дело своей семьи. Конечно, поначалу им приходится тяжело – их пугают крики боли и злые лица, пугают проклятия и жестокость толпы на площади, им непонятны приговоры. Но первое, что им требуется научиться делать, – оградить душу и разум от происходящего, побороть жалость и брезгливость, и лишь после этого они смогут продолжать.

В первый день с отцом Кайрусу всё время хотелось плакать – тогда на площади наказывали молодых юношей-воришек – самому старшему из них было лет шестнадцать, не больше. Те мальчишки обокрали служанку королевы Миррен Старской, матери усопшего короля Гийера Старская. Кайрус хорошо помнил, как всем вора за такое деяние отрубили руку, пожалев лишь самого младшего и лишив его двух пальцев с правой руки.

Именно тогда будущий палач рыдал и отказывался помогать отцу, он должен был собирать отрубленные конечности и мыть помост от крови. И его пугали ужасные проклятия и искривлённые гримасой злости лица вокруг. Отец объяснил Кайрусу, что это их предназначение и что если не будет палачей, на которых люди будут выплескивать злость, если не будет тех, кто наказывает за преступления, то мир погрузится во мрак.

Молодой король Гийер тогда лишь планировал занять ме-

сто отца, его коронации ещё не было, а Фалин ещё не успел отплыть в Новые Земли. Королева Миррен, в первую очередь, – супруга, мать и женщина, страдала от сильных мигреней. Совершила ли она плохой поступок, отправив служанку за травами для себя? Было ли неправильным с её стороны дать серебряные монеты и попросить обменять их на снадобье девушку, чья жизнь заключалась в служении и помощи королеве? Было ли справедливо обокрасть молодую служанку толпе, пусть и молодых, но всё же мужчин? И следовало подумать также, что могло бы произойти, не накажи за столь хамское нападение воришек. Быть может, спустя год, а то и меньше, все, совершенно не стыдясь, обворовывали и убивали бы друг друга на глазах у прохожих, а придворные боялись бы покидать стены замка без воинов.

Кайрусу объяснили про справедливость, но куда больше про то, что у каждого есть своя цель, своя работа и свой талант. Его талант, как и у его отца, дяди, кузена и всех по мужской линии, – быть оружием для свершения правосудия.

– Нет!

Одна из осуждённых, насколько он помнил, её звали Найра, бросилась к Франку, но помощники Кайруса остановили её и вернули на место.

Палач сопровождал до виселицы осуждённого и надел на его шею петлю. Как и любой другой человек, Франк имел право исповедаться, высказаться или попросить прощения. На помост к приговорённому поднялся жрец из городско-

го Храма, и палач терпеливо ожидал, пока слугитель Богов отойдёт в сторону.

Кайрус нажал на рычаг, цепи скрипнули, и пол под Франком провалился. Ларс тем временем уже нёс отцу щипцы и небольшую жаровню, а Рисс розги.

– Осуждённый Дорр, осуждённый Илон, осуждённый Фер и осуждённый Мил, Его Величество великодушен и пожелал смягчить для вас наказание. Вас приговорили к двадцати ударам розгами каждого, а также вам и вашим отпрыскам запрещено работать в замке.

– Нет! Но я не сделал ничего плохого! Меня схватили и осудили по ошибке! – Мил и его семейство работали на кухне.

– Осуждённая Иви и осуждённая Зея, в отношении вас Его Величество проявил милосердие, вас приговорили к семи ударам розгами каждую. Осуждённая Найра, за ваши деяния, клевету и подстрекательство вас приговорили к избавлению от языка, коим вы поливали грязью королевскую семью и проклинали невинных, и десяти ударам розгами.

– Да сгорите в пламени и ты, и весь твой род!..

Столпотворение подошло к концу, стоило лишь привести в исполнение все приговоры. Жажущие зрелищ люди расходились по своим делам, лишь несколько членов семей казнённого и наказанных рыдали у помоста, бросали проклятия или помогали осуждённым подняться. Нескольких после розог пришлось уносить их родным на руках, это было обыч-

ным делом.

– Отец, я рад, что ты доверил мне помогать тебе сегодня! – Ларсу в этот день доверили нанести несколько ударов, это полезно для его обучения, не всё ж ему мешки бить. Он весь пошёл в Кайруса – широкоплечий, высокий, с широким лицом и тяжёлой нижней челюстью. Мальчик уже проводил много времени на солнце, тренируясь в пытках и телесных наказаниях, наблюдая за отцом или развивая своё тело, а потому, как и отец, имел сухие и тёмные волосы, загорелую кожу, а его детская опухлость медленно и верно перерастала в развитую мускулатуру.

– Тебе уже пора замещать меня, когда требуется, и посещать со мной Совет, когда меня приглашают, Ларс. Как ты себя чувствуешь, Рисс?

– Мне не нравится здесь, отец. Люди плохо про меня говорили, и про тебя, и про Ларса. И они кинули в меня грязью!

Иногда люди переходили все грани дозволенного, в Кайруса, бывало, кидали и камнями. За причинение вреда палачам полагалось строгое наказание, но за такие мелкие провинности, как грязь, никто из королевских людей не стал бы вешать всю толпу. Вычислить же, кто именно сделал пакость, не представлялось возможным.

– Да, такое случается, сын. Было больно?

– Нет. Но почему они нас ненавидят?

– Они понимают в глубине души, что ничего не могут сделать с нами. Они выражают своё неодобрение приговором

Его Величества. Но высказаться королю люди не могут. И потому винят нас.

– Но ведь мы не виноваты!

– Я знаю. Но пусть лучше они срываются на нас, чем на короле. Запомни, Рисс, мы делаем всё правильно. К грязи и проклятиям придётся привыкнуть. Тебе было страшно?

– Нет.

– Хорошо. Рисс, убери здесь и вымой пол. Ларс, помоги мне снять тело. Ты принёс иглы и нити?

– Зачем?

– Чтобы зашить после. Вчера одна неназванная обратилась ко мне и пожелала купить сердце сегодняшнего мертвеца. Хорошо, молодец, бери за ноги! Да, молодец, Ларс. И нужен нож поострее, волосы висельника – ценный товар.

Рирз

Как бы ни было стыдно признаваться себе, но Рирз ощущал страх. До этого он боялся только своего отца и что корабль вместо того, чтобы доплыть до Новых Земель, потонет, по задумке Рогора Холдбист, где-то между двумя материками. Лорд одной из Великих Династий мог пожертвовать людьми, чтобы избавиться от своего нежеланного отпрыска. Вероятно, ему не захотелось терять хорошее и дорогое судно.

Казалось бы, разве можно бояться в защищённом частоколом лагере? Тем более в том, где находятся уже несколько сотен воинов, не считая представителей других ремёсел, которые, в большинстве своём, станут защищать своего правителя или хотя бы самих себя? Бастард был уверен, что ответ должен быть отрицательным, но увы. Раз за разом он прокручивал в голове один и тот же диалог с Гертом, который случился ещё в первые сезоны. В какой именно день – сын Рогора уж и не помнил, все они давно стали похожи друг на друга, их разделяли лишь прибывающие корабли.

– Итак, милорд, пройдемся по записям ещё раз? Наш правитель прислал нам очередное письмо, где снова исправил цифры, – Герт сидел на улице на стволе поваленного дерева и пытался удержать на коленях перо, папирус и ёмкость с чернилами.

– Я догадываюсь, что теперь он хочет забрать всех воинов и лекарей, а меня назначает главным пахарем, рыболовом и лесорубом одновременно? – усмехнулся бастард. Он устало плюхнулся рядом и тут же получил от будущего кастеляна полный праведного гнева взгляд. Теперь на листе вместо аккуратной галочки стояла большая клякса, которая продолжала расплзаться. В руки лорду лагеря сунули чернила, и Рирз закатил глаза, пока Герт промокал излишки другим листом папируса и надеялся спасти послание Рогора Холдбиста.

– Скорее всего, он бы так и попытался сделать, но боится, что слухи дойдут до других лордов и они не оценят шутки, – Герт стряхнул излишки с пера в сторону. – Итак, всего в твоё распоряжение лорд Рогор планирует отправить, как он пишет, для помощи в скорейшем освоении территории, два десятка рыцарей и шесть сотен хорошо обученных воинов. Также для строительства крепости, её охраны и обеспечения патрулей и достойной жизни для своих подданных под твоё предводительство попадёт сотня молодых солдат. Для большинства этот поход – первое серьёзное испытание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.